АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли из печати:

ГОМЕР
ИЛИАДА

ЛУКИАН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
т. I

ЭСХИЛ
ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Выходят из печати:

ГОРАЦИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЛУКИАН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
т. II

ACADEMIA
Москва, Б. Вузовский, 1
Ленинград, Просп. 25 Октября, 28
Дом Книги

ГОМЕР
ОДИССЕЯ

ACADEMIA

ГОМЕР
ОДИССЕЯ

ACADEMIA

Одиссея Гомера в переводе В. А. Жуковского является на ряду с Илиадой высшим образцом эпоса, то есть того вида искусства, который, по словам Маркса, „в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, уже не может быть создан“. Но не только как исторический памятник входит гомеровский эпос в наш культурный обиход. Не меньше, чем другие памятники античного искусства, он по выражению Маркса, „продолжает доставлять нам художественное наслаждение в известном смысле сохраняет значение нормы и недосягаемого образца“.

К картинам древнегреческого быта, которые развертывает перед нами Одиссея, это должно быть отнесено не менее, чем к героике Илиады. Обе поэмы, неразрывно связанные между собой в веках, вместе вошли и в культурный обиход нашего социалистического общества. Оно всегда будет ценить их обе за ту „вечную прелесть“, с которой они выражают „детство человеческого общества, там, где оно развилось всего прекраснее“.

Цена Р. 7. 50

Гомер
Одиссея

ACADEMIA

ACADEMIA

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Под общей редакцией

Д. А. ГОРБОВА, В. О. НИЛЕНДЕРА

И П. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ГОМЕР

ACADEMIA

Москва — Ленинград

ГОМЕР

ОДИССЕЯ

ПЕРЕВОД В. А. ЖУКОВСКОГО
СТАТЬЯ, РЕДАКЦИЯ И КОМЕНТАРИИ
И. М. ТРОЦКОГО
ПРИ УЧАСТИИ И. И. ТОЛСТОГО

ACADEMIA
1935

ʼΟΜΗΡΟΥ

ʼΟΔΥΣΣΕΙΑ

Иллюстрации и суперобложка
(гравюры на дереве)
Л. Р. Мюльгаупта
Переплет по его же рисунку

Одиссея

I

Одиссея — продолжение Илиады. Она смыкается с Илиадой, но не в том смысле, в каком продолжением Илиады являются поэмы так называемого «эпического цикла», нанизывавшие один за другим эпизоды на хронологический стержень саги и образовавшие в своей совокупности последовательную эпическую хронику похода на Трою. В «эпическом цикле» непосредственным продолжением Илиады служила «Эфиопида»; она повествовала о событиях, следовавших за заключительной сценой Илиады. Поэма начиналась слегка измененным последним стихом Илиады, и ее текст мог быть непосредственно присоединен к тексту Илиады.

Следующие поэмы цикла подхватывали нить повествования там, где она была оборвана предыдущей поэмой. Эта непрерывная летопись героического предания творится в Греции одновременно с первыми ростками рациональной историографии.

Одиссея, по своей поэтической направленности, глубоко отлична от поэм цикла. Подобно Илиаде, она менее всего задумана как часть какой-либо связной серии поэм и не построена как хронологически последовательная серия эпизодов. Вторая «гомеровская» поэма, как и первая, стремится к концентрации обширного материала в законченном кратковременном действии, которое отнесено к десятому году после падения Трои. Связь с Илиадой устанавливается не хронологическим смыканием, а ретроспективно, путем рассказов, вложенных в уста персонажей поэмы. Перед читателем Одиссеи пройдут все сколько-нибудь

заметные витязи греческого лагеря Илиады, живые и мертвые: поэт приведет Одиссея к теням Гадеса, для того чтобы он мог увидеть своих умерших боевых товарищей. В форме развернутого повествования или краткого намека Одиссея содержит сведения о судьбе основных героев Илиады. Но самым существенным является то, что ретроспективные повествования Одиссеи, поскольку они связаны с троянским циклом, касаются только героев Илиады и только тех событий, которые сага относит к промежутку времени между действием Илиады и действием Одиссеи. Сюжет Илиады предполагается известным и не требующим вторичного изложения, а фигуры, не упоминающиеся в Илиаде, повидимому, оказываются недостаточно интересными для творца Одиссеи. Сохраняя полную самостоятельность своей поэмы и нисколько не подчеркивая ее связи с прежним эпосом, поэт явно задается целью дать не одни только приключения Одиссея, но и показать главных героев предшествующей поэмы через несколько лет после событий, рассказанных в ней.

Связь Одиссеи с Илиадой рассматривалась в древности, — а нередко и в новое время, — как довод в пользу традиционного представления о едином Гомере, авторе обеих поэм. Но и античная литературная критика не могла не заметить глубокого различия в эмоциональной атмосфере между героическим эпосом о гибельном гневе Ахиллеса и полусказочной, полубытовой поэмой о странствиях и злоключениях многоопытного Одиссея и либо приписывала поэмы разным авторам, либо объясняла это различие тем, что Гомер будто бы написал Илиаду в молодости, а Одиссею на склоне лет. Так, неведомый ритор, который в 40-х годах первого столетия нашей эры составил столь прославленный впоследствии трактат «О возвышенном», отмечает, как симптомы «старости» Гомера, обилие сказочного элемента и бытовой, нравоописательный, «этический» характер Одиссеи, в отличие от «патетической» Илиады.

«По этой причине, — полагает он, — Илиада, писавшаяся в расцвете душевных сил, целиком драматична и полна бурного действия, а в Одиссее преобладает повествование, как это свойственно старости. Гомера в Одиссее можно поэтому уподобить заходящему солнцу, которое уже не пылает, но сохраняет свои исполинские размеры. В Одиссее он уже не выдерживает ни напряженности поэмы об Илионе, ни равномерности нигде не снижающегося в низины возвышенного стиля, ни непрерывного

излияния страстей, как в Илиаде, ни быстроты переходов, ни сжатой силы, ни насыщенности реалистическими образами, — но как у океана, который отступает в себя самого и уменьшается в собственных размерах, отливы величия замечаются и далее, в сказочности и неправдоподобии скитаний Одиссея. Говоря это, я не упустил из виду ни описания бури в Одиссее, ни эпизода о циклопе, ни остального, ибо, хотя я и изъясняю свойства старости, это все же — старость Гомера». Вопрос о взаимоотношении между Илиадой и Одиссеей наш автор рассматривает как частный случай более общей проблемы — проблемы упадка и одряхления гениального поэта.

Древняя наука ставила и разрешала вопрос в личном плане: один поэт или два? если один, то как объяснить его двуликость? Для современной науки проблема осложняется обилием «аналитических» возможностей многоавторства и многосоставности поэм Мы не будем возвращаться здесь к этому аспекту, освещенному в общей вступительной статье к Илиаде. Но и в предположении единого для каждой поэмы творца личное тожество обоих творцов остается недоказуемой, хотя и вряд ли опровержимой гипотезой. Как ни велики стилистические различия между Илиадой и Одиссеей, они обнаруживаются лишь на фоне глубочайшего стилистического сходства; и поскольку Илиада и Одиссея являются единственными сохранившимися памятниками греческого эпоса, наука не обладает объективными критериями даже для отграничения личного стиля творца от традиционного стиля эпоса, а тем более для каких-либо суждений о предельных возможностях эволюции стиля греческого поэта на разных этапах его творческого пути. Рассматривая обе гомеровские поэмы как цельные произведения, надлежит ограничиться лишь констатированием того факта, что «Гомер» Одиссеи является продолжателем «Гомера» Илиады, развивающим и совершенствующим трудное для ранних стадий эпоса искусство концентрации огромных масс традиционного материала и подчинения их организующему эпос заданию.

Но там, где античность ставила вопрос о взаимоотношениях между Илиадой и Одиссеей исключительно в личном, авторском плане, нами должен быть поставлен вопрос о социальной обусловленности различий между обеими поэмами. Путь от Илиады к Одиссее отражает диалектику развития ионийского общества независимо от того, отразилась ли эта диалектика на творче-

ском пути автора Илиады. И если в Одиссее, несмотря на то, что в отношении построения эпического действия и обрисовки характеров она представляет значительный шаг вперед по сравнению с Илиадой, мы найдем известные симптомы усталости и «одряхления», — причина этого будет лежать не в физической дряхлости поэта, а в одряхлении и отмирании той культуры, представителем которой поэт является.

2

Одиссея — такая же поэма эпохи становления античного общества, как и Илиада, но процесс перерождения патриархально-родового строя в античную общественно-экономическую формацию успел продвинуться несколько дальше. Это обстоятельство лишь косвенно отразилось на характере того культурного фона, который Одиссея создает для «века героев». Тенденция к архаизированию одинаково присуща обеим гомеровским поэмам, и в изображении материальной культуры и общественного строя героической эпохи Одиссея мало чем отличается от Илиады. Известные отличия имеются, но они сравнительно невелики и являются не столько обусловливающими, сколько обусловленными, вытекающими из основных различий в установке обеих поэм. Бытовые картинки Одиссеи с их мирным домашним колоритом неизбежно производят впечатление чего-то более модернизированного, чем боевые полотна Илиады. Эпический поэт — не археолог, и его видение героической эпохи основано главным образом на эпической традиции, которая, разумеется, не давала ему ни богатого реального материала, ни большого количества отстоявшихся формул для бытовых картин; предоставленный самому себе, он невольно ближе держался современности. Но это касается отдельных деталей, из которых наиболее существенные отмечены в общей вступительной статье. Основное различие между Илиадой и Одиссеей заключается в том, что при единстве культурно-исторического реквизита Одиссея акцентирует другие стороны жизни и создает для них новую эмоциональную окрашенность соответственно новому этапу в идеологии господствующих классов Ионии.

Наши сведения по истории малоазиатских греческих общин и островов Архипелага в VII веке, к которому большинство исследователей относят Одиссею, очень суммарны и не дают возможности подвести сколько-нибудь твердый фундамент под ре-

конструируемое нами идеологическое развитие. Место Одиссеи в этом развитии поддается фиксации лишь соотносительно с Илиадой и с теми ничтожными, в сущности, отрывками греческой лирики, которые бросают известный свет на культурную жизнь Ионии, начиная с половины VII столетия.

* * *

Уже в отношении Илиады приходилось указывать, что война, как таковая, не вызывает симпатий эпического певца. В Одиссее, для которой война существует лишь в форме грабительских и пиратских набегов, основной тон — прославление мирной культурной жизни. Греческий мореплаватель с грустью смотрит на дикий остров, где пасутся одни лишь козы:

Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.

(Кн. IX, ст. 130—135.)

Эту невозделанность плодородной земли грек приводит в связь с отсутствием мореплавания.[1] Не мало места уделено в Одиссее восхвалению мирного труда, и когда герой поэмы в одном из вымышленных рассказов изображает себя любителем военных приключений, он как бы в свое оправдание добавляет, что вкусы у людей бывают разные. Жажда славы и жажда богатства — основные стимулы, определяющие действование гомеровского человека, но в Илиаде слава чаще всего основывается на храбрости, в Одиссее — на интеллектуальных и моральных качествах. Совершенно очевидно, что аудитория, на которую рассчитана Одиссея, настроена далеко не воинственно. Соответственно меняется и тип героя.

«Хитроумный» герой дан, разумеется, сагой, которая недаром вела родословную Одиссея от знаменитого вора греческих сказаний, Автолика, или от «коварнейшего из людей», Сизифа, который сумел перехитрить и самое Смерть и Аида, владыку царства мертвых. Герой-хитрец, герой-обманщик — популярная фигура

[1] В переводе затемнено. См. прим. к кн. IX, ст. 130.

фольклора; попадая в сферу военно-аристократического мифотворчества, он становится воплощением военной хитрости; лишь благодаря хитрости Одиссея ахейцам удается взять Трою. В Илиаде на Одиссея возлагаются миссии, выполнение которых требует большого ума и самообладания — возвращение дочери Хризу, посольство к Ахиллесу. Буржуазная стихия превратит такую фигуру в авантюриста, в героя плутовского «пикарийского» романа. Совершенно иначе дан этот образ в Одиссее: ее герой только один раз, в эпизоде о циклопе, обнаруживает черты авантюриста, умеющего найти выход из любого трудного положения. Традиционное «хитроумие» получает более утонченное оформление, превращаясь в осторожность, недоверчивость, искусство обращения с людьми. Гомеровский Одиссей обладает способностью выдумывать о себе всевозможные «небылицы», для которых использованы элементы сказаний об Одиссее, не нашедшие места в самой поэме, но поэт прибегает к обычным в фольклоре примитивным «хитростям», предполагающим очень мало сообразительного противника, в роде циклопа Полифема; зато, в сцене узнания Одиссея и Пенелопы, он с законченным искусством проводит диалог между партнерами равной силы. Такая трактовка, обрекающая героя на известную пассивность, связана с тем, что, сохраняя в смягченной форме «хитроумие» Одиссея, поэт с первых же строк выдвигает другой аспект героя — страдальчество. «Многотерпеливый» — такой же постоянный эпитет Одиссея, как «хитроумный», и именно этот эпитет определяет собою эмоциональную атмосферу поэмы. Томящийся пленник богини Калипсо, злосчастный капитан преследуемого богами корабля, нищий бродяга, подвергающийся оскорблениям в собственном доме — вот те образы, которые должны запечатлеться в сознании слушателя, прежде чем Одиссей предстанет во всей своей мощи, и рассказ будет доведен до благополучного конца. В Одиссее много плачут и любят вспоминать о пережитом горе. «Насладимся, говорит Эвмей Одиссею, воспоминанием о наших обоюдных печальных страданиях:

о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете».

(Кн. XV, ст. 399—401.)

Скорбное видение мира свойственно обеим гомеровским поэмам, но то, что придавало Илиаде ее трагический колорит на фоне

суровой архаики саги, в Одиссее переходит порой в рафинированную чувствительность.

Макс Вундт замечает, что в истории греческой этики проблема страдания чаще всего порождала два ответа: «терпи» и «наслаждайся», и оба эти ответа он находит уже у Гомера. В действительности, у Гомера развернут только первый ответ, и преимущественно в Одиссее,[1] где стойкость в бедствиях является основной чертой героя:

В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих — и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас погибавших открыло.
Так усмирял он себя, обращаяся к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его.

(Кн. XX, ст. 17—24.)

В этом отношении Одиссея перекликается с лирикой Архилоха (ок. 650 г.), у которого терпение получает характер некоего этического лозунга.

Но и от зол неизбывных богами нам послано средство:
Стойкость могучая, друг, — вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде, —
Завтра в другого ударит. Отбросьте же женственной скорби
Гнет и как можно скорей перетерпите напасть.

(Пер. Вересаева.)

Лозунг стойкости выводится из соображений о превратностях жизни, которые намечены в скорбных сентенциях Одиссея, но у Архилоха более четко осознаны и яснее формулированы:

В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй,
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

(Пер. Вересаева.)

[1] Герои Илиады не нуждаются в утешениях: призывы к «терпению» звучат в ней только в устах богов и имеют несколько пародийный характер (кн. I, ст. 586; кн. V, ст. 382); иначе в более мягкой XXIV кн. (ст. 49).

Ритм жизни, изменчивость и текучесть существования, вечно колеблющегося между противоположностями, — краеугольный камень ионийской мудрости. Ни одна тема не развивается поэтами Ионии с такой настойчивостью; эта же идея лежит в основе всей ионийской философии и кульминирует в учении Гераклита. Сознание изменчивости мира, порожденное эпохой революции VII—VI вв., присутствует у Гомера в зачаточной форме, и первой реакцией потрясенного в своих вековых основах общественного строя на вскрывшиеся в ней противоречия был лозунг «терпения» и «стойкости».

Революционные бои находили идеологическое отражение в религиозной проповеди поэтов и пророков, углублявшей проблемы вины и греха, божественной справедливости и божественного воздаяния. Подымающиеся массы противополагают миросозерцанию господствующего класса этически переосмысленную крестьянскую религию хтонических сил с ее оргиастическими культами и мистериями, в которых участники священного действа становились причастными божеству. В противовес этим тенденциям аристократия выдвигает религию Аполлона Дельфийского, которая осуждала «заносчивость», стремление выйти за установленные грани, и укрепляла солидарность знати, заменяя своими «очищениями» пережитки старинной кровной мести. Эти религиозные брожения в большей мере характерны для греческого континента, чем для Ионии; гомеровский эпос ими не затронут, но в Одиссее, которая в отношении религии по существу остается на позициях Илиады, замечается известное повышение религиозного тонуса, и резче выступает момент религиозной санкции поведения. Религия Одиссеи так же далека от массовых верований, как религия Илиады, но актуальная проблематика божественной справедливости, кары за нарушение этических норм, божественного надзора за добрыми и злыми действиями людей развернута в младшей поэме с большей настойчивостью. Конфликт Агамемнона с Ахиллесом — казус обычного права, нарушение принятых норм, не опосредованное этическим сознанием; поведение женихов в Одиссее неугодно богам, блюстителям нравственности, и влечет за собой божественное возмездие. Поэтому Одиссея чаще оперирует знамениями, возвещающими волю божества, вещими снами и пророческими видениями. Пронизанность сюжета религиозно-этическим началом находится, конечно, в тесной связи с образом стойкого в испытаниях героя, и оба эти аспекта оди-

наково симптоматичны для идеологии аристократической верхушки Ионии в преддверии революционной эпохи или на ее начальных этапах.

* * *

Может, однако, возникнуть сомнение, действительно ли обе поэмы отражают идеологию одного класса, не является ли Одиссея эпосом, исходящим из каких-либо анти-аристократических позиций, как то: из идеологии зажиточного крестьянства или городского демоса. В гомеровской литературе иногда высказывается мнение, что Одиссея, в отличие от «придворной» Илиады, рассчитана на более демократическую аудиторию, на «мелкий люд». Враждебное отношение поэта к знатным «женихам» и тщательно вырисовываемые образы рабов, в особенности фигура «божественного свинопаса» Эвмея, создают, казалось бы, известную опору для этого толкования, но при ближайшем рассмотрении легко обнаружить его ошибочность. Критика поведения «женихов» дана с точки зрения господствующего класса и менее всего фиксирует внимание на тех вопросах, которые волновали крестьянство или демос. В Одиссее мы не найдем и следов того протеста против произвола аристократии, против неправедного суда и взяточничества, который звучит в крестьянской поэме Гезиода, никаких указаний на классовую рознь между аристократией и подчиненным населением. Законность поборов с «народа» для возмещения расходов, понесенных царем и знатью, не возбуждает у поэта сомнения; скорее уже в Илиаде можно найти выпады против неправедных судей и царей «мироедов». Беззакония «женихов» имеют место исключительно в отношении семьи отсутствующего царя. Эпический певец защищает прерогативы наследственной царской власти и осуждает фрондирующую аристократию; в этом смысле Одиссея является не менее «придворным» эпосом, чем Илиада.

Царственней вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда там владычество вам сохранится. —
(Од., кн. XV, ст. 533—534.)

говорит Телемаху предсказатель Феоклимен. А когда женихи замышляют убить Телемаха, Амфином боязливо замечает:

Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело.
(Кн. XVI, ст. 401.)

И Эвримах, оправдываясь перед Одиссеем, пытается взвалить всю вину на мертвого Антиноя, который замышлял не только стать мужем Пенелопы, но и захватить царскую власть, умертвив Телемаха.

А ты, Одиссей, пощади нас
Подданных.

(Кн. XXII, ст. 54 сл.)

Именно в Одиссее прорываются следы представлений о магической силе царя, как источнике растительного и животного плодородия (кн. XIX, ст. 109—114). В эпоху, когда царская власть почти повсеместно исчезала в греческих общинах или превращалась в сакральный институт, лишенный политического значения, Одиссея изображает, с одной стороны, идеальное государство феаков, где наследственный царь, обладающий исполнительной властью, правит в полном согласии с прочими «царями», т. е. представителями знатнейших родов, а с другой — расправу царя над возмутившейся аристократией, и последний аккорд Одиссеи — торжественное заключение союза между враждующими сторонами. Зевс произнес свой приговор: Одиссей останется царем навеки, убийство «женихов» будет предано забвению, наступит взаимное согласие и благоденствие. Поэт остается идеологом царской власти, «придворным» певцом.

То, что поэт эпохи становления античного общества с любопытством вглядывается в фигуры рабов, — вполне понятно: именно в это время социальная значимость рабского труда возрастала. В эпизодах, где принимают участие рабы, рассыпано немало метких наблюдений; не ускользает от поэта и малая производительность рабского труда по сравнению со свободным (кн. XVII, ст. 320—323). Вместе с тем, совершенно очевидно, что образ преданного раба, тоскующего по своем господине и пространно разглагольствующего о его доброте,—продукт рабовладельческой идеологии. В зарисовках быта рабов (кн. XIV—XV) поэт далек от сурового реализма Гезиода; он не спускается с эпической высоты до уровня трудовой повседневности, и эпизод об Одиссее в гостях у свинопаса Эвмея — жанровая сценка, «древнеионийская идиллия». Культура Ионии не только в этом являет сходство с ранним эллинизмом, когда интимная картина из жизни маленьких людей становится модным литературным жанром; другой преобладающий жанр эллинистической литературы — эротическая элегия — также восходит к иони-

скому поэту Мимнерму (ок. 600 г.). В том, как эпический певец вводит Эвмея в среду своих аристократических персонажей, много изысканной «литературности». «Низменные» фигуры подаются на контрастном фоне высокого стиля. Характеристики Эвмея, как «свинопас богоравный», или «повелитель мужей», вовсе не являются «стоячими» эпитетами, небрежно оброненными поэтом. Перевод не может передать того систематического использования терминов быта и материальной культуры высших классов, которое характерно для рассматриваемого эпизода Одиссеи в применении к жизни рабов (ср. напр. прим. к кн. XIV, ст. 64); даже обычная форма введения реплики, в третьем лице, по отношению к Эвмею (и в Одиссее только по отношению к нему) большей частью заменяется патетическим обращением во втором лице:

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный.

Повествование о том, как Эвмей принимает и угощает Одиссея, не что иное, как перенесение в иную обстановку рассказов об аристократических приемах знатных гостей (напр. в III и IV книгах Одиссеи), своего рода пастиччио. Стертые эпитеты и формулы начинают играть новым светом, будучи транспонированы в необычную для эпоса среду. Аналогичный прием наблюдается в жанровых сценках раннего эллинизма,[1] так что Одиссея и в этом отношении является их предшественницей. Неудивительно поэтому, что раб свинопас в конце концов окажется украденным царевичем. Самая фигура свинопаса Эвмея могла быть дана поэту традицией (так, по крайней мере, думают многие исследователи) и восходить к временам, когда наименование свинопаса не было связано с низменным общественным положением; трактовка образа в Одиссее одновременно свидетельствует и о классовой установке певца, идеолога господствующего класса, и об эстетической культуре его аудитории, и о том, что патетика саги, повествующей о веке героев, становится уже разменной монетой.

Рафинированность эпического изложения — лучший показатель уровня той аудитории, для которой Одиссея предназначена. Для ионийской новеллы, вышедшей из более демократических

[1] См. А. Егунов, Греческий роман и Гелиодор (Гелиодор. Эфиопика, Academia 1932), стр. 27.

слоев, характерна (даже в ее рефлексах у Геродота) непосредственность в трактовке сексуальных тем, «натуральная» откровенность языка. Одиссея имеет гораздо более «салонный» характер. Сцена олимпийского адюльтера (Афродита и Арей) подана с утонченной фривольностью, нигде не переходящей за пределы «хорошего тона», без единого грубого слова. Более того, в Одиссее замечается необычная для древнего быта стыдливость (Навзикая), pruderie, которая в VII в. могла быть свойственна лишь аристократической верхушке. Любопытна и разработка мотива «узнания» Одиссея: в то время как в сюжетах о муже, возвращающемся после долгих странствий домой и попадающем на свадьбу жены, «узнание» обычно совершается на основании какой-либо «приметы», внешнего признака, в Одиссее эта примета использована лишь для того, чтобы слуги признали своего господина; Пенелопа не доверяет примете, но «узнает» мужа, когда он рассказывает ей, как устроено супружеское ложе. Поэт заменяет традиционное «узнание» более изысканным, основанным на ненарушимости альковной тайны.

Обе гомеровские поэмы отражают идеологию одного класса, но в этой идеологии произошли уже некоторые сдвиги, обусловленные дальнейшим перерождением ионийской аристократии, обострением классовой борьбы и надвигающимся революционным кризисом. Методом переосмысления старинных сказаний Одиссея пытается дать более «современного» героя и пронизать сюжет более современным мироощущением. Младший эпос — поэма мира, а не войны, не бранных подвигов, а стойкости и терпения, повесть об испытаниях, а не трагедия.

3

Одиссею нередко характеризуют как сказочный эпос. «Зерно Одиссеи, — пишет известный современный исследователь, — странствия Одиссея, состоит из приключений в фантастических странах, куда не ступала нога человека, с великанами, чудовищами и волшебницами, которых никогда не видело человеческое око, с циклопами и Сиренами, лотофагами и царем ветров, с Цирцеей и Калипсо, наконец в стране феаков, которые никогда больше не отвезут человека на родину, с тех пор как Посидон так жестоко покарал их за возвращение Одиссея: это не история, а сказки, которые с таким же успехом могли бы быть рас-

сказаны о Синдбаде, о герцоге Эрнсте и о любом Иванушке — и действительно рассказывались о них» (Э. Бете). В этом рассуждении отмечены две особенности, присущие Одиссее, — чрезвычайная близость ее и в целом и в отдельных частях к широко распространенным у различных народов сказочным сюжетам и сравнительно малая укрепленность сказания об Одиссее в системе греческой героической саги. Оба момента — лишь различные стороны одного и того же явления и взаимно друг друга дополняют. Сказания, историческая и географическая приуроченность которых не срослась с сюжетом в структурное единство, легко обнаруживают свою близость к аналогичным сказаниям, циркулирующим в другой среде, а отсутствие или случайный характер этой приуроченности и составляет один из отличительных признаков сказки.

Здесь не место останавливаться на сложных и спорных проблемах взаимоотношений между мифом и сказкой и их сравнительной древности. Для наших целей достаточно констатировать. что сказка отличается от мифа не столько сюжетом, сколько отсутствием магической связи между объектом повествования и социально-значимой действительностью. Сказка служит для развлечения и рассматривается как вымысел; она не составляет части «священной истории» племени и не связывает прошлого с настоящим. В рассматриваемую нами эпоху, когда греческое аристократическое мифотворчество развивается преимущественно в форме сказаний о героях, героической саги, сказка сохраняет и в своей структуре и в отдельных мотивах ряд архаических черт, отвечающих более ранним этапам социального развития. Идеология низших классов, среди которых живет сказка, попрежнему остается более примитивной, и сказка не претерпевает столь многочисленных изменений и переосмыслений, как миф, который по самому своему заданию должен приспособляться к быстрее развивающейся идеологии господствующего класса. Вплоть до эпохи капитализма сказка продолжает бытовать в крестьянстве на ряду с другими пережитками не только докапиталистического, но и дофеодального прошлого. Античная сказка, как и современная, часто оперирует поэтому образами так называемой «низшей» мифологии, ведьмами, лешими, водяными и прочими примитивными демоническими фигурами, которые для аристократического мифотворчества являются уже превзойденным этапом. Отсюда и возникает то парадоксальное на первый взгляд

положение вещей, что современная сказка иногда сохраняет более архаическую форму сюжетов, чем та, которая известна из древнейших письменных памятников культурных народов. Гомер или Эдда могут представить сюжет в более поздней, более переработанной форме, чем сказка, записанная фольклористом нашего времени и дошедшая с меньшими изменениями в устной традиции от времен, предшествующих возникновению письменного эпоса. Неоднократно наблюдается, что непонятные и выпадающие из контекста мотивы героической саги находят объяснение в той форме сюжета, которая засвидетельствована современной сказкой: аристократическая переработка сказания изменила контекст, но в сказании остались рудименты более ранней стадии сюжета, — и эту стадию сохранила другая, более консервативная общественная среда — крестьянство. При анализе сюжета Одиссеи мы найдем ряд иллюстраций к этому положению.

Героическая сага прикрепляет сюжетные схемы мифа к некоторой исторической обстановке, как к проекционной плоскости, для локализации «века героев». В греческом эпосе такой проекционной плоскостью является эпоха микенской культуры. Мы уже видели (вступительная статья к Илиаде «Проблемы гомеровского эпоса», гл. 4), что эта культура является хронологической и географической основой греческой саги, что центры локализации греческих мифов совпадают с центрами микенской культуры; и чем значительнее центр по своей реальной исторической роли в микенскую эпоху, тем резче выступает его значение в мифах. В системе греческой мифологии имеется только один комплекс преданий большой значимости, не локализированный в центрах микенской культуры, и этот комплекс — сказания об Одиссее, царе Итаки. Вся группа северо-западных островов, к которой принадлежит Итака, была населена уже в эпоху неолита, но оставалась далекой окраиной, и раскопки не обнаружили там следов микенской культуры. Локализация в Итаке, являющаяся как бы исключением из общего правила, свидетельствует о том, что сказания об Одиссее основаны на материале иного типа, чем микенская сага, и лишний раз оттеняет своеобразие этих сказаний. Прочие мифологические центры привели археологов к открытию древних культур, позволили установить историческую базу саги: Итака оказалась ложным следом, не приводящим ни к какой исторически значимой реальности.

Сам Одиссей — старинная, по всей вероятности «до-греческая» фигура: его каноническое имя (Cdysseus) — «народная этимология», переделавшая на греческий лад имя героя и связавшая его с глагольной основой odyss — «гневаться» (кн. XIX, ст. 409; ср. прим.). Но этруски знали Одиссея под именем Uthsta, и эта форма восходит не к каноническому имени, а к какому-то другому, более раннему, происхождение, смысл и самое звучание которого остаются загадкой. В греческом культе Одиссей не играет почти никакой роли, и если он некогда и был хтоническим, или солнечным божеством (как чаще всего предполагается), то это значение его в историческое время уже совершенно поблекло. Вернее всего думать, что старинный образ, забытый в своем мифологическом значении, утерявший связь с культом, стал героем сказки и лишь в процессе эпической циклизации и концентрации предания попал в круг персонажей микенской саги и стал участником троянского похода.

Очень возможно, поэтому, что сказание об Одиссее содержит в себе некоторые отголоски более древней исторической реальности, чем культура микенского времени. Особенно любопытна картина счастливой страны феаков. Давно выяснено, что мифологической основой этой картины являются представления о потустороннем мире, блаженной райской стране (ср. «острова блаженных», «Элизий») и о корабельщиках смерти, которые перевозят покойников на своих быстроходных судах, не нуждающихся в руле и понимающих мысли своих корабельщиков. Но в Одиссее мифологические корабельщики смерти уже давно забыты и заменены сказочным веслолюбивым народом мореплавателей. Их мирный, пышный, даже утонченный образ жизни, роскошный дворец царя Алкиноя, исключительный почет, которым пользуется царица Арета и который совершенно не свойственен строго патриархальному греческому быту — все это заставляет вспомнить о культуре Крита (ср. «Проблемы гомеровского эпоса», гл. 3). Сама Одиссея дает указание, что феаки принадлежат к циклу критских мифов: они некогда отвозили в Эвбею критского героя Радаманта (кн. VII, стр. 323), брата владыки Крита Миноса, того самого Радаманта, образ которого та же Одиссея связывает с блаженным Элизием (кн. IV, стр. 546; ср. прим.). Гипотеза современного исследователя (Э. Дреруп), что в гомеровском острове феаков отразились исторические черты критской культуры, представляется вполне правдоподобной. Исчезнувшее мор-

ское могущество Крита ушло в сказочную даль; так, в Одиссее на феаков обрушивается гнев Посидона, и они уже больше не будут развозить по морям странников на своих быстроходных кораблях. Поэт эпохи роста ионийского мореплавания и торговой роли Ионии подхватывает старинные сказания, перекликающиеся с самой живой современностью, и строит на их основе свое идеальное государство феаков. Не все в этих сказаниях для него было приемлемо. По целому ряду рудиментов можно обнаружить, что традиция приписывала царице верховную власть в стране феаков; поэт смягчил этот матриархальный момент и поставил во главе феаков царя, правящего в полном согласии с прочими «царями», т. е. аристократией. В описании города феаков, его гавани, игр, быта, тона жизни — справедливо усматривают черты торговых городов Ионии. Одна из наиболее архаических по своему материалу частей Одиссеи является вместе с тем наиболее современной, выражающей ту современность, которая уже не укладывалась в рамки культуры, постулируемой эпосом для «века героев».

И это соотношение показательно для Одиссеи в целом.

Дело в том, что характеристика Одиссеи, как сказочного эпоса, послужившая отправным пунктом наших рассуждений, является весьма неполной и односторонней. Она справедлива лишь поскольку мы останавливаем внимание на материале, из которого Одиссея соткана, на тех стадиях, через которые прошел сюжет и ряд отдельных мотивов Одиссеи, прежде чем претвориться в гомеровский эпос, но она совершенно искажает историческую перспективу, если поставить вопрос о том, во что сказка видоизменилась после переработки ее поэтом, о художественной направленности творца и о восприятии поэмы слушателями. Те самые странствия Одиссея, в которых, казалось бы, яснее всего обнаруживается сказочный характер повествования, рассматривались в древности как географический документ, нуждающийся лишь в комментарии, в отожествлении гомеровских названий стоянок Одиссея с реальными местностями. Настойчивые попытки установить топографию скитаний Одиссея не прекращаются и в настоящее время, и в их основе лежит правильная, повидимому, мысль, что поэт сам подчас стремится локализировать странствия своего героя в определенных географических пунктах, известных по рассказам мореплавателей. Его представления слишком смутны и описания слишком расплывчаты для того, чтобы однозначно

определить эту реальность, но самый принцип соотнесения странствий с географической картой вполне соответствует намерениям поэта, который изображает скитания Одиссея как действительное путешествие. Как уже указывалось в общей вступительной статье к Илиаде, гомеровский эпос, оперируя сказочным материалом, стремится вытравить из него все специфически «сказочное», чудесное и фантастическое. В комментарии к странствиям читатель найдет ряд конкретных иллюстраций к этому положению. Следует, разумеется, помнить, что там, где мы усматриваем небылицы и фантастику, греческий поэт мог видеть любопытные и ценные сведения. И в более поздние века греческие историки, даже те из них, которые старались наводить точные справки, начинают рассказывать всевозможные нелепости, лишь только дело доходит до далеких стран, а в VII веке до н. э. осознанная грань между реальным и фантастическим пролегала не там, где в позднейшей древности, а тем более — в настоящее время. Первый этап критики мифа, проделанный ионийской мыслью, состоял в том, чтобы рационализировать миф, очистить его от явно фантастических элементов, — и эта же тенденция наблюдается в Одиссее по отношению к сказаниям мореплавателей. Старинные рассказы, находящие аналогии в египетских памятниках начала второго тысячелетия, приобретают актуальный интерес в связи с развитием ионийской морской торговли. Одними из первых документов ионийской прозы VI века являются морские путеводители, описания плаваний («периплы»), географические и этнографические сочинения. Исследователи отмечают в Одиссее стилистические приемы перипла и предполагают наличие этого вида письменности уже в эпоху составления Одиссеи. Становление античной общественно-экономической формации, расшатывая мифологическое миросозерцание, рождает новое, более реалистическое видение мира и соответствующую трансформацию литературных жанров. Сага становится историей, сказка — повестью о достопримечательностях чужих земель или бытовой новеллой. В Одиссее процесс этот еще не завершен, но на пути к завершению.

4

В бесчисленных репликах распространена по земному шару тема «возвращения мужа». В литературе и фольклоре европейских народов, на Ближнем и Дальнем Востоке, у индейцев

Северной Америки мы встречаем повесть о муже (или юноше), который, возвратившись домой после долгого отсутствия, находит свою жену (или возлюбленную) замужем за другим или прибывает к самому дню ее свадьбы; в других вариантах она остается верной ему до конца, претерпевая ради него всяческие унижения, а иногда возвращающийся подвергает верность женщины дополнительному «испытанию». В XIX веке тема эта чаще всего была уделом «народной» песни («возвращение солдата») или психологической новеллы, вольно оформляющей традиционную ситуацию (Мопассан, М. Прево, Л. Франк и др.). В старинных эпических жанрах, будь то письменно зафиксированные поэмы Средних веков или сохранившиеся в устной передаче былины и сказки современного фольклора, преобладает некоторый твердый сюжет, основные контуры которого остаются постоянными при всей изменчивости мотивировок, многочисленности вариаций, забвении, или видоизменении отдельных частей. Героем сказания иногда является известная историческая личность, например, Карл Великий или Генрих Лев; в русском эпосе интересующий нас сюжет представлен былиной об отъезде Добрыни. Типические черты сюжета, в краткой передаче, сводятся к следующему.

Муж тотчас же после брачной ночи вынужден покинуть молодую жену. Перед отъездом он оставляет ей наказ — ждать его до определенного срока; если он к этому сроку не вернется, она может выйти замуж за другого. Герой в своем странствии переживает ряд чудесных приключений, которые, как давно выяснено мифологами, представляют собою модификации путешествия в царство мертвых. В некоторый момент он чудесным образом узнает (например, от какого-либо демона), что срок, назначенный им жене, уже истекает, и она, зачастую против воли, уступая настойчивым требованиям и угрозам, собирается взять себе нового мужа. Тогда он, при содействии сверхъестественного помощника, возвращается на родину с неимоверной быстротой; иногда указывается, что помощник переносит его спящим. Наружность вернувшегося мужа искажена до неузнаваемости, и он обычно одет в рубище. В европейских вариантах муж, никем не узнанный, является в виде нищего на свадебное пиршество жены и там дает узнать себя, после чего новый брак расстраивается и супруги соединяются после долгой разлуки. Средством узнания служит либо заранее условленный перед отъездом знак, либо

примета на теле, иногда — рассказ о похождениях. Для индусских вариантов характерен другой финал: жена достанется победителю в состязании (значительную роль играет мотив состязания в стрельбе из лука), и победителем оказывается пришелец-нищий, который убивает или рассеивает соперников. Лишь вслед за этим происходит обратное превращение нищего и узнание со стороны жены.

Только что изложенная форма сюжета выведена из европейских и восточных сказаний без нарочитого привлечения материала Одиссеи. Нетрудно видеть, однако, что повесть об Одиссее в греческой поэме целиком укладывается в намеченные рамки. Гомеровский эпос сводит воедино различные изводы сюжета, часто сохраняя отвергнутый вариант в той или иной рудиментарной форме. Некоторые изменения вызваны необходимостью ввести сюжет в систему сказаний о Троянской войне и согласовать его с прочими преданиями об Одиссее, другие имеют своей причиной стремление к эпической развернутости и более углубленной трактовке характеров.

Неохотно отправляется Одиссей под Трою, оставляя дома новорожденного сына Телемаха. В «Киприях» рассказывалось, как Одиссей притворился сумасшедшим, для того чтобы уклониться от похода, но был изобличен Паламедом и вынужден принять участие в Троянской войне (см. прим. к кн. XIV, ст. 71). В гомеровском эпосе этот эпизод нигде прямо не упоминается, но намек на то, что Одиссей противился поездке в Трою, все же сохранен (кн. XXIV, ст. 118—119: ср. прим.), хотя и в сцене, подлинность которой внушает известные подозрения (см. прим. к кн. XXIV, ст. 1). Уезжая, Одиссей оставляет Пенелопе наказ ждать с вторичным браком, пока не вырастет сын (кн. XVIII, ст. 257 и сл.). Этот элемент сказания является несколько неожиданным в контексте нашей Одиссеи. Безличная и неинициативная «жена» старинного рассказа заменена ведь «разумной» Пенелопой, всевозможными хитростями противодействующей домогательствам женихов. Для некоторых изводов сюжета о «возвращении мужа» характерен образ верной жены, верность которой неузнанный муж подвергает «испытанию» и которая в свою очередь «испытывает» пришельца и долго отказывается верить в то, что он действительно ее вернувшийся муж, несмотря на то, что кто-либо из окружающих, например ее мать или свекровь (в Одиссее — старая няня Эвриклея), уже узнала пришельца по

той или иной примете. Эта сторона образа Пенелопы подана очень ярко в заключительной сцене узнания (XXIII кн.); испытание верности жены сохранено лишь рудиментарно (см. прим. к кн. XIII, ст. 335), в виде предположения Афины относительно замыслов Одиссея, так как поэт избирает обычный вариант, где муж возвращается к моменту вступления жены в новый брак Контаминация вариантов здесь налицо, но контаминация эта дает возможность углубить образ Пенелопы и сообщить ему — новая и еще трудная для гомеровского эпоса задача — некоторое движение. Поэт рисует колебания Пенелопы (разговор с неузнанным Одиссеем в XIX кн.), ее решение принести себя в жертву интересам сына, имущество которого страдает от насильственных действий женихов. Для того, чтобы оправдать это решение, вводится и старинный мотив согласия мужа на вторичный брак жены по истечении известного срока, но поэт не спешит с этим мотивом, и мы узнаем о наказе Одиссея лишь в XVIII кн., когда развязка уже недалека и согласие Пенелопы на вторичный брак должно быть подготовлено, а образ разумной и верной жены Одиссея достаточно закреплен в сознании слушателя или читателя поэмы. Так использование различных вариантов сказания преодолевает статичность образа. Рудименты прежних изводов гомеровская критика часто считает позднейшими вставками, бессмысленными интерполяциями рапсодов, но современный фольклор сохраняет формы сказания, где черты, кажущиеся в Одиссее бессмысленными, являются существенными моментами ведения сюжета, и свидетельствует как об их архаичности, так и о рудиментарном значении их в контексте Одиссеи.

Приключения и скитания героя вне родины, как момент сравнительно безразличный для дальнейшего развития действия, имеют в различных вариантах весьма разнообразный характер. Иногда прямо говорится о посещении царства мертвых, но, поскольку сюжет обычно переносится в историческую или бытовую обстановку, этот мифологический мотив либо оставляет незначительные следы, либо вовсе отсутствует. Одиссея приводит героя к Гадесу, т. е. сохраняет предание в обнаженном виде, тем более обнаженном, что поэт не мотивирует, а декретирует устами Цирцеи (кн. X, ст. 490; см. прим.) необходимость путешествия в царство мертвых, не вполне отвечающего гомеровским представлениям о загробной жизни. В гомеровском Гадесе, царстве бесплотных теней, людям делать нечего. Поэт ограничивается тем,

что приводит героя к входу в Гадес и дает сцену вызывания мертвых, которые собираются на запах крови и, отведав этой крови, приобретают сознание; он получает таким образом возможность показать боевых товарищей Одиссея, героев Илиады, и связать поэму со старшим эпосом. Согласовать эти три элемента — старинный материал, художественное задание и гомеровскую религию — не удалось, и эпизод вызывания мертвых построен на сбивчивых и противоречивых предпосылках. И в других эпизодах скитаний Одиссея можно усмотреть более или менее явственные следы их былого мифологического значения, как путешествий в царство смерти: такой характер имеют, например, рассказы о пребывании Одиссея у Калипсо (см прим. к кн. V, ст. 60, 72) и у феаков. Но это значение уже выветрилось, и осталось сказание о путешествии в чудесную страну, — популярная тема мирового фольклора, существующая как самостоятельно, так и в контексте других сюжетов. Хранящийся в Эрмитаже папирус Голенищева (№ 1115), написанный около 2000 г. до н. э., содержит рассказ «потерпевшего кораблекрушение», многими чертами напоминающий эпизод пребывания Одиссея у феаков. Здесь тоже имеет место буря, кораблекрушение, герой также спасается, держась за кусок дерева, и попадает на чудесный остров, полный всяческих богатств. Его встречает владыка страны, змей, и богато одаряет перед отъездом. Другими чертами (в том числе и рудиментарными, см. прим. к кн. VII, ст. 30, 112) эпизод Одиссея у феаков перекликается со сказанием о путешествии царя Гормо у датского летописца XII века, Саксона Грамматика. Одновременно с этим, рассказ о скитаниях Одиссея содержит богатый материал фольклора мореплавателей, находящий многочисленные аналогии в современном фольклоре. Как уже было указано (стр. 23) фантастический элемент этих рассказов в Одиссее представляется в значительной мере смягченным по сравнению с их современными фольклорными формами. Египетский рассказ «потерпевшего кораблекрушение» ведется в первом лице от имени героя похождения, и этот прием является традиционным для жанра путешествий в чудесные страны. Применяя традиционный прием, поэт Одиссеи разрешает и другую задачу: он концентрирует на небольшом промежутке времени связное действие, а предыдущие долгие скитания Одиссея сообщаются от лица самого Одиссея. Мотивировка скитаний гневом Посидона принадлежит, конечно, эпосу, а не старинной сказке.

В сюжете о «возвращении мужа» герой чудесным образом узнает, что жена его собирается выйти замуж, и с чудесной же быстротой возвращается на родину. Последний мотив сохранен: быстроходные корабли феаков в одну ночь привозят Одиссея в Итаку, и притом спящего, как это иногда встречается и в средневековых сказаниях. От первого мотива поэт отказался: согласие Пенелопы на вторичный брак последует уже после возвращения Одиссея. Зато чудесный помощник сохранен, и в греческом эпосе этим чудесным помощником является, как и следовало ожидать, олимпийское божество — Афина. По ее почину Одиссей возвращается на родину, и по ее же внушению Пенелопа примет решение выйти замуж и предложит то состязание в стрельбе из лука, которое приведет к окончательной развязке. Сохранена и другая постоянная черта сказания: герой возвращается в неузнаваемом виде; Афина превращает Одиссея в нищего старика.

Поэт избрал для развязки тот вариант, где нищий побеждает в состязании женихов и затем убивает их, и вариант этот воспроизведен с сохранением деталей, которые в контексте Одиссеи потеряли смысл и производят несколько странное впечатление. Так, после сцены убийства женихов Одиссей остается в грязном рубище и лишь, когда Пенелопа его не узнает, умывается и меняет одежду; момент омовения Афина избирает для того, чтобы «пролить красоту» на Одиссея. Казалось бы, теперь Пенелопа должна признать своего мужа; но поэт не дает ей этой возможности. Вернувшись после омовения, Одиссей немедленно же начинает укорять свою жену в суровости, и тут завязывается узнание по альковной тайне, которым, очевидно, так дорожил творец поэмы. Лишь намеком (кн. XXIII, ст. 174—176) Пенелопа дает понять, что все это узнание в сущности является излишним, что она уже узнала Одиссея. Критика справедливо указывает на невразумительность этого изложения и, что уже совершенно неосновательно, предлагает считать сцену омовения позднейшей вставкой неудачливого «редактора». Вопрос получает иное освещение, если сопоставить рассказ о «возвращении мужа» в Одиссее с любопытным вариантом индусского происхождения (в театре теней на острове Яве), где также устраивается состязание в стрельбе из лука, и победителем выходит пришелец-аскет, который таким образом получает право на руку царицы. В этом варианте царица оказывается неудовлетворенной исходом

состязания, так как аскет слишком непривлекателен. Тогда победитель приказывает ей приготовить для него омовение: омывшись, он станет красивым. Окончательное узнание и здесь происходит иначе, помощью более эффектного театрального приема; в аскета пускается чудесная стрела, и, пронзенный ею, он превращается в бывшего мужа царицы. Но неосуществленный мотив омовения, возвращающего герою его прежний облик, играл, очевидно, существенную роль на более ранней стадии сюжета, и ее-то мы находим в Одиссее, где сохранен традиционный ход действия с присоединением к нему новой, более утонченной формы узнания. Поэт не отказался и от ряда черт, характерных для другого, отвергнутого им варианта, в котором возвращающийся муж попадает на самую свадьбу жены. Мы находим в Одиссее даже момент «свадьбы» Пенелопы, только не реальной, а мнимой, разыгранной для того, чтобы временно скрыть убийство женихов от населения Итаки (ср. прим. к кн. XXIII, ст. 156), мы находим и привычное узнание по внешней примете (рубцу), но лишь со стороны второстепенных персонажей. А в «вымышленных» рассказах странника содержатся элементы сказаний об Одиссее, не принятых поэтом в его эпос. Отвергнутые варианты поэт использует для того, чтобы, ретардируя действие, вести слушателя по ложному следу и создавать иллюзию близкой развязки. Последовательно сводя неузнанного Одиссея с различными партнерами, поэт дает ситуации, где герой уже готов сорвать с себя маску. Традиционный сюжет не требует сколько-нибудь сложного действия между моментом возвращения мужа и той сценой состязания или свадьбы, которая непосредственно ведет к окончательному узнанию. В Одиссее узнание неоднократно подготовляется и вновь отодвигается; пред слушателем проходит вереница образов и ряд эпизодов, то спокойных, то напряженных, всегда основанных на ироническом моменте неузнанности Одиссея, а порою достигающих и уровня трагической иронии. Сжатая динамичность старинного сюжета развертывается в полноту эпоса.

Мы до сих пор следили за развитием действия в Одиссее, исходя из сказания о «возвращении мужа», как оно представлено в литературе и фольклоре различных народов. Но в гомеровской поэме тема эта переплетена с другой темой, не менее архаичной и не менее широко распространенной, — с темой «сына, отправляющегося на поиски отца». Наиболее характерной чер-

той в развертывании этой темы является бой между встретившимися, но друг друга не знающими, отцом и сыном. Сын этот родился уже в отсутствие отца, покинувшего мать вскоре после брака, как и в сюжете о «возвращении мужа». В позднейших вариантах трагический финал боя (гибель отца или сына) смягчен, и сюжет кончается примирением сражавшихся и возвращением отца к матери. Древнегерманская песня о Гильдебранде и Гадубранде, иранское сказание о Рустеме и Зорабе, русская былина об Илье Муромце и его сыне Сокольнике — несколько наудачу вырванных примеров этого сюжета.

Бой между отцом и сыном в Одиссее отсутствует, и рассматривать этот сюжет по поводу гомеровской поэмы не было бы основания, если бы он не был представлен другим сказанием об Одиссее. Заключительная поэма троянского эпического цикла, опирающаяся уже на Одиссею «Телегония» Эвгаммона из Кирены (VI век?) рассказывала о приключениях Одиссея по возвращении его в Итаку. Согласно велению прорицателя Тирезия, Одиссей отправился в новое странствие умилостивить Посидона. Затем он прибыл в страну феспротов (ср. прим. к кн. XIV, ст. 322), где стал мужем царевны Каллидики и имел от нее сына Полипета. После смерти Каллидики Полипет стал царем, а Одиссей вернулся в Итаку. В это время Телегон, сын Одиссея от Цирцеи, отправившийся на поиски отца, высадился у Итаки и стал грабить остров. Одиссей, бросившийся на помощь итакийцам, погиб в этой схватке от руки не знавшего его Телегона. Тот же, узнав свою ошибку, отвез тело отца, Телемаха и Пенелопу к своей матери Цирцее. Она сделала их бессмертными, и Телегон стал мужем Пенелопы, а Телемах — Цирцеи. — Этот двойной брак пасынков с мачехами является, быть может, смягчением более архаической формы сказания, где сын, убивший отца, женится на родной матери (миф об Эдипе).

В Одиссее Телемах отправляется на поиски отца, которого он не знает, но поездка его лишена сюжетного значения. Он узнает лишь, что отец его находился в плену у Калипсо, и возвращается домой уже после прибытия Одиссея на родину. Для того, чтобы Телемах встретился с отцом у свинопаса Эвмея, его не надо было предварительно посылать в Пилос и Спарту. Сюжетно бесцельная, поездка Телемаха преследует совершенно иные задачи: почти ничего не узнав о своем отце, Телемах узнает зато от Нестора и Менелая о приключениях других ахей-

ских вождей на обратном пути из-под Трои. В этих рассказах, перебрасывающих мост к Илиаде и создающих известное настроение для восприятия повести о скитаниях Одиссея (особенно рассказ Менелая о его странствиях), — художественный смысл путешествия Телемаха. Для сюжета о «возвращении мужа» фигура сына не нужна, и во второй части поэмы Телемах становится почти статистом. Но предание знало сына Одиссея и, может быть, в той самой функции, в какой его представляет «Телегония», т. е. сына, который отправляется в поиски за отцом и случайно убивает его. Верный своему методу, поэт частично использовал предание, которое в целом было для него непригодно. Он сохранил старинный мотив поездки сына, радикально изменив ее функцию, и лишь сюжетная неоправданность мотива обнаруживает его рудиментарный характер. Поэт сознает эту неоправданность и прибегает к своему обычному приему, — «божественной» мотивировке. Во вступительной сцене поэмы (собрание богов) сама Афина устанавливает две линии действия — возвращение Одиссея и поездку Телемаха (ср. прим. к кн. 1, ст. 92).

На основе этого замысла построен четкий композиционный рисунок Одиссеи. В то время, как в Илиаде собирание огромного материала в единство эпоса основано было в значительной мере на негативном моменте, — отсутствии Ахиллеса и безучастном его отношении к ходу военных операций, — в Одиссее доминирующая роль центрального героя выдвинута гораздо ярче. Его отсутствием определяется лишь первая линия действия, имеющая характер развернутой экспозиции, — рассказ о положении дел на Итаке и путешествие Телемаха, — но и здесь действие объединяется вокруг фигуры сына, который отправляется искать отца. С того момента, как Одиссей в V книге лично выступает на сцену, внимание концентрируется исключительно вокруг него, и лишь изредка поэт на короткое время покидает своего героя для того, чтобы довести до конца какую-нибудь нить повествования. Сюжетный стержень сказания о «возвращении мужа» сдвинут в последовательности своих элементов (рассказы Одиссея о странствиях), но сохранен во всех деталях и обогащен многочисленными эпизодами, которые вводят актуально-интересный материал, «сказочный» или «бытовой», не нарушая при этом четкости сюжетного движения. Трудная для древнего эпоса задача организации большого материала при

сохранении центральной роли героя разрешена поэтому по-новому, с учетом опыта Илиады. Если в Илиаде организующим началом было отсутствие героя, в Одиссее на значительном протяжении эту роль играет его неузнанность, мнимое отсутствие, присутствие для слушателя, не теряющего его из виду, и отсутствие для действия, оправдывающее введение статических моментов и, вместе с тем, создающее образ «стойкого в испытаниях» Одиссея. Убийством женихов и узнанием Одиссея со стороны Пенелопы действие поэмы по существу кончается, и последующее является уже эпилогом (ср. прим. к кн. XXIII, ст. 296).

5

Сопоставление Одиссеи с родственными сказаниями других народов показало, что вторая гомеровская поэма, в целом и в отдельных частях, представляет собою переработку ряда сюжетов, имеющих широкое, почти интернациональное распространение. Обнаружилось, что центральный сюжет, «возвращение мужа», использован Одиссеей в многочисленных вариантах, самостоятельно существующих в мировой литературе и в фольклоре. Одиссея сохранила многообразные следы предшествующих трактовок как основной темы, так и отдельных эпизодов. Эти соображения бросают свет на глубокие типологические различия между гомеровским эпосом, продуктом эпохи становления античной общественно-экономической формации, и старинными сказаниями, уводящими нас в более «первобытные» времена. Но все это не приводит ни к каким выводам относительно истории этих сказаний до того, как они отлились в Одиссею, об этапах развития этих сказаний, о непосредственных источниках гомеровской поэмы. Реконструируемый на основании сравнительного метода сюжет является некоторым исходным пунктом,[1] Одиссея — конечной

[1] Во избежание недоразумения надлежит оговорить, что этот относительный «исходный» пункт отнюдь не является каким-либо начальным пунктом развития. «Возвращение мужа» в реконструируемой типической форме — продукт долгой истории. Сюжет о герое, который отправляется в царство мертвых, а по возвращении из него ведет борьбу с соперником, стремящимся занять его место в отношении его жены, имеет глубокие мифологические основы, которые в рассматриваемый нами «исходный» момент успели уже потерять ведущее значение для развития сюжета.

остановкой интересующего нас пути. Между этими двумя пунктами в наших сведениях провал. Работал ли поэт над материалом, близким к «исходному» типу, или уже значительно переоформленным, связан ли был уже этот материал, полностью или частично, с именем Одиссея или в какой-то мере перенесен на Одиссея творцом поэмы — на все эти вопросы трудно дать сколько-нибудь определенный ответ. Можно с известной уверенностью утверждать, что Одиссей — старинная фигура и что Одиссея содержит в себе много старинного материала; можно предполагать, что Одиссей издавна был героем преданий сказочного типа (при этом условии легче всего объясняется приурочение его к далекой окраинной Итаке), — но это еще не решает вопроса о непосредственных источниках гомеровского эпоса. Далее, очень возможно, что рассказ о скитаниях героя в некоторых элементах своих опирается на сказания об аргонавтах (см. прим. к кн. X, ст. 108, кн. XII, ст. 61); но скитания все же являются лишь аксессуаром, серией эпизодов, которые не должны быть обязательно связаны с построением целого. Те или иные скитания могли быть перенесены на Одиссею из других циклов; это еще не характеризует ведущих частей сюжета. Не существует внешних опорных пунктов, которые позволили бы восстановить историю эпической разработки сюжета Одиссеи.

В иных случаях может показаться, что проблема допускает решение на основании внутренних критериев. Такова, например, сцена убийства женихов, где довольно явственно можно различить два варианта — вариант «лука» и вариант «копья» (см. прим. к кн. XXII, ст. 225) — и усмотреть в варианте «копья» остатки некоего более раннего рассказа, в котором уже фигурировали персонажи Одиссеи и где традиционный сюжет был переработан значительно более радикально, чем в нашей канонической Одиссее. Подобные случаи имеют, однако, спорадический характер и не дают ясного представления об источниках Одиссеи.

Иначе смотрит на дело аналитическая критика. Вскрывая всевозможные противоречия и сюжетные неувязки, она надеется разложить поэму на ее составные части, будто бы принадлежащие разным творцам и объединенные в Одиссее более или менее механическим образом. В комментарии к настоящему изданию разобраны наиболее интересные из этих «противоречий» (см. прим. к книгам I, 268; V, 28; VII, 238; XII, 389; XIII, 397;

XV, 1; XVI, 176; XIX, 346) для того, чтобы читатель, интересующийся гомеровским вопросом, мог иметь суждение об их доказательности и пригодности служить основой анализа Одиссеи. Исходя из противоречий, стремятся восстановить самый текст предполагаемых компонентов поэмы. Построения, возникающие в результате такого анализа, чрезвычайно многообразны, но сводятся к трем основным типам.

Реже всего применяется к Одиссее песенная теория, рассматривающая гомеровский эпос как аггрегат самостоятельных песен. Препятствием для проведения этой теории является уже самая связность поэмы, не позволяющая изолировать мелкие части с такой легкостью, как в компонированной отдельными эпизодами Илиаде. Другой тип аналитического построения — разложение Одиссеи на несколько самостоятельных малых эпосов, механически склеенных редактором поэмы. Эта теория обособляет в виде самостоятельных поэм такие части Одиссеи, как поездку Телемаха, скитания Одиссея, его возвращение на родину и месть женихам. Подобное решение проблемы мало правдоподобно, так как оно разбивает на части единый стержень сюжета о «возвращении мужа», неразрывно связывающий скитания с возвращением. Что же касается поездки Телемаха, то она в своем нынешнем виде не могла быть самостоятельным эпосом и имеет смысл лишь как часть большого и развернутого целого. Больше шансов имела бы третья точка зрения — гипотеза пра-Одиссеи, т. е. одной или нескольких поэм об Одиссее, предшествующих гомеровской поэме, которые содержали бы не отдельные части сюжета о «возвращении мужа», но весь сюжет в целом. Критике не удалось, однако, сколько-нибудь убедительно восстановить такую пра-Одиссею; более того, ей не удалось даже показать, что в тех случаях, где речь действительно может итти о более раннем варианте Одиссеи (например, в сцене убийства женихов), вариант этот составлял часть какой-то цельной поэмы, а не являлся первоначальным наброском канонической Одиссеи, этапом творческого пути ее автора.

Эти неудачи, а подчас и заведомо ложные пути аналитической критики вытекают, как указывалось уже в общей вступительной статье к Илиаде, из ошибочности основной предпосылки. Одиссея должна рассматриваться не как механическое соединение различных текстов, могущих быть выделенными из нынешнего текста, а как творческая переработка более раннего материала.

В Одиссее можно найти рудименты прежних трактовок сюжета, но нет никаких данных, для того чтобы найти в ней сколько-нибудь значительные остатки прежних текстов в их неприкосновенности. В разных направлениях перерабатывался старинный материал, и степень переработанности традиции не одинакова в различных частях поэмы. Но в целом Одиссея, составляющая продолжение Илиады, отражающая идеологию ионийской аристократии начала революционной эпохи VII в., представляет собою законченное единство. И хотя мы не можем с точностью установить, что̀ именно в Одиссее является собственностью ее творца и что̀ перешло к нему от предшественников, творческий характер переработки позволяет считать весь материал освоенным, рассматривать поэму как единое целое.

* * *

Текст Одиссеи, как и текст Илиады, разбит александрийскими филологами на 24 книги. Мы и здесь сохранили это деление, вместе с традиционными заглавиями книг, поскольку более исконное членение поэмы на единицы исполнения, рапсодии, не может быть с точностью восстановлено. [1]

[1] Для примера можно предложить читателю разделение традиционного текста Одиссеи на 15 рапсодий, предлагаемое современными исследователями (Роте и др.):

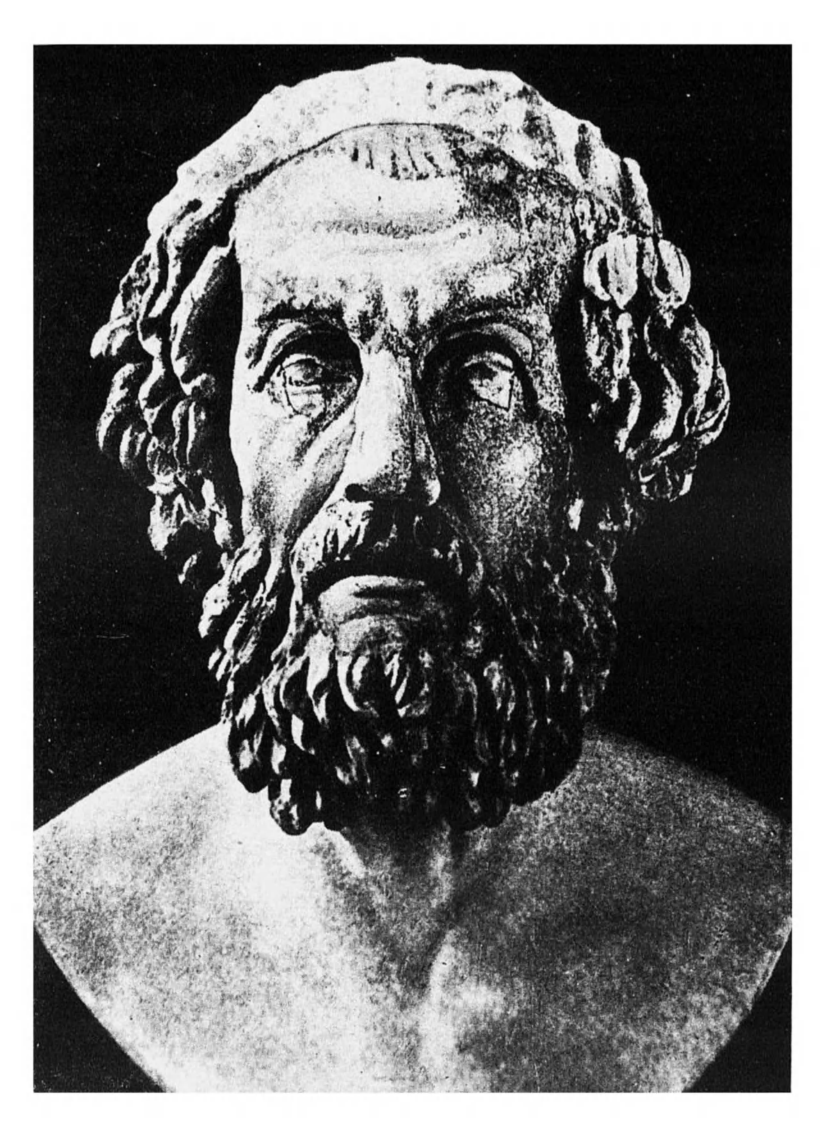
1) I—II, 259; 2) II, 260—III; 3) IV; 4) V—VI; 5) VII—VIII, 469; 6) VIII, 470—X, 132; 7) X, 133—XI, 332; 8) XI, 333— XIII, 92; 9) XIII, 93—XIV; 10) XV—XVI, 320; 11) XVI, 321—XVIII, 157; 12) XVIII, 158—XIX; 13) XX—XXI, 14) XXII—XXIII, 343; 15) XXIII, 344, 344—XXIV

Одиссея в переводе Жуковского

Уже на склоне лет, физически усталый, но обладающий еще всей силой своего таланта и тем совершенством техники, какая дается мастеру лишь годами длительного труда, Жуковский, «во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм, немецких и английских», как он сам однажды назвал себя в письме к одному из своих друзей, [1] вдруг загорелся своей старой мечтой: открыть русской литературе двери античного «Эдема», ввести ее в новый для нее мир гомеровых фантазий, дав ей в правдивом стихотворном русском переводе подлинную Одиссею. Дюссельдорфскому, заключительному периоду творчества Жуковского принадлежит осуществление этой мечты, но сама мечта, как большой увлекательный замысел, грезилась поэту давно. Еще в 1830 году, в письме к Киреевскому, быть может под свежим впечатлением только что вышедшей в свет Илиады Гнедича и, вероятно, в связи с собственными, более ранними, — эпохи двадцатых годов, — опытами поэтического пересказа из вторых рук отрывков текста Гомера, он говорил, что позже, когда позволит время, он посвятит себя знакомству с греческим и переводу Одиссеи. [2] Через двенадцать лет, свободный, наконец, от всех тягот едва закончившейся для него многообразной «службы», он в тишине дюссельдорфского

[1] Письмо к А. С. Стурдзе от 10 марта н. ст. 1849 г. из Баден-Бадена. См. Б. Модзалевский, Письма В. А. Жуковского к А С. Стурдзе. Русская Старина, 1902, май ст. 395.

[2] Письмо к И. В. Киреевскому от 20 января 1830 г. Полное Собрание сочинений И. В. Киреевского, т. I, стр. 26.



Бюст Гомера в Сан-Суси

уединения берется в первый раз за греческий оригинал. В январе 1842 года Жуковский занят Одиссеей уже вплотную. С перерывами работает он над ней, приблизительно, семь лет, и в 1849 году обе части ее перевода готовы и напечатаны во II и III томах начинающего выходить собрания «Стихотворений В. А. Жуковского».

Греческого языка Жуковский не знал. Между тем, для выполнения той задачи, которую он пред собой поставил, ему было необходимо прежде всего вчитаться именно в подлинный греческий текст Гомера, чтобы понять его точный смысл и вжиться не только в содержание его поэтических образов, но и в словесное их выражение. Для этого нужен был греческий текст. И вот Жуковский знакомится в Дюссельдорфе с преподавателем греческого языка местной гимназии Грасгофом, ученым филологом-эллинистом, знатоком Гомера, и тот, по его заказу, переписывает для него, стих за стихом, весь греческий текст Одиссеи, проставляя под каждым греческим словом его точное значение по-немецки и указывая его грамматическую функцию в греческой фразе подлинника, а черточкой отмечает в каждом стихе те слога, которые несут на себе в гомеровском гексаметре греческое метрическое ударение.[1] Весь сырой материал задуманного им поэтического «здания»[2] был теперь у Жуковского в руках: он получил тщательнейший подстрочник, но такой, который в противоположность всякого рода другим, обычным подстрочникам, давал, собственно, не перевод, а словарное и грамматическое описание фразы. На первый взгляд рукопись Грасгофа производила впечатление путанного набора слов, какой-то «немецкой галиматьи», согласно выражению самого Жуковского.[3] Но как раз эта-то галиматья и оказывалась исключительно ценной: она подводила поэта к дословному смыслу каждого предложения и позволяла ему следить за последовательным порядком слов в гомеровской фразе, а это ему, как переводчику, представлялось особенно важным. Понятно, в целях самоконтроля Жуковский

[1] Рукопись Грасгофа, с его текстом на одной стороне листа и писанными рукой Жуковского черновыми набросками перевода на другой, хранятся в настоящее время в Ленинграде, в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки.

[2] Письмо Жуковского к Константину Николаевичу от 28 октября — 9 ноября 1842 г. из Дюссельдорфа.

[3] Письмо Жуковского к С. С. Уварову (о переводе Одиссеи).

пользовался и литературными переводами: знаменитым немецким стихотворным переводом Фосса, другим, тоже немецким, прозаическим переводом Попе, какими-то двумя французскими переводами и одним, сделанным опять-таки прозой, «архиглупым» русским.[1] Ни один из них его не удовлетворял, и собственный свой перевод он строил самостоятельно, на основе изучения подстрочника Грасгофа.

Переводя новых поэтов, Шиллера, Уланда, Ла Мотт Фуке, Рюккерта, Жуковский никогда не гнался за точностью: он давал обычно не перевод, а пересказ подлинника. Совсем иначе подошел он к переводу Одиссеи: здесь хотел он быть вполне точным, здесь он «следовал за каждым словом и в особенности старался соблюдать их место в стихе».[2] Надо, впрочем, оговориться. Для Жуковского точность вовсе не сводилась к передаче на русский язык каждого слова греческой Одиссеи. Как поэт, он прекрасно знал, что на трудном пути переводчика, «верность рабская становится часто рабскою изменою».[3] Целое для него важнее мелочи. Не отдельные слова или обороты, даже не единичные стихи, а их общий богатый «поток» стремился схватить он «во всей его полноте и светлости»,[4] выразить общее поэтическое движение этого потока, передать динамику оригинала. И хотя он и следил за тем, чтобы порядок стихов его русского перевода более или менее соответствовал порядку стихов греческого текста, но слишком строго правилом этим себя не связывал, свободно переставлял стихи, укладывал два греческих в один русский или, наоборот, растягивал один греческий стих на два русских, а иногда — правда, очень редко — целиком пропускал греческий стих, сознательно оставляя его без перевода, «жертвуя», как он сам говорил в письме к Стурдзе, «отдельными стихами совокупному эффекту».[5]

Несравненно большую важность представляла для него мелодика греческого стиха, метрика которого благодаря подстрочнику Грасгофа всегда была перед его глазами. Гексаметр Одиссеи Жуковский передавал своим русским гексаметром, певучим,

[1] Письмо Жуковского к С. С. Уварову (о переводе Одиссеи).
[2] То же письмо.
[3] Письмо к И. В. Киреевскому (о переводе Одиссеи).
[4] То же письмо.
[5] Письмо к А. С. Стурдзе, от 10 марта н. с. 1849 г. из Баден-Бадена (Модзалевский, стр. 396).

спокойно и ровно текущим, шестистопным стихом, состоящим из пяти дактилей и одного, заключительного, хорея.[1] Почти никогда, за редкими исключениями, не меняет Жуковский дактиля в середине стиха на хорей: лишь в первой стопе, сравнительно чаще, допускает он такую замену. Но в XI книге, ст. 594 слл., там, где замедленный темп стиха в греческом оригинале выражает тяжесть работы Сизифа, медленно вкатывающего камень на гору, Жуковский, на протяжении всего только четырех стихов, дает, частью в начале, а частью и в середине стиха, целых шесть хореев, в точности соответствующих спондеям подлинника, «тяжкий камень» (594), «напрягши» (595), «ногами» (595), «камень (596), «с тяжкой», (597), при чем следующий за ними чисто дактилический стих, быстрый метр которого изображает движение скатывающегося с горы камня, «вниз по горе на равнину катился обманчивый камень» (598), воспроизводит, уже давно отмеченный комментаторами в этом месте греческого текста Гомера, редкий у последнего случай сплошных, занимающих целый стих, дактилей.[2]

Жуковский желал дать не только верный перевод. Ему мечталось о таком поэтическом переводе, который, отражая в себе общий тон Одиссеи, хранил бы ее античный аромат и стилистически отвечал бы, возможно ближе, характеру языка Гомера. И он, действительно, дал, хотя и не особенно близкий к тексту оригинала, сделанный далеко не слово в слово, но в общем вполне правильный перевод, стилистическое оформление которого являлось, однако, не столько передачей подлинного колорита античной поэмы, сколько художественным выражением того, как понимал этот колорит сам Жуковский. А понимал он гомеровскую поэзию, с нашей теперешней точки зрения на нее, ошибочно. В процессе долгой истории длительно вырабатывавшийся поколениями профессиональных рапсодов, бесконечно далекий от

[1] Этот мелодичный и гибкий стих легко повинуется его поэтической воле. Еще Шевырев, автор первой рецензии на перевод Одиссеи (Москвитянин 1849, Отдел крит. и библиогр., стр. 48), отметил: «экзаметр у Жуковского уже давно походит на проволоку, которая вытягивается так, что он делает из нее все, что захочет».

[2] См. С. Шестаков. В. А. Жуковский, как переводчик Гомера (Чтения в Общ. любит. русск. словесн. при Казанском университете, Казань 1902), стр. 28 сл.

языка разговорной речи, гомеровский условный язык, представляющий искусственное смешение более древних и более новых форм различных греческих диалектов, Жуковский считал «младенческим языком природы и истины».[1] Гомеровская поэзия для него — поэзия «первобытная»,[2] «девственная»:[3] переводя Гомера ему «весело подлаживаться под его светлую патриархальную простоту»,[4] от которой веет «святая древность, амврозиальным, не испорченным благоуханием».[5]

Гомер — это «младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы».[6] Вопреки «Вольфу и разным немцам, которые из всего мастера делать идею и из идей которых часто нечего делать»,[7] Жуковский верит в существование личного Гомера, автора Одиссеи, жившего лет три тысячи тому назад, слепого старца, вдохновенного поэта-сказочника. Такова принципиальная установка. Она не оригинальна: это только поэтизация взглядов старой западной филологии, а вместе с ней и всей образованной Европы конца XVIII века, — взглядов, в некоторых научных кругах частично продолжающих жить даже вплоть до середины XIX столетия. Но у Жуковского взгляд на гомеровскую поэзию, как на поэзию примитивную, осложняется еще некоторыми другими моментами. Во-первых, представление о первобытности этой поэзии странным образом соединяется у него с воззрением на нее как на такую, которая охвачена «меланхолией», нигде не высказываемой в ней прямо, но ясно ощущаемой и имеющей своим источником смутное сознание античного грека о «незаменяемости здешней жизни, раз утраченной».[8] Это, лишенное фактических оснований, но настойчивое убеждение Жуковского неизбежно вносило в его концепцию Одиссеи, а стало быть и в ее перевод, значительную долю сентиментальности. Во-вторых, оставаясь верен своим заветным вкусам, Жуковский, переводя античный язык гомеровских поэтиче-

[1] Письмо Жуковского к Константину Николаевичу от 21 октября (2 ноября) 1845 г. из Франкфурта на Майне.

[2] Письмо к Уварову (о переводе Одиссеи).

[3] Письмо к А. С. Струдзе от 10 марта н. с. 1849 г. из Баден-Бадена (Модзалевский, стр. 394).

[4] Письмо к П. А. Плетневу, 1843 г.

[5] Письмо к Киреевскому (о переводе Одиссеи).

[6] То же письмо.

[7] Письмо к Уварову (о переводе Одиссеи).

[8] То же письмо.

ских образов собственным поэтическим языком, невольно окрашивал эти образы своим любимым колоритом романтики. Так, увлеченный картиной скорби несчастной матери, нечаянно убившей своего сына («Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет» и т. д., XIX, 518), он, хотя и передал греческий текст по существу правильно, сохранив общие очертания его грамматического рисунка и его смысловое значение, но особым подбором слов и искусной их расстановкой, эффектом повторения слова («плачет» два раза: в конце и в начале стиха), двумя, вставленными им от себя в текст, словами («заунывно» и «одиноко») и путем поэтической перифразы заключительной части греческого предложения, с отнесением главных слов «мать поминает» (вместо дословного «оплакивает» у Гомера) в самый конец стиха, под логическое и метрическое ударения, он, сам того не замечая, заменил античный тон текста тонами собственной романтической палитры. Такими именно средствами вольной поэтической перифразы отдельных слов или целых предложений и был создан, главным образом, тот чуждый гомеровской поэзии колорит романтики, который поверхностно покрывает всю Одиссею Жуковского: в гомеровском тексте «заснули на морском берегу» (IV, 430), у Жуковского «заснули под говором волн, ударяющих в берег»; вместо «жалуясь» (XI, 387), «тихо и грустно»; у Гомера «надежда» (XXI, 156), у Жуковского «чародейство надежды»; в греческом: «законному мужу» (XXIV, 196), в переводе Жуковского — «мужу, любящим сердцем избранному».[1] Часто налет чувствительности наводится одним каким-нибудь словом, которое переводчик вставляет в текст от себя: «кротко» ему отвечал (I, 384; II, 208; II, 309), «вдохновенно» воскликнул (XXIV 513). Иногда, в целях усиления поэтического эффекта, Жуковский вставляет даже целое предложение: «сон прилетел и ее улелеял» (XVIII, 189) или: «удалюся... из дома... где я счастье нашла» (XIX, 581; XXI, 79). Еще чаще он оттеняет желательную ему поэтическую значимость образа посредством эпитета или созданного им самим, или взятого из гомеровского эпоса, и в выборе этом он предоставляет себе большую свободу: «сладостный» день возвращения (V, 220), шесть дочерей «светлоликих» — (X, 6). Это — добавления. Особенно типичны для Одиссеи Жуков-

[1] Ср. Наль и Дамаянти (VII,2) «супругу, избранному сердцем (XI, I) «лишь его, избранного сердцем».

ского сложные эпитеты: «в звонкопространных сенях» (VII, 345), «Океан круговратно бегущий» (XX, 65). Оба эпитета являются тут вольной передачей греческих выражений. Чаще, однако, переводом является только половина эпитета, первая или вторая: «сладколаскательным словом (XIX, 415). «и сыпался шумнохолодной метелью снег» (XIV, 475), «светозарнокудрявая Эос» (IX, 76). Здесь часть эпитета («сладко», «холодной», «кудрявая») — перевод, другая часть («ласкательным», «шумно», «светозорно») — создание самого Жуковского. Любовь к сложному эпитету характеризует музу Жуковского и в более ранних его произведениях, а в Одиссее обилие их объясняется отчасти еще и тем, что они удобно укладываются в ее метр, легко заполняя длинный дактилический стих: «гореусладного, миротворящего сердцу, забвенье (бедствий дающего)» (IV 221). «смертных приветливых, богобоязненных гостеприимных» (XIII. 202). Та же фактура стиха в Ундине (гл. I): «в светлолазурные, чуднопрозрачные воды с любовью»; или в Нале и Дамаянти: «вражья рука ей, небеснопрекрасной, божественночистой» (VI, 1).[1]

Когда Жуковский снабжает слово эпитетом или вообще когда он присоединяет к слову какую-нибудь характеристику, вносимую им от себя, когда он греческую простую фразу, например (VII, 344) «он спал», развертывает в сложный, художественно самостоятельный образ («сладкоцелительный сон, наконец, он вкусил безмятежно»), то вставки, которые он вводит в текст, делаются им исключительно в осуществление того или иного поэтического задания. Но, на ряду с такого порядка вставками, мы встречаемся у него со вставками еще и другого рода, типа пояснительных комментариев. Пенелопа спускается с лестницы и становится подле столба (I,328): «в ту палату вступив, где ее женихи пировали», поясняет Жуковский. Это его комментарий: такой фразы в греческом тексте нет. Певца Демодока (VIII, 68) на обеде у Алкиноя усаживают за стол, угощают, а его лиру вешают над ним на стене и дают ему прикоснуться к ней: «чтоб ее мог найти он», добавляет Жуковский. Телемах (XX, 146) отправляется на площадь: «главное место собранья ахеян», вставляет Жуковский свое примечание. Вставок подобного типа в его переводе много. Вообще, в подавляющем большинстве случаев

[1] См. С. Шестаков ук. раб., стр. 35.

фраза Жуковского пространнее фразы греческого оригинала. Напротив, случаи сокращения текста у него редки: он любит расширенный перевод.

Прямых ошибок в Одиссее Жуковского почти нет: в рукопись Грасгофа Жуковский вчитывался усердно, а Грасгоф знал греческий язык основательно. И если все же смысл подлинника оказывается у него иногда переданным не вполне правильно, то расхождение перевода и оригинала обычно бывает основано не на непонимании грамматического строя фразы, а на ложной, то чисто художественной, то антикварной, то морализующей интерпретации, предлагаемой переводчиком.

Античный стиль искажался романтическим тоном. Нарушался он также попытками Жуковского сближать в иных случаях гомеровский быт с чертами быта родной переводчику русской старины и вводить в текст перевода русские выражения, обозначающие понятия, незнакомые античному миру. например слово «чин»; феаки во дворе Алкиноя (VII, 98; X, 8), равно как и товарищи Одиссея в доме Цирцеи (X, 233) садятся за обеденный стол «чином» или «по чину». У «царя» Менелая в его «царских палатах» (IV, 15), в Спарте, имеются «спальники» (IV, 23, 217). Злоупотребляет Жуковский русскими существительными «царь», «царица», «царевна» и прилагательными «царский», «царственный», «царев», «в царевой конюшне», (IV, 40), «за царским столом» (XV, 378), «царственный град Лакедомон» (IV, 313), «светлой царице» (VII, 240), «младою царевною» (VI, 228), От внимания Жуковского ускользает, что в подлинной Одиссее термин «царь» (басилей) встречается сравнительно редко, и с этим термином у Гомера соединяются представления, далеко отстоящие от представлений, примыкающих к русскому слову «царь». Ошибочно представляя себе гомеровского басилея чем-то в роде абсолютного самодержца, Жуковский вкладывает в античный термин чуждое последнему содержание и вставляет в свой перевод такие, в гомеровском контексте невозможные, выражения, как «богоизбранный пастырь» (XV, 87: вместо греческого «вскормленник Зевса»), или «в священных обителях царских» (XX, 319: в греческом стоит просто «в красивом доме»), придавая Одиссее такими вставками несвойственный ей монархический тон.

Домашний быт гомеровских басилеев нередко получает у Жуковского черты современного поэту русского крепостнического уклада.

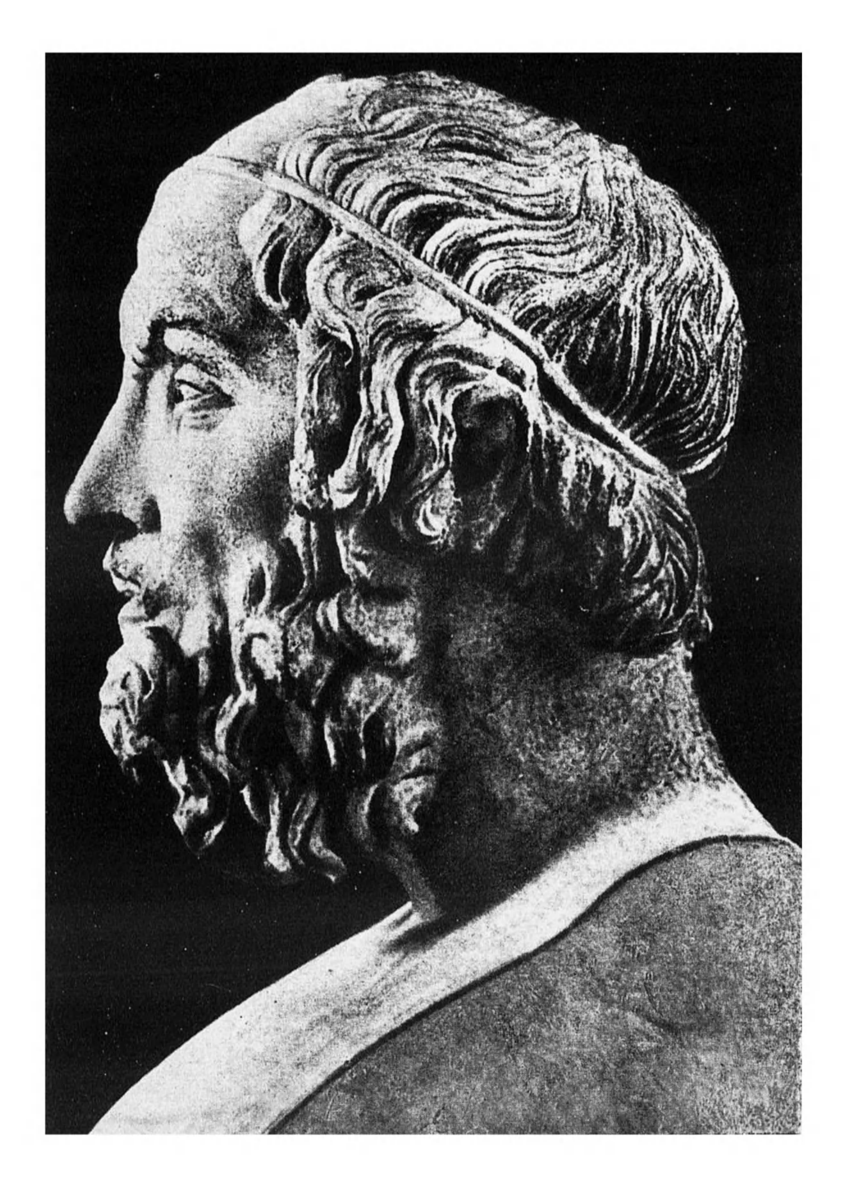
За орлом, похитившим гуся со двора дома Менелая, выбегает в погоню «вся дворня» (XV, 162: в греческом тексте «и мужчины, и женщины»). В Гомеровской Одиссее местами появляется даже низкопоклонный язык дворовых: «почивает», говорит Эвриклея про спящую Пенелопу (XXII, 429); «государыня», обращается она к ней в другом месте (XXIII, 25; в греческом «милое дитя»); слышится типичное для обстановки русского крепостного права выражение «донесла» (XXII, 432). Вместе с тем, острота отношений рабов и господ, картина взаимного недоверия и глухой борьбы, в передаче Жуковского, по возможности, смягчена, подается часто в тонах идиллических, и переводчик совсем не замечает тех неувязок и ложных нот, какие подчас возникают отсюда.

Отступает Жуковский от характера античной поэмы и в некоторых второстепенных частностях: Одиссей (XX, 141) отказывается спать на «пуховой постели»; пуховых постелей греческий мир не знает; в тексте Гомера говорится просто о «ложе».

Но огромное культурное значение перевода Жуковского сохраняется за ним, независимо от большей или меньшей степени его дословной близости к греческому оригиналу. Десятки точнейших, ученейших переводов, конечно, не дали бы того, что дал один этот перевод. Его ценность заключается в обаятельной силе того искусства, с каким Жуковский передал на русский язык одно из величайших творений мировой литературы: средствами своего поэтического мастерства и художественного дарования он заставил древний текст жить. Многие стилистические краски античной поэмы в его передаче погибли, заменились новыми, чуждыми ей. Но осталась полная жизни, мощная фабула, целиком остался весь аппарат античной фантастики и остался живым действующий в этой фабуле человек.

ОДИССЕЯ

КНИГА ПЕРВАЯ



Герма Гомера в Лувре

Собрание богов. Увещание Афины Телемаку

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Все не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посидон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.

Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять экатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес олимпиец:
— Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал: от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
«Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», — так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он.

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, во̀лнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины, и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, льющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, олимпиец? Тебя ль не довольно дарами

Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?

Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посидон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоозою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посидоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посидон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посидон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет.

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: отец наш Кронион, верховный владыка!
Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава.

Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;

После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемак богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть восприимет и будет опять у себя господином.

В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом; приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
— Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей.
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленьи от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лахани серебряной руки умыть им

Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище: когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.

Тут осторожно сказал Телемак светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
— Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое, без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того, чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится — ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку, и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку, иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Все откровенно тебе расскажу: я царя Анхиала
Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темезе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь, нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он, иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет; на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались.

— Добрый мой гость, отвечал рассудительный сын
Одиссеев,
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:

Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом: во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но, если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы
в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник, иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя.

— Добрый мой гость, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он,
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Нынче же гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.

С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
— Горе! я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь:
Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно.
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что́ божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно

Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уже мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я.

— Милый мой гость, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Нет! не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши.

С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаковом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.

Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,

Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
— Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчаньи
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос.

— Милая мать, возразил рассудительный сын Одиссеев,
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь — с похвалою великою люди той песни внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались; занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей; говорить же не женское дело, а дело
Мужа и ныне мое: у себя я один повелитель.

Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы — сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Также без платы, погибнете в доме, разграбленном вами.

Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Эвпе́йтов, ему отвечал, возражая:
— Сами боги, конечно, тебя, Телемак, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах.

Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаку:
— О Телемак, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто —

Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно.

— Друг Эвримах, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
День свиданья с отцом навсегда мой утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращеньи,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев. Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемак, что богиню бессмертную видел.

Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.

Скоро и сам Телемак в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
Двадцать быков и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской.
Факел неся, Эвриклея вела Телемака — за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила

Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.

Он же всю ночь на постеле, покрытый овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

КНИГА ВТОРАЯ

Собрание итакийцев. Отъезд Телемака

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они, и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.

Первое слово тогда произнес благородный Эгипций,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроте, последний, похищенный им для вечерния пищи.
Три оставалися старцу: один, Евриномом, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
— Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том незапная нужда?
Юноша ль он расцветающий? Муж ли годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно.

Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратяся, ему он сказал: благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны — это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав,
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец, и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
Нет; им удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков и баранов и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней

Мере чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитеся мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
Мы, чтоб и скот наш живой и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда;
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем.

Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
— Что ты сказал, Телемак, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилося года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.

Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый —
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам, и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекрасно-кудрявым неведомых; что ни Алкмене
Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа.

— О Антиной, отвечал рассудительный сын Одиссеев.
Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, — не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю — тогда я подвергнусь и гневу отца и гоненью
Демона: страшных эринний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюся вечным
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы — сожрите

Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Также без платы, погибнете в доме, разграбленном вами.

Так говорил Телемак. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;
Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрестанными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Галиферд, многопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
— Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Во-время нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою, и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне.

Кончил. Ему отвечал Эвримах, сын Полибиев: лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись, и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.
В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно

Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемаке, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, — и то, что услышишь, исполнится верно —
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказанье
Тяжкое сердцу; мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаку:
Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемака,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь — ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас, наконец, предпочтен, мы к другим обратиться
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними.

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— О Эвримах, и вы все, женихи знаменитые, боле
Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притесненья; когда же

Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство.

Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
— Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.
Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое

Сын Эйвеноров тогда Леокрит, негодуя, воскликнул:
— Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор?
Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разойдитеся, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Галиферд, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемака;
Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, сбирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся.

Так он, сказав, распустил самовольно собранье народа.
Все, удалясь, по своим разошлися домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.

Но Телемак одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
— Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращеньи, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы.
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
— Смел, Телемак, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Все твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частию хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемак, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды:
Пусть и в амфоры вина нацедят, и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море.

Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаку.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
Коз, а другие зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
— Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемак, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить; получишь
Ты и корабль и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном.

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Нет, Антиной, неприлично мне с вами надменными вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал, и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликать,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос, иль здесь отыскавши
Средство. Я еду — и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно.

Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзконадменных:
— Нас Телемак погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса,
многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить.
— Но — отвечали другие насмешливо первым — кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,

Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Так женихи. Телемак же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
Входом служили; почтенная ключница, денно и нощно
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.

В ту кладовую позвав Эвриклею, сказал Телемак ей:
— Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Также и кожаных, плотных мехов приготовь, ржаною
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалося двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи.

Кончил. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
В страшное море тебе на беды и на бури пускаться.

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,
Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет — боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица. Эвриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившися, там с женихами остался.

Умная мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемака принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноэмо́ну, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль — Ноэмон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлися, и в каждом она возбудила отважность.

Новая мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.

Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: пора, Телемак, нам:
Все собралися уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время итти, не годится нам доле откладывать путь свой.

Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемака
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемак за богиней.

К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного брега.
К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:
— Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает. И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемак, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный.
Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им скорее
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье
Паче ж других светлоокой богине великой Палладе.

Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В Пилосе

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посидону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пятисот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемак, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратяся, богиня Афина сказала:
— Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору: знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим.

— Но — отвечал рассудительный сын Одиссеев богине —
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан.
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемака
Быстрым шагом; за нею пошел Телемак; и поспешно
К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Пизистрат благородный.
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фразимедом.
Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
— Странник, ты должен призвать Посидона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай; он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю.

Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посидона владыку:
— Царь Посидон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв экатомбу;
Дай нам потом, Телемаку и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком.

Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двуярусный кубок она подала Телемаку;

В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой Геренейский:
— Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася.
Жизнью играя своей и беды приключая народам?

С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
— Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами, иль что от какого услышал случайно
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне.

Так Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
— Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес, и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И не мало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести сбирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам,
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.

Девять трудилися лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости — кончить насилу решился Кронион.
В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось

Солнце; ахейцы сошлися, вином охмеленные; те же
Стали один за другим объяснять им причину собранья:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив экатомбу святую,
Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги нескоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях; уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказанье.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.
Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.

Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под нами углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лезбо́се
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой средине,
Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный

Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посидонов, измерив великое море.
День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.

Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доныне
Сведать еще я не мог, кто погиб из ахеян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
Как и Эгист, наконец, по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.

Выслушав Нестора, так отвечал Телемак благородный:
— Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
О! когда б и меня одарили такою же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу — и удел мой отныне терпенье.

Так Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
— Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,

В доме твоем женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратяся, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О! когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
В крае троянском, где много мы бед претерпели ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала.

Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Странное слово из уст у тебя, Телемак, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек-усыпляющей смерти судьбиною будет.

Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
— Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору — правдой и мудростью всех он людей превосходит;
Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений.
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство

Хитрый Эгист изобрел, чтобы удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Арго́са еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?

— Друг, Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты, но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовяся плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но как скоро судьбина ее предала преступленью,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.

Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытный твердой рукою
Фронтис, Оне́торов сын, наиболе из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.
Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малеи

Быстро достиг — повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет, и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер могучий и волны ко брегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида — народ покорился безмолвно.
Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене,
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богоподобный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье.
Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.

Ты же недолго, мой сын, в отдаленьи от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица — толь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней с колесницей
Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакеде́мон божественный, где Менелай златовласый

Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим.

Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
— Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки и царю Посидону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
День на закате угас и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов: удалиться пора нам.

Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умытия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемак благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.

Нестор, гостей удержавши, сказал: да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я и гости мои насладились покойным
Сном? — Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын толь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемак: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею
Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им;
Я из сопутников наших старейший годами; они же

(Все молодые, ровесники все Телемаку) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемака же, после того, как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных.

Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ: изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемака, ему дружелюбно сказал он:
— Друг, ты, конечно, и сердцем неробок и силою крепок,
Если тебе молодому так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
Будь благосклонна. богиня, и нам и великую славу
Дай мне и детям моим и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым.

Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой, богато украшенный, Нестор, герой Геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.

Гостю желая спокойствия, Нестор, герой Геренейский,
Сам Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,
В звонкопространном покое кровать указал прорезную;

Лег близ него Пизистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постеле, перестланной мягко царицею, Нестор.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
С мягкой поднялся постели и Нестор, герой Геренейский;
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой, служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахеян. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Эхе́фрон, Персей, Стратион и Аре́тос и юный,
Богу подобный красой Фразимед; наконец, и шестой к ним,
Младший из братьев, пришел Пизистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.

Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой Геренейский:
— Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афину,
Видимо бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемаков пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэркос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице,
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам.

Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаковы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный для ковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,

Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Эхефрон;
Воду им руки умыть в обложенной цветами лахани
Вынес из дома Аре́тос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фразимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Также осыпали. Несторов сын Фразимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил, и, в шею глубоко вонзенный,
Жилы топор пересек; повалилась телица: вскричали
Дочери все и невестки царевы и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Эвридика.
Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли — разом зарезал ее Пизистрат благородный.
После, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедра, и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Все разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.

Тою порой Телемак Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой Геренейский, сказал сыновьям благородным:
— Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
Должно, чтоб мог Телемак по желанию в путь устремиться.

То повеление царское было исполнено скоро:
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемак благородный;
Рядом с ним Несторов сын Пизистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчалися быстрые кони
Полем, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.

Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могу ими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Лакедемоне

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя в царском жилище.
К сыну губителей ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапенда. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Эрмиона, подобная дивной красой Афродите.
Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.
Тою порой Телемак благородный с младым Пизистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многочтимый
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по двору побежал он к владыке Атриду.
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:

— Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?

С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
— Ты, Этеон, сын Воэтов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами, не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих

Так говорил Менелай; Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои, наконец, удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лахани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
— Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся.

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут преклонив, чтоб подслушать другие
Речи его не могли, прошептал Телемак осторожно:
— Нестров сын, мой возлюбленный друг, Пизистрат благородный
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоях;
Блещет все златом, сребром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
Что за богатство! как много всего! с изумлением смотрю я.

Вслушался в тихую речь Телемака Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
— Дети, нам смертным не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши не мало, не мало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирногустом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
Той же порой, как в далеких землях я, сбирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мои погиб от убийцы
Тайно, никем непредвиденно, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж, конечно, отцы вам
Все рассказали... О! горестно было мне зреть истребленье
Дома, толь светлого прежде, толь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Арго́са, питателя коней.
Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю

Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь не сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахеян столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталося часть: сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемаком,
Бывшим еще в пеленах при его удаленьи из дома.

Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемаке.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?

Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алкандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два треножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
— Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
Я же скажу — справедливо ли, нет ли, не знаю — но сердце

Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемаком, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
Дома оставил, когда за меня недостойную все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью.

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
— Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся.

Тут Пизистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
— Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец родитель мой Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротству́ет, как ныне
Сын Одиссеев; отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься.

Царь Менелай, отвечая, сказал Пизистрату младому:
Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахеян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;
Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;

Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вожделенный.

Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена аргивская, Диева дочь, зарыдала;
Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и младой Пизистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
— Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою — скоро подымется Эос,
В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног и отважностью в битвах.

Царь Менелай златовласый ответствовал так Пизистрату:
— Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовил Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает
Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а на утро опять разговор с Телемаком
Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне.

Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалеон,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает, и добрых целебных и злых ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.

Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
— Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
Вам расскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне —
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался и что он,
Дерзкорешительный муж, наконец, предприял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахеян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалася, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я — он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:

Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким.
Все мне о замысле хитром ахеян тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою.

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
— Истина то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный еще не встречался.
Вот что, могучий, он там, наконец, предприял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла — по внушению злому, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам —
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины.

Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Царь благородный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.

Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце? . .
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены.

Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Пизистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаку, его он поздравствовал; после спросил он:
— Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакеде́мон прибыть, Телемак благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне.

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
— Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами, иль что́ от какого случайно услышал
Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,

Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы, —
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне.

С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
— О безрассудные! мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить. и обратно бы лев пробежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина!
В виде таком, как в Лезбосе, обильно людьми населенном —
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам —
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.

Все еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил экатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от брегов на таком расстояньи, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутный корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.
Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы, и люди
Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,
Хитрого старца морского цветущая дочь Идофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,

Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив;
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острособгенными крючьями удили — голод терзал их.
С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
— Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
— Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.
Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?

Так вопросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
— Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издавна морской проницательный старец,
Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посидона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-пустынным.

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
— Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога.

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
— Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,

В веяньи ветра, с великим волнением темныя влаги,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостоногие, дети младой Алозидны,
Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою притти с кораблей крутобоких.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет,
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
Все соберите и им овладейте: жестоко начнет он
Биться и рваться — из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул — вы немедля
Бросьте его; и тогда благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?

Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,

Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
В ямы уклавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой —
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Идофея беде помогла и страдание наше
Кончила, ноздри амврозией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.

Стаею вышли из вод, наконец, тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглися.
В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне, наконец, обратился с вопросом:
— Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?

Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
— Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?

Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
— Должен бы Зевсу владыке и прочим богам экатомбу
Ты, с кораблями пускаяся в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних

В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь экатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят.

Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительнотрудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
— Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимо ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучилися, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?

Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
— Царь Менелай! не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать; горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
Многих уж нет; но и живы осталися многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженьи, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
Сын Оилеев, Аякс; Посидон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.
Дерзкое слово царем Посидоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с сидевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко брегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Ирой.

Но тогда, как в виду неприступных утесов Малеи
Был он, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына Эгиста.
Скоро однако опять успокоилось море, и боги
Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся незапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли.

Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской проницательный старец:
— Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут; а лучше подумай,
Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью.

Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
— Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,

Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я.

Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
— Это Лаэртов божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсы, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло́ беспечальные дни человека,
Где ни мятелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса.

Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развив паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил экатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив экатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.

Ты ж, Телемак, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я

Трех быстроногих коней с колесницей блестящей, и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье.

— Царь Менелай, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
Долго меня не держи, — тороплюся домой я безмерно;
Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпеньем
Ныне меня; ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно; оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей и полбой и густоцветущим ячменем.
Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих.

Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
— Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
Дам пировую кратеру, богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь.

Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовились к пиру в высоких палатах Атрида.

Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись

Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Эврimахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
Фрониев сын Ноэмон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
— Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить иль не может,
Скоро ль назад Телемак из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль — самому мне он надобен ныне:
Плыть мне в Элиду широкополяную нужно: двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работящих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить.

Так он сказал; женихи изумилися; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Эвпейтов, спросил Ноэмона:
— Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный, иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?

Фрониев сын Ноэмон, отвечая, сказал Антиною:
— Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж — ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор, иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
Ибо я был изумлен несказанно — божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими.

Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться
Но Антиной с Эврimахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.
К ним обратяся, сказал Антиной, сын Эвпейтов, кипящий
Гневом — и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
— Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись

В путь, Телемак; от него мы подобной отваги не ждали:
Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я
В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось.

Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссеев.

Но Пенелопа недолго в незнаньи осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемака;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
— С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О! Когда бы они от меня отступились! Когда бы
Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемаково, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случалось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно.

Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
— О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой — да успеха не даст им Зевес громовержец!
Острым мечом замышляют они умертвить Телемака,

Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедемон.

Так он сказал; задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она и слезами
Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она, наконец, отвечая, сказала:
— Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?

Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
— Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он?
Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданием к ней собралися рабыни,
Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
— Слушайте, милые, дал мне печали Зевес олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
Во-время в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О! Для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне

Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына.

Тут Эвриклея, усердная няня, сказала царице:
— Свет наш, царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойди, и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящия смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркезиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома и нив и полей плодоносных в Итаке.

Так Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
— Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив.
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.

Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
— Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну.

Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
— Буйные люди, советую вам от таких неразумных
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.

Лучше, отсель удаляся в молчаньи, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили.

Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.
Сдвинув с песчаного брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собралися, все вместе
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданьи пришествия ночи.

Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно, как лев, окружаемый мало-по-малу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.

Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Эвмел сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
— Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?
Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемак невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною.

Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
— Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.

Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не видавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;
Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа?
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну.

Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
— Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя — для нее все возможно —
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня.

Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
— Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало, и в область Аида сошел он?

Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
— Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно.

Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеяв
Воздухом легким, пропал. Пробудяся от сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.

Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаку готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

КНИГА ПЯТАЯ

Грот Калипсы. Плот Одиссея

Эос, покинувши рано Титона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.
Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
— Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело —
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемака,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакеде́мон

Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
— Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемака ж
Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;

Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, прибудут в Итаку.

Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
— Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди и злата и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так напоследок по воле судьбы он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит.

Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амврозиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодносоленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонкоприятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали

Тополи, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
В лиственных сенях гнездилися там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог — изумился б, и радость в его бы проникнула сердце.

Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса:
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже, когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.

Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
— Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье.

С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амврозией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
— Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я —
Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря

Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам экатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светлоустроенный дом свой опять он увидел.

Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
— Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа, и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали до тех пор, пока златотронныя он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
Так Язион был прекраснокудрявой Димитрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул — корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье и вечноцветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он — когда уж того так упорно желает Кронион —

Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться.

Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
— Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты,
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказанье.

Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно, капля за каплей,
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем и плачем и вздохами душу питая, и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
— Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перилы на толстых
Брусьях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам —
Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно.

Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос повысив, он бросил богиие крылатое слово:
— В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?

Нет! Против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне.

Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
— Правду сказать, ты — хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне.
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненьи великом;
Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце.

Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный) достигнув глубокого грота,
Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амврозии подали с нектаром сладким.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?

Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
— Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене, с вечноюной бессмертной богиней ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Все ж я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить;
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, не мало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уравнял, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок

В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных
Сучьев, на дно же различного груза для тяжести бросил.
Тою порою Колипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.

День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.

Радостно парус напряг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.

Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море.
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феакиян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.

В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
— Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,

Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить.

Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные: облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
— Горе мне! что претерпеть наконец мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вкруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен и была б от ахеян мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...

В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;

Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.

С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердосколоченый плот и сказала:
— Бедный! за что Посидон, колебатель земли, так ужасно
В сердце разгневан своем и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положися теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися.

Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
— Горе! не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить.
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое, и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь; и иного теперь не придумаю средства.

Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посидон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным,
Руки простерши и плыть изготовясь, потом он отважно
Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
— По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен.

Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.

Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.

Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных —
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрей он, ступить торопяся на твердую землю.
Но, от нее на таком расстоянии, в каком человечий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;

Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места;
В круть берега подымались; торчали утесы и рифы.

В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
— Горе! на что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом расшибаяся плещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало,
Или, чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посидон земледержец.

Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось, и кости б его сокрушились,
Если б он во-время светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и к нему прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но, вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув в бок из волны, устремившейся прянуть на камни,

Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
— Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посидонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
Бед претерпевшему; сжалься, могучий, подай мне защиту.

Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал, наконец, бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.

Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, сявши,
Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
— Горе мне! что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат;
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром:
Если же там на пригорке под кровом тенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным.

Так размышлял он; ему, наконец, показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалёко

Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода, так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое, и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться
Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях,
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара, —
Так Одиссей, под листами зарывшися, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

КНИГА ШЕСТАЯ

Прибытие Одиссея к феакам

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышно-устроенный город любезных богам феакиян,
Живших издавна в широкополяной земле Иперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навзитой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышлёных.
Там он им город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навзикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ приявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навзикае, богиня сказала:
— Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о светлых одеждах: а скоро наступит

Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платья и тем, кто тебя поведут к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
Мать и отец веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и на реку мыть соберитеся все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой:
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
Путь к водоемам от стен городских утомительно долог.

Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подъемлет мятелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.

Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденьи
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец; на совет он владык многоумных
Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навзикая сказала:
— Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
Должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе.

Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
— Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб.

Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна
Все поместила на быстроколесной, большой колеснице.
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навзикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.

К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом
Начали платья они полоскать и потом, дочиста́ их
Вымыв, по взморью на мелкоблестящем хряще, наносимом
На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя и подруг и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навзикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эвримант обегает,

Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.

Стали они, наконец, собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навзикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прянул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
— Горе! к какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, незнающих правды, людей? Или, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос:
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
Или достиг, наконец, я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать.

С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листами
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу, и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:

Оба ль колена обнять у прекраснокудрявыя девы?
Или, в почтительном став отдаленьи, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
Так размышляя, нашел, наконец, он, что было приличней —
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленьи
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
С словом приятноласкательным он обратился к царевне:
— Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
Нет! ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут —
Юную, стройновысокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь. Но дивяся тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих; несказанной бедой я постигнут.
Только вчера, на двадцатый мне день удалося избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
Верно не мало еще претерпеть мне назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я с молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обертки, в которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,

С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу.

Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
— Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу, назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы.

Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
— Стойте! куда разбежалися вы, устрашась иноземца?
Он человек не зломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил: нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников: дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке. — Сказала. Сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
— Девы прекрасные, станьте поодаль; без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину, и сам наелею

Тело; давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы.

Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила;
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
— Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О! Когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги.

Так говорила царевна. Ее повинуяся воле,
Девы не медля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в бедах Одиссей; уж давно не касался он пищи.

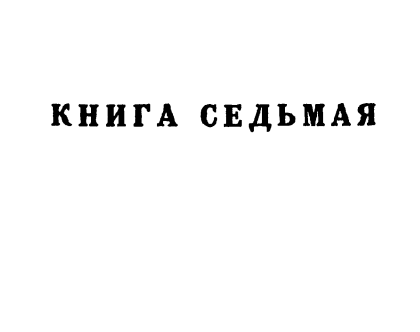
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны;
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
— Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,

Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вкруг Посидонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданьях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах и веслах и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурею к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных.
Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласья их стала,
В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом, в таком расстояньи от града, в каком человечий
Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же

Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко; бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы:
Там перед яркоблестящим ее очагом ты увидишь,
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царевы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом и семью и отечество скоро увидишь.

Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навзикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же пешие следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшися, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
— Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских.

Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.



КНИГА СЕДЬМАЯ

Приход Одиссея к Алкиною

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навзикая
Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,
В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навзикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.

В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокую Зевса богиню Афину
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
— Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель божественный царь Алкиной обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
Я заведен; мне никто незнаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный:
Следуй за мною в глубоком молчаньи; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
Бездну морскую они, отворенную им Посидоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли.

Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея,
Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
— Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы — Арета; она от одних происходит
Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навзитой Посидоном земли колебателем прижит
Был с Перибоей, всех дев затмевавшей своей красотою.
Младшею дочерью мужа могучего Эвримедона,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навзитоя; и первым царем феакиян
Был Навзитой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив

Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так, что нередко и трудные споры мужей разрешает.
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом и семью и отечество скоро увидишь.

Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как в небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из сребра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя;
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканные дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садилися чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,

Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарногустым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.

Долго, дивяся, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.

Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
Все в изумленьи смотрели. Царице Арете сказал он:
— Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим и к царю и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими.

Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали и долго молчание длилось.
Но, наконец, Эхеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
— Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней.

Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут для умытия рук поднесла на богатой лахани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.

Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.

Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.
Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: приглашаю
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,
Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить экатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;
Также, чтоб он ни печали ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия роковую вплели для него при рожденьи.
Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им экатомбы приносим;
С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
Странником встретится — он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем:
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпенных с трудом непомерным по воле бессмертных;
Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно
Требует пищи себе и меня забывать принуждает

Все, претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.
Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне злополучному путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
Светлый свой дом и семью, и рабов, и богатства увидеть.

Кончил. Они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
— Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне.
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодою брошен.

Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
— Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов — об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один злополучный на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне, наконец, даровать и бессмертье, и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.

Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
Хлебом меня и душистым вином и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море:
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли, Посидон непреклонный, готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне;
Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему брегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избегнуть, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки — показалось то место приютным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли — молодежь рассудительна редко.
Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам.

Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
— Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей обратился.

Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
— Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;
Я ж отказался — мне было бы стыдно; притом же подумал
Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.

Царь Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
— Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце несклонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Если б нашелся, подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навзикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
В землю отцов иль в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,
Дале которой уж нет ничего по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших —
Тития, сына земли, посетил он — и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые.

Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;
Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
— Дий, наш отец! да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну.
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.

Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
— Странник, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.
Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладкоцелительный сон, наконец, он вкусил безмятежно,
В звонкопространных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Знакомство феаков с Одиссеем

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос —
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладко-обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
— Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен.

Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный, мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собралися они и собрание сделалось полным.
Тут, обратяся к ним, царь Алкиной произнес: приглашаю

Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл —
Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.
Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой пространный
Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока; дар песней приял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце.

Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодносоленого моря собравшися, вместе
К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
Легкий корабль на открытое взморье, они собралися
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
Сделались полны — там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.

Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала зато сладкопенье.

Стул сребркованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол, и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ими однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась, и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел, — а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.

Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам весслолюбивым сказал: приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей показать, чтоб наш гость, возвратяся, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганьи, в беге проворном.

Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, хошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На площадь все собралися; толпой многочисленношумной
Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акроней, Окиа́л с Элатре́ем.
Навтий, Примней, Анхиал, Эретме́й с Анабазиоменом;
С ними явились Понтей, Прореóн и Фоóн с Амфиа́лом,
Сыном Полиния, внуком Тектóна; пристал напоследок
К ним и младой Эвриал, Навболид, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустилися разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный — какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, на столько оставив
Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу;
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганьи был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.

Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает.

Умным — сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму —
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов.

Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратяся к царю Одиссею:
— Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен — но верно во всех ты искусен -
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут и наши готовы к отплытию люди.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр; на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и не мало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться.

Но Эвриал Одиссею ответствовал с колкой насмешкой:
— Странник, я вижу, что ты неподобишься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышлёных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе несходен.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
— Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют; не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин —
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он — украшенье собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне

Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел не мало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом.

Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил — он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина, под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
— Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, неспособен
Бросить. От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.

Радуясь тем, что ему хоть один благосклонный в собраньи
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
— Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть может и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я — с одним не могу Лаодамом:
Гость я его — подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать неспособен,
Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
Вздумает в бой; несомненно себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много

Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там споря, из лука стреляли,
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Ираклом, ни с Эвритом, метким стрелком эхалийским;
Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Эврит великий погиб оттого; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелою;
Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены.

Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
— Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой — зато ни один, говорить здесь привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратяся
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
В плаваньи по морю, в беге проворном и в пляске и в пеньи.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил.

Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай, и лиру
Подал певцу; пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.

Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Ифеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Ифеста Арей, как открыл наконец все Ифесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Ифестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Ифест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемно́с, крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведал, что в путь свой Ифест, многославный художник, пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши
За руку взял и по имени назвал ее и сказал ей:
— Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;

Муж твой Ифест далеко; он на остров Лемно́с удалился,
Верно к суровым синтийцам, наречия грубого людям.

Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало по малу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Ифеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом.
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Ифест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Ифест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
— Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром — но моею ль виною. Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшися нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.
Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла; не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.
Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце.

Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посидон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини осталися дома.
В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Ифест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
— Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала;

Как ни хромает Ифест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака.

Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
— Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
Искренно мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?

Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
— Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!

Так отвечал он: бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посидон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
К славному дивным искусством Ифесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
— Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все дополна при бессмертных богах он заплатит.

Бог хромоногий Ифест, отвечая, сказал Посидону:
— Нет, от меня, Посидон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?

Богу Ифесту ответствовал так Посидон земледержец:
— Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я. — Хромоногий Ифест отвечал Посидону владыке:
— Воли твоей, Посидон, не дерзну и не властен отвергнуть.

С сими словами разрушила цепи Ифестова сила.
Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи —
Быстро вскочив, улетели. Во Фригию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;

Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
Тело одних лишь богов орошающим, маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Весколюбивые, смелые гости морей, феакийцы.

Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темносветлым
Бросил один, а другой разбежался и, прянув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту, отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся.

Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам весколюбивым сказал: приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом.

Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
Но Эвриал, повинуясь, ответствовал так Алкиною:

— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукоятью серебряной, в новых,
Чудной работы ножнах из слоновыя кости, охотно
Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит.

Так говоря, среброкованный меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
— Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом.

Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.
Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.

Тут, обратяся к царице Арете, сказал благородный
Царь: принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощаньи
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлияние Зевсу и прочим бессмертным.

Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен,

Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы, и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
— Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком.

То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню
Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсы, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навзикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
— Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня: ты спасением встрече со мною обязан.

Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
— О Навзикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Иры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан.
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.

Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоною:
— Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку: его и печальный я чту несказанно.
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза: ей мило певцов благородное племя.

Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю:
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданьи,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом поистине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили.

Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.
В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские; было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши

Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвалися,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.

Так об ахеянах пел Демодок: несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, как он содрогается в смертной борьбе и, прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную, в плен увлекают на рабство и долгое горе;
Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.

Всеми другими они незамечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам весслолюбивым сказал: приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным;
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя попрошу: откровенность похвальна.

Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоем и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый и низкий и знатный
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
Землю и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навзитоя
Слышал: не раз говорил он, что бог Посидон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посидоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Посидон земледержец,
Иль не исполнит — пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человеков ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, от чего ты так плачешь? зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнию были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Рассказ Алкиноя. Киклопия

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после, и что наконец расскажу вам?
Много Ура́ниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобретеньем многих
Хитростей славный и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Не́рион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много
Там и других островов недалеких один от другого:
Зам и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);

Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом —
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.

Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Измару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились, — но добрый совет мой отвергли безумцы;
Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобыкших сражаться с коней, и не мене
Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.
С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.

Далее поплыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда

Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся в волны носами, ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править:
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинуясь кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Китеры.

Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладкомедвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос сбирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них ни который,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.

Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.

Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким со псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет: без боязни там ходят одни тонконогие козы.
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;
Нет между ними искусников, опытных в хитром строеньи
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам, иль пока не подымется ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сенью тополей черных.

В эту мы пристань пошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданьи восхода на небо денницы.

Вышла из мрака младая, с перстами пурпурными, Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жребию коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
— Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?

Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней, был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.

Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Эвантеев
Сын, обитавший в разрушенном Измаре, им наделил нас
В дар благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
Сан уважая жреца — пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином драгоценным,
Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь, и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.

Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах: в отдельных закутах

Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие — с старшими, средние — подле
Средних и с младшими — младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок, — но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четыреколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
— Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?

Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.

Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
— Все мы — ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас бесприютных к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощаньи гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог-гостелюбец, священного странника вождь и заступник.

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
— Видно, что ты издалека, иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ль иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я. Так искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
— Бог Посидон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж, и со мною немногим, от смерти спастись удалося.

Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих как щенят подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном

К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.

Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца.
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос;
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключеньи оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел, наконец, я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой: его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта, длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.

Жеребий дал четырех мне и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал, не по жеребью — пятый.

Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье, иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинув скалой необъятнотяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и попрежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
— Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?

Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши: налей мне, сказал он, еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает;
Твой же напиток — амврозия чистая с нектаром сладким.

Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
— Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь Никто; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают.

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
— Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими, — вот мой подарок.
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге; так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.

Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленьи
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы

Силой не мог повредить мне. В сердцах закричали циклопы:
Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.
В помощь отца своего призови Посидона-владыку.

Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думаньи долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их как шелк волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный, на каждых
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.

С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще недоенные, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать неспособен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:

— Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зрения гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют Никто; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес. Так сказав, он барана пустил на свободу.

Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал, и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел; отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
— Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные. Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей громады;

Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам, молча, кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; все, нагнувшися, разом ударили в весла.

Быв на двойном расстояньи от страшного брега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
— Дерзкий, они говорили, зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит.

Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
— Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой.

Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
— Горе! пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
Телсм, Эвримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;
Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный. . .
Что же? Меня малорослый урод, человечишко хилый,
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись: я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может — один он, никто из людей и никто из бессмертных.

Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
— О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
То, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!

Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посидону-владыке:
— Царь Посидон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой, и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив сопутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе.

Так говорил он, моляся, и был Посидоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалося море от падшей громады;
Судно ж волною помчало вперед к недалекому брегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы встащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге
В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных и всех кораблей крепкозданных лишился.

Жертву принесши, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собралися и все отвязали канаты.
Спутники все собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

Далее поплыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Об Эоле, лестригонах и Цирцее

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Иппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров пловучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.
Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Днем с благородным отцом и с заботливой матерью вместе
Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют
В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращеньи;
Всё любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами: был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать, иль обуздывать, как приходило желанье.
Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.

Девять мы суток и денно и нощно свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощании данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
— Боги! как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч: мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться
с пустыми руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много.

Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море.
Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе, и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К эолийскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
—Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе
прикоснулся?

Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?

Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
— Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно.

Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне ответствовал с гневом:
— Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.
Прочь! ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен.
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.

Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишенные собственным жалким безумством
Денно и нощно шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов
Ламосу. Там, возвращаяся с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получить, выгоняя пастися
Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночною сближается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил в отдаленьи от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал

(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: желаем узнать мы,
Дева, кто властвует здешним народом и здешней страною?
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору — они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалося их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время, как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; устрашенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.

Далее поплыли мы, в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Аэта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;

Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань; дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел
Я за широкоразросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, итти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я, наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,
Подле него на земле положил, и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
Ношу, и с нею пошел к кораблю, на копье опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снесть: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: ободритесь, товарищи, в область Аида
Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод.

Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
Всех их олень изумил, несказанно-великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.

Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
— Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса.

Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
В память пришли им и злой лестригон Антифат и надменный
Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы — напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
Избран вождем был дружины другой Эврилох благородный.
Жеребьи в меднокованном шлеме потом потрясли мы —
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Эврилоху.
В путь собрался он и с ним двадцать два из товарищей наших
С плачем они удалились, оставив нас, горем объятых.

Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того, чтоб напасть на пришельцев, они подбежали

К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся — им же всегда он приносит остатки обеда —
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появленьем они, приведенные в ужас,
К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонкоприятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.

К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
Мне, меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:
— Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей.

Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Эврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей и свидины и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Эврилох прибежал той порою
С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленьи великом расспрашивать стали,
Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
— Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там, за горами увидели крепкий Цирцеин

Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
Сидя, не знаю: богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши погибель;
Все там исчезли они и обратно никто уж не вышел.
Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши.

Так он сказал; и, не медля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Эврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною: но он, на колена в великом
Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
— Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее
Бегством спасаться, иль все мы ужасного дня не минуем.

Так говорил Эврилох, и, ему отвечая, сказал я.
— Друг Эврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно.

С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
Той же порой, как в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
— Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаюсь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелья тебе: ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:

Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты не медля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет;
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь.
С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
М о л и его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.

Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и услышав мой голос, не медля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое
Слово: иди, и свиньею валяйся в закуте с другими.
Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим,
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
— Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленьи; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.

Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты, Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем.

Так говорила богиня и так, отвечая, сказал я:
— Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,
Гибельный верно замысля обман, ты теперь предлагаешь
Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне.
Там у меня безоружного мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь.

Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.

Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;
Все они дочери были потоков и рощ и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный, чудной работы,
Стол пододвинула с хлебом в златых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки златые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье
Тела. Когда ж и омыт я и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым

Креслам меня проводила — была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лахани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.

Видя, что, думой объятый, сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
— Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой.

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
— О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть.

Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.

Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным

Спутникам всем совокупно встащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися.
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.

Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговою,
Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,
Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
— Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?

Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
— Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег встащите; в пещере потом все богатства и снасти
Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете.

Было немедля мое повеленье исполнено ими;
Но Эврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
— Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной итти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною.

Так говорил Эврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью
Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
— Если желаешь, божественный, пусть Эврилох остается
У моря, здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи.

Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на бреге;
Но Эврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.

Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи
Баней себя освежили: душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел, за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.

Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
— Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы — горе
Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Всё помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
Вы затворяете — были велики страдания ваши.

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тех пор вседневно, в теченье мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда, наконец, обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновалися месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
— Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светлобогатый свой дом и отчизну и милых домашних.

Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.

Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
— О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней: в сокрушеньи
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем.

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тирезия Фивского должно тебе вопросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют.

Так говорила богиня; во мне растерзалося сердце:
Горько заплакал я, сидя на ложе; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
— Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный.

Так вопросил я богиню, и так мне она отвечала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься: но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви, твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из ракит, свой теряющих плод, и из тополей черных,

Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.

Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно-веющим теням усопших;
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тирезия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему повятивши.
После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана — к Эреву
Их обратив головою, а сам, обратясь к Океану —
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;
Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тирезий.
Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься.

Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.

Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:

— Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду.
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.

Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Эльпенор, неотличный
Смелостью в битвах, не щедро умом от богов одаренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломил позвонковую кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
— Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тирезия Фивского должен сперва вопросить я.

Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Все понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему бреге,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.

Тою порою на брег привела черноруннюю овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Вызывание теней

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
Все мы взошли, сокрушенные горем, льющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.

Дав Перимеду держать с Эврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши

Яму глубокую в локоть один шириной и длиною.
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тирезия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эрева поднявшись;
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тирезий.

Прежде других предо мною явилась душа Эльпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
— Скоро же, друг Эльпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном.

Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный.
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало

Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься:
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
Кость изломал позвоночную: в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих летах оставленным дома,
Ныне молю — (мне известно, что, область Аида покинув,
Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи)—о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там неоплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил.

Так говорил Эльпенор, и, ему отвечая, сказал я:
— Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет.

Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.
Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном — ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тирезий.

Скоро предстал предо мной и Тирезия Фивского образ:
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
— Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившися, мог я по правде пророчить.

Так он сказал: отслоняся от ямы, я меч сребргвоздный
Вдвинул в ножны; а Тирезий, напившися черныя крови,

Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
— Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посидон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темнолазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
Всех потеряв, на чужом корабле и нерадость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь, иль обманом, иль явною силой — покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурно-грудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям — от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь, и путник тот спросит:
Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною.

Так говорил мне Тирезий; ему отвечая, сказал я:
— Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завесть разговор с ним. Скажи мне.
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?

Так я его вопросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
— Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови не пустишь.

С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
— Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Ада? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам: то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же
Прямо от Трои с своим кораблем и своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибыл сюда? Неужели
Всё не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?

Так говорила она и, ответствуя, так ей сказал я:
— Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тирезия Фивского мне вопросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.
Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?

Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое, и меня уж в народе считают погибшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?

Так я ее вопросил; Антиклея мне так отвечала:
— Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно
Дома своим Телемак достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует, все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
Там он лежит и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Так же не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул;
Нет: но тоска о тебе, Одиссей, о твоем миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.

Ей, наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
— Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному

Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?

Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
— Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Всё, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб всё повторить при свиданьи супруге.

Так, собеседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев; —
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их вопросить почередно
Каждую; вот что удобнейшим мне, наконец, показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое: и расспрашивать каждую мог я.

Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно-светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посидон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные стали горой и, слиявшись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
— Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится

Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью
Но, возвратяся к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посидон земледержец.

Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родилися;
Слуги могучие Зевса-эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолхо́се
Тучнополянистом жил Пелиас; а Нелей жил в песчаном
Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эзон и Ферит и могучий ездок Амифа́он.

После нее мне предстала Азопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Цетос; положили
Первое Фив седьмивратных они основанье и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.

Амфитрионову после узрел я супругу, Алкмену;
Сына Иракла, столь славного силой и мужеством львиным,
Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.

После явилась Мегара; Креон, необузданносмелый
Был ей отцом; а супругом Иракл, в испытаниях твердый.

Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать, Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнаньи она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшися браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец;
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эринний.

После явилась Хлорида; её красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами

Деву прельстивший; был царь Амфион Иазид, Орхомена,
Града Минийского славный властитель, отец ей; царица
Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
После Хлорида и дочь родила многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба и темничные узы и пастыри стада.
Но когда миновалися месяцы, дни пробежали, и года
Круг совершился и Оры весну привели, — Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесова сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.

Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась;
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
Коней смиритель Кастор и боец Полидейк многосильный.
Оба землею они жизнодарною взяты живые;
Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.

Ифимедею, жену Алоэя, потом я увидел;
С ней сочетался — хвалилась она — Посидон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты, и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.

Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь ковнодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тезей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Меру, Климену, злодейку-жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их однако я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явилися жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись, а вы мой отъезд учредите с богами.

Так говорил Одиссей, — все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
— Что, феакияне, скажете? Станом и видом и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно мой гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите: нескупо дарами
Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства.

Тут поднялся Эхеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
— С нашим желаньем, друзья, он сказал, и с намереньем нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит.

Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
— Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,

Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращеньи в Итаку.

Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
— Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
Слушать тебя я готов до явления светлой денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься.

Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских.
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних сопутников; также
Кто из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.

После того, как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,

Некогда члены могучего тела его оживлявших.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
— Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посидон с кораблями..
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?

Так вопросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный..
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посидоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моей заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых,
В пышном дому гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья —
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я; нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзкобесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка

Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных.

Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
— Горе! Конечно, Зевес-громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло не мало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра.

Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
— Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна погибель;
Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж козноделка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновенье зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я;
Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе?
В Спарте ль
Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный.

Так вопросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
— Царь Агамемнон, о сыне твоем ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно.
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.

Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов

Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только,
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?

Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
— О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я затем, чтоб Тирезий слепец-прорицатель открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный.

Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
— О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженьи мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?
Всё ли попрежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
Трое губил ополченья и грудью стоял за ахеян.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших.

Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
— Сведать не мог ничего я о старце Пелее виликом;

Но о твоем благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал, и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В краю троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Эврипила, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же єдином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит, и Арей веселится.

Так говорил я; душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.

Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса,
Молча, стояла вдали, одинокая, всё на победу

Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фемида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о! зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
— Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копьеносных данаев
Страшной бедою: тебя он судьбине безвременной предал.
Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца.

Так я сказал; не ответствовал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эреве.
Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремило желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В Аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.

После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он —
Их же своею железной, ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.

Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали

Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.

Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью.
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь и груш и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.

Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью:
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
С тяжкой ношей, назад устремленный с невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвигнуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.

Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобяся ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вкруг озирался, как будто готовяся выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грозноокие, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были:
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;

Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
— О, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
Сын я Крониона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести; уповал он, что будет мне труд не по силам.
Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина.

Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тезея царя, Пиритоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона:
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля ни мало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сирены, Сцилла, Харибда, быки Гелиоса

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоиспытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденныя Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
К брегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданьи восхода на небо денницы.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скликав, послал я их к дому Цирцеи,
чтоб взять там
Труп Эльпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того, как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом и мясом и пеннопурпурным вином молодые
Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближась, сказала:
— Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра
Далее вы поплывете; я путь укажу и благое

Дам наставленье, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть ни на суше, ни на море темном.

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принесши, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленьи от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
— Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.

Прежде всего ты увидишь Сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанью к тем двум чародейкам приближась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетных
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким Сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем
Если ж просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.

После, когда вы минуете остров Сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя «бродящих» дано им богами; близ них никакая

Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Аэта, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Ирой, любившей Язона.

После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают
Темносгущенные ту высоту, никогда не редея.
Там никогда не бывает ни летом ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел — столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эрева на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
Движется спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем; все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посидон от погибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держася скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
Спутников, нежели вдруг и корабль потопить и погибнуть
Всем. Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
—Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?

Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
— О! необузданный, снова о подвигах бранных замыслил,
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение — бегство.
Горе! когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь;
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит: не медли ж; поспешно пройди, призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас нападения может.

Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Иперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;

Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну

Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратяся к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
— Должно не мне одному, и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья Сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы — двойными скрутите мне узами руки и ноги.

Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных Сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер и тишь воцарилась
На море: демон угладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог-жизнодатель, лучом разогрел теплоносным.

Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстояньи, в каком призывающий голос бывает
Внятен, Сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
— К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем Сирен насладися;
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцесладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы всё, что случилось в троянской земле, и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится.

Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали гресть; а ко мне подошед, Перимед с Эврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.

Но когда удалился корабль наш, и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья Сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров Сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов устрашенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
— Спутники, в бедствиях мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей

Острыми веслами бейте; быть может, Зевес-покровитель
Нам от погибели близкой уйти невредимо поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвесть от волненья и дыма,
Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
В бок по стремленью — иначе корабль несомненно погибнет.

Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,
Праздно б столпились внутри корабля в ожиданьи напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.

В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны; а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов, когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой, товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.
Так рыболов с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,

Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзаньи.
Страшное тут я очами узрел и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.

Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы, наконец, светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тирезия Фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.
Тут к сокрушенным сопутникам речь обратил я такую:
— Верные спутники, слушайте то, что печальный скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тирезия Фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите.

Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Эврилох непокорный:
— Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой; усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас итти наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.
Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболе
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.

Лучше теперь, покорившись велению темныя ночи,
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с денницею пустимся снова в пространное море.

Так говорил Эврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
— Здесь я один, оттого и ответ, Эврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним, и убить ни быка ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея.

Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,
Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой пред нами.
Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися — вдруг громовержец Кронион Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры,
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.

Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
— Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.

Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие

Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять; добывая
Что где случалось, стреляли дичину иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голод томил их.

Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров; невольно,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Эврилох предложение спутникам сделал:
— Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
После — когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять.

Так говорил Эврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших
Взяли они — невдали корабля темноносого стадо
Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло —
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
Бедра они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,

Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
Всё изрубили на части и стали на вертелах жарить.

Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским;
— Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили.

Тою порой о убийстве быков Иперионов светлый
Сын извещен был Лампетией, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
— Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших.

Гневному богу ответствовал так тученосец Кронион:
— Гелиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю.

Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
Все рассказал вестоносец крылатый Кронионов, Эрмий.

Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал: но исправить
Зла нам уж было не можно: быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавали бычачий.

Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;

Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога:
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденьи тяжелым ударом разбила
Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшися в глубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион.

Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Киля водой не отбило от ребр корабельных; он поплыл;
Мачта за ним поплыла: обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вкруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.

Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
Солнце — себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться — висел на руках я.
Корни смоковницы были далеко в скале, и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;

Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал — и уж около часа, в который судья, разрешивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади — выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.
Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.

Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Отплытие Одиссея от феаков и прибытие в Итаку

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
— Если мой дом меднокованный ты посетил, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращуся теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
Все уж в ковчеге лежит драгоценном: и данные гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавит; себя ж наградим за убыток богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам.

Так Алкиной говорил; и, одобрив его предложенье,
Все по домам разошлися, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроил.
Все они в царских палатах потом учредили обед свой.

Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу
В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.

Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многочтимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостной вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратяся в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею,
Сердцем избранной супругой и с чадами; всё да пошлют вам
Добрые боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось.

Кончил. И все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратяся тогда к Понтоною, сказал феакиян
Царь благородный: наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром.

Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши
Подал царице Арете двуярусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем.

Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною итти Алкиной, чтоб ему он
Путь указал к кораблю и к песчаному брегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светлопурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
К брегу морскому они подошли и, принявши из рук их
Платье, ковчег и вино, и дорожную пищу, немедля
Всё на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой
Палубе мягкоширокий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягкоширокий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.

Тою порой миротворно слетел Одиссею на вежды
Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете —
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих видавшего браней —
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.

Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
К брегу Итаки достигнул корабль, обегающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбраняет извне нагонять на спокойную пристань
Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном

Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее — полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам;
Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы гнездятся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж, на юг обращенный, богам посвящен — не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.

Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул — так быстро
Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.

Кончив, пустилися в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: о, Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, не мало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
Спящего, мне вопреки, довезли, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился.

Гневному богу ответствовал туч собиратель Кронион:
— Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почтит, накажи беспощадно.
Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу.

Бог Посидон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
— Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Ныне же мной феакийский прекрасный корабль Одиссея,
В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город.

Гневному богу ответствовал так громовержец Кронион:
— Друг Посидон, полагаю, что самое лучшее будет,
Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город.

Слово такое услышав, могучий земли колебатель
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошед, колебатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул; потом удалился.

Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веслолюбивые, смелые гости морей феакийцы,
Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
— Горе! кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно.
Так говорили они, не постигнув того, что случилось.

К ним обратился тогда Алкиной и сказал: феакийцы,
Горе! я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посидон негодует

Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посидоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посидону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой.

Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
Страхом народ; и, усердно молясь Посидону-владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся и милой отчизны своей не узнал он —
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
Всё, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
— Горе! К какому народу зашел я! здесь, может быть, область
Диких, незнающих правды людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных!
Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
Я не остался! к другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
Горе! я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были в поступках со мною и царь и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвести обещались
В милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;

Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном.

Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари, все драгоценно-сотканные ризы, и целым
Всё оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сияли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
— Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?

Дочь светлоокая Зевса, Афина, ему отвечала:
— Видно, что ты издалека, пришелец, иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян.

Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью.
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
— Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко-направленным медным копьем умертвил из засады;
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти,
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглися на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю,
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный.

Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом

Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
— Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, казнодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоесмысленных, смолода к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проведал
Тайны, что бедный скиталец — ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева.

Светлой Афине ответствовал так Одиссей богоравный:
— Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец, от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб я был в Итаке; я в землю иную

Прибыл: ты, так говоря, без сомненья испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастьи покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненьи;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела — напротив,
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посидоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но, чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил экатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким.

Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;
Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
— Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;

Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.
После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней.

Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртов
Всё, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.

Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же,
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя.

Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
— Горе! и мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы во-время мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и думаю скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщу блестящую кожу твою на могучих

Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиными смотрителю; верен
Он и тебе и разумной твоей Пенелопе и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней: близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать.

Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
— Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостью дом твой, поглотит.

С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма.

Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши.
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Одиссей в гостях у Эвмея

Тою порою из пристани вкруть по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.

Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообзорном
Месте, просторный, отвсюду обходный; его для свиных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев, его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто — матки одни для расплода; самцы же во внешних
Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери,
Злобные; сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились

Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.

Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох и жалкую гибель в своем бы он встретил владеньи,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
— Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:
Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).
В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил.

Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
— Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял.

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
— Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам в беспрестанном
Страхе живущим, понеже теперь господа молодые

Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома: но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел сокрушить Илион многоконный.

Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
Их опалил и на части рассек и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав;
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
— Странник, сказал, не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать — свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;
Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабить обыкшие — многой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагрузивши корабль и на нем возвращаясь в отчизну —
Страх наказанья великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророчески слышался голос),
Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно все грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый, ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей — на твердыне ли черного Зама,
Или в Итаке — того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:

Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свиных, и не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свиными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен.
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.

Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина — и его свинопас с удовольствием принял;
Гость же, к нему обратившися, бросил крылатое слово:
— Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч, и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;
Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
Очередь что про него рассказать — я давно уж скитаюсь.

Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
— Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно,
Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленьи
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет! уж, конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали — и с телом душа разлучилась,
Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушеньи великом оставив домашних

Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил; хотя бы
Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их
Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне —
Нет, об одном Одиссее далеком я плачу; ах! добрый
Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю.

Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Эвмею:
— Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь;
Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел.

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас, богоравный:
— Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемак — но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами

Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом —
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись
в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркезия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его — попадется ль им в руки
Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом — теперь ты
Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Все расскажу, откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем, и глаз на глаз осталися двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле бессмертных.

Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен, как законный
Сын, был отцом благородным, Кастором Гилаксовым сыном;
Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но, приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для жилья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,

Был я и в деле военном не робок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне — боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие — другое.
Прежде чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил — и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, а по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремящий Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями итти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратилися, бог разлучил нас.

Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Мы там оснастили новых; когда ж в корабли собралися
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
Там пировали; я много зарезал быков и баранов

В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли, и с быстропопутным пронзительно-хладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
Не был корабль поврежден; нас здоровых, веселых и бодрых
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли; в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетных,
Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.
(О! для чего избежал я судьбины и верной не встретил
Смерти в Египте! мне злее беды приготовил Кронион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный, кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медно-острое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом
Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился — а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем — он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.

Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;

Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним;
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился, и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным пронзительно-хладным Бореем
Плыли; уж Крит был за нами... но Дий нам готовил погибель;
Остров из наших очей в отдаленьи пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось:
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион
Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил
Во-время он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.

Девять носившися дней по волнам, на десятый, с наставшей
Ночью, ко брегу феспротов высокобегущей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен; на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
Даже и внукам в десятом колене достанется много—
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,

Как, по отсутствии долгом — открыто ли, тайно ли — в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.

Только от брега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть
Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне — все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на сыпучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился,
Бросясь в него,, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустилися в путь; так самими богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне.

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас, богоравный:
— Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами

Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженьи,
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынником; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все — как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренно плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял:
«Видел я в Крите, в царевом дворце, Одиссея, сказал он:
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
Я и товарищи будем с несметно-великим богатством».
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Дием,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь —
Нет! я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем однако мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, как я говорю, господин твой —
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится — всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги.

Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
— Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь и в грядущее время, когда бы,

В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы — тогда и желанную вечерю здесь мы устроим.

Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
— Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие.

Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную взяв и вогнавши
В горницу, с ней подошли к очагу; свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Эвмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил
Первую нимфам, и Эрмию, Маину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок.
Роздал, но лучшей, хребтовой частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: да будет
Столь же, Эвмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков.

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
— Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает
Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно.

С сими словами он первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею,
Градорушителю, подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Мезавлий, который в то время, как в Трое
Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласья царицы, без спроса с Лаэртом
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
Хлеб со стола был проворным Мезавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.

Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую: ибо о нем он с великим радушием пекся):
— Слушай, Эвмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать — вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: оно и умнейшего громко
Петь и безмерно смеяться и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал, и должен докончить
О! для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы сидели однажды в засаде!
Были Атрид Менелай с Одиссеем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашенью;
К твердовысоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;

Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;
Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа; порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться.
Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был завсегда и на умный совет и на храброе дело.
Шопотом на ухо мне отвечал он: молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахеян, товарищей наших, здесь спящих, подслушать.
Так отвечав мне привстал он и, голову локтем подперши,
Братья, сказал: мне приснился божественный сон; мы далёко,
Слишком далёко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил.
Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;
Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной денницы.
О! для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно тогда бы и мантию дали твои свинопасы
Мне — из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?

Страннику так отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
— Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней и на пользу рассказ твой
Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;
Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно; он его до износа
С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердцем желанную землю им будешь отправлен.

Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;
Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглися кругом. Но Эвмей, разлучиться
С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле итти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой
Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прибытие Телемака к Эвмею

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемака с возлюбленным сыном
Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Пизистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.

Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
— Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Эвримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел, и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твое там похитить добро: ты довольно
Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда

Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,
Злую погибель тебе иа возвратном пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленьи,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому брегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,
Главному там над свиными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился.

Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемак Пизистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися,
Несторов сын, Пизистрат; и коней громозвучно-копытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам.

Несторов сын благородный ответствовал так Телемаку:
— Сын Одиссеев, хотя и спешишь ты отъездом, но в путь нам
Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно при том подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно.

Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего видя, поспешно
Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он.

Сын Одиссеев, подобный богам Телемак благородный:
— Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует.

Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
— Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людям скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.
Но подожди, Телемак, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб так же рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу —
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощеньи, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитый треножник, иль чашу, иль крепких
Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный. Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
Должно прямым мне скорей возвратиться путем, — без надзора
Дом и богатства мои, отправляяся в путь, я оставил;
Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда, иль похитится что дорогое.

Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе,
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэтов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить: и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапендом;

Вшед в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства.
Выбрал Атрид там двуярусный кубок, потом Мегапенду
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать, и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала: было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаку навстречу
Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: благородный
Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Иры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь.

С сими словами вручил Телемаку двуярусный кубок
Сын благородный Атреев; кратеру работы Ифеста
Подал, пришедши, ему Мегапенд, Менелаев могучий
Сын, сребролитную; светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный.

Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Пизистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса

Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэтов;
Кубки златые наполнил вином Мегапенд многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын, Пизистрат, привязали
К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
— Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражалися в Трое, ахейцы.

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
— Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О! когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Также сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных.

Кончил. И в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого, домашнего, белого гуся
В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня
С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
Несторов сын, Пизистрат благородный, сказал Менелаю:
— Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменье это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?

Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Пизистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
— Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился

Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома; он смерть женихам неизбежную в мыслях готовит.

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Если то Иры супруг, громоносный Кронион позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться.

Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орзилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Пизистрату, к нему обратяся:
— Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних
Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться
Там, чтоб отец твой меня в изъявленье любви не принудил
В доме промедлить своем — возвратиться безмерно спешу я.

Так он сказал; Пизистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемака.
После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
— Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он

Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит, и отсюда
Верно один не воротится, так он упорствовать будет.

Кончив, бичом он погнал длинногривых коней и помчался
В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратяся, сказал Телемак благородный:
— Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой.

То повеление было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.

Тою порой Телемак приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;
Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;
Был он потом принужден убежать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем, как в Филаковом доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эринний.
Керы однако избегнул и громкомычащих коров он
В Пилос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою
Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.
В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оиклеевым Амфиарей, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.

Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарея; но он в Гиперезию жить, раздраженный
Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.

Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаку, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившися, бросил крылатое слово:
— Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя и твоим божеством и твоей головою,
Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?

Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать:
Я из Итаки; отцом же моим Одиссей богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая.

Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
— Странствую так же и я — знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском:
Гибель и мстящую Керу от них опасаяся встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой.

Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно,
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят.

Так он сказал, и, копье медноострое взяв у пришельца,
Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,

Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносоленой
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
Круно и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Фею корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.
Острые тут острова Телемак в отдаленьи увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там, иль спасется.

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
Сердце Эвмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним, иль его отошлет неприязненно в город):
— Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город итти, чтоб сбирать подаянье
Там от людей, и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и конечно
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;
В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
Людям успех, красоту и великую славу дарует;
Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья

Пищи колоть, и вино подносить и разрезывать мясо,
Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных.

С гневом на то отвечал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
— Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город сбираясь итти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:
Там не тебе, друг, чета, им рабы подчиненные служат;
Нет! но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец, — такие
Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там
Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься
Лучше у нас. Никому ты конечно меж нами не будешь
В тягость, ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердцем желанную землю отправлен.

Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртов: да будешь
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок
Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.
Здесь я охотно дождусь Телемака; а ты расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было —
Если еще Гелиосовым блеском они веселятся;
Или уж нет их и оба они уж в Аидовом доме?

Сыну Лаэртову так отвечал свинопас богоравный:
— Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая;
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;
Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых

Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Ктименой,
Самою младшею между другими, воспитан; я с нею
Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,
Также для ног получил и сандалии; после, царица
В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро однако успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
Мне не бывает, ни словом ни делом, с тех пор, как вломились
В дом наш грабители; нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее, и за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Чудно! так в детстве еще ты, Эвмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?

— Друг, отвечал свинопас богоравный, людей повелитель.
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно:
Слушай, в молчании сладкодушистым вином утешаясь;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.
Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей денницы на паству

В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
Память минувших печалей веселым о них разговором
В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.

Есть (вероятно ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
Он необильно людьми населен, но удобен для жизни.
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.
Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктезий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
Мыла она, не вдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался — любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.

Дом указав своего господина, она отвечала:
— Я уроженица меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибас знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы, схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену.

Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
— Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами: опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме; они же, мы ведаем, живы и славны богатством.

Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялися в отчизну меня отвести без обиды.

Так отвечала рабыня: и те поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
К ним обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
— Будем теперь осторожны; молчите; из вас ни который
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.
Скуйте ж язык свой, окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадется, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетным;
Мальчик смышленый; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка.

Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.
Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча,
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
Из дому, за руки взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
(Были в то время они на совете в собраньи народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размысля.
Солнце тем временем село и все потемнели дороги.

Пристани славной, поспешно идя, наконец, мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский.

Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и нощно мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою
Курицей — рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел.

Выслушав повесть, Эвмею сказал Одиссей богоравный:
— Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем однако и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой, и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та — без приюта брожу меж людей земнородных.

Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у брега,
Снасти убрав, Телемаковы спутники мачту спустили,
Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у брега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
— В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов, и порядком
Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся.
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю.

Феоклимен богоравный тогда вопросил Телемака:
— Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
Жителю горносуровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?

— Феоклимен, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Эвримах благородный, Полибия умного сын; на него же
Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
Он без сомнения лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено — брак иль погибель?

Кончил. И в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртовым внуком и судном его быстроходным.

Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемака,
За руку взял, и по имени назвал, и шопотом молвил:
— Знай, Телемак, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственней вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится.

Феоклимену ответствовал сын Одиссеев разумный:
— Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг, и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться. Потом он сказал, обратяся к Пирею:
— Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный;
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам

Выслушав, так отвечал Телемаку Пирей копьевержец:
— Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит.

Кончил Пирей, и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемак благородный.
Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Узнание Одиссея Телемаком

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаку
Бросились дружно навстречу Эвмеевы злые собаки;
Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Эвмею:
— Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу.

Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленьи вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светлопурпурным вином. К своему господину навстречу
Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который незапно явился ему через двадцать
Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго
Жданный в печали — с такой свинопас Телемака любовью,
Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
— Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемак, возвратился? Тебя я,
В Пилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне

Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доныне
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе непротивно
Видеть, как в доме твоем без стыда женихи бунтовали.

Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
— Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Эвмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа, иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
В спальной стоит одиноко, покрытое злой паутиной?

Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
— Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.

Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемак, через гладкий порог перешедши,
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемак же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: не трудися,
Странник, сиди; для меня уж конечно найдется местечко
Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин.

Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Эвмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный,
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
Гостем поставил усердный Эвмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес и наполнил до самого края
Вкусномедвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемак богоравный: отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он.

Так отвечал Телемаку Эвмей, свинопас богоравный:
— Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетнл и немало
Странствовал; так для него уж судьбиною соткано было.
Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай, что хочешь: твоей он защите себя поверяет.

Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
— Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю и красивый хитон и подошвы
Ноги обуть; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердцем желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.
В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число так велико.

Царь Одиссей хитроумный ответствовал так Телемаку:
— Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно —
Милым я сердцем жестоко досадую, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя;
Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Иль, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый, при общем великом раздоре?

Если б имел я и свежую младость твою и отважность —
Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) —
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея Лаэртова сына, чтобы выгнать оттуда
Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть,
Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделениям гнусным в обителях царских,
Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля.

— Добрый наш гость, отвечал рассудительный сын Одиссеев:
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет! ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркезий;
Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно
Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, то в лоне бессмертных
Скрыто. Теперь побеги ты, Эвмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают.

Так Телемаку сказал ты, Эвмей, свинопас богоравный:
— Знаю, все знаю, и все мне понятно; и все, что велишь ты,

Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
Бедный старик! он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
В поле никто не встречает, но, охая тяжко и плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышущий, — кожа да кости.

Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
— Жаль! но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданою старца.

Кончив, велел он итти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Эвмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младою, прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаку ж
Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
— Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаку;
Оба, условяся, как женихам приготовить их гибель,
Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно.

Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись

Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.

В хижину снова вступил Одиссей; Телемак, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
В страхе к отцу обратяся, он бросил крылатое слово:
— Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
Здесь с экатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй.

Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
— Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая.

Кончив, с любовию сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза — удержать он ее был не в силах.
Но — что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя —
Снова, ему возражая, сказал Телемак богоравный:
— Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом; может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопрятно одетый; теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Нет, Телемак, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Так же и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей всё; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,

Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным.

Так он ответствовав, сел; Телемак в несказанном волненьи
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемак, обратясь к Одиссею:
— Как же, отец, на каком корабле ты, какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.

Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
— Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;
Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то, по воле бессмертных, здесь спрятано в гроте глубоком).
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они, и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть, иль другие помощники нужны?

Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак благородный:
— Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий —
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.
Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать; гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;

Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медон и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?

Сыну ответствовал так Одиссей в испытаниях твердый:
— Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?

Кончил. Ему отвечая, сказал Телемак богоравный:
— Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда они в облаках обитают; но оба не нам лишь
Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны.

Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
— Оба они не останутся долго от нас в отдаленьи
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.
Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Эвмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери,
Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен.
Можешь конечно сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово; тебя не послушают; будет напрасно
Всё: предназначенный день их погибели близко; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь;
Я, в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея

Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: в палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо.
Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападенье начнем; женихам же конечно
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если ты вправду мой сын и от крови моей происходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращеньи не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Эвмей свинопас, ни служитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
Ты лишь да я — наблюдать за рабынями нашими будем;
Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ими тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести.

Так, возражая отцу, отвечал Телемак многославный:
— Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты конечно.
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всех их,
Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса.

Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемака носивший

В Пилос с дружиной, приблизился к брегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратяся,
В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб, о сыне отсутственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемаком был послан.
К дому царя многославного оба пришли напоследок.

Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
— Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица.
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемак повелел рассказать, прошептал осторожно.
Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.

Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
Так говорить им тогда Эвримах, сын Полибиев, начал:
— Горе нам! дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемак; от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться.

Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к брегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратяся
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: не трудитесь
Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно их бог надоумил какой, иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели,

Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами;
Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому восседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Эвпейтов надменный, сказал им:
— Горе! бессмертные сами его от беды сохранили!
Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
По морю плавали взад и вперед до восхода денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде — пока он народа не созвал на помощь —
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
Тайного нашего замысла верно народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой, и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем —
То пировать нам попрежнему, в доме его собираясь,
Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратяся,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней.

Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Низов блистательный сын от Аретовой царственной крови;

Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный:
— Нет! Посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно безбожное дело;
Прежде богов вопросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь.

Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместилися гладких.

Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемака;
Все благородный глашатай Медон ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
— Злой козноденй, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший — так здесь в Итаке
Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешеный! что побуждает тебя Телемаку готовить
Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.
Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, устрашенный
Гневом народа, который гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце, и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебе и другим в осторожность.

Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
— О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемака.
Нет! и покуда я жив и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль — скажу перед всеми, и верно
Сбудется слово мое — обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
Вот почему и всех боле людей я люблю Телемака.
Нет! никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно.

Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратяся, там в светлых покоях
Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Эвмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде однако,
Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила попрежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Эвмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
Встретив его на пороге, сказал Телемак: наконец, ты,
Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видел, что слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?

Так, отвечая, сказал Телемаку Эвмей благородный:
— Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился — первый он все объявил Пенелопе;
Только одно расскажу я, что видел своими глазами:

К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;
Это они, я подумал; но правда ли? Знать мне не можно.

Так он сказал. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Эвмею.

Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Возвращение Телемака в Итаку

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемак благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
— В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она безутешная будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Эвмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле; там каждый дает нам, что хочет.
Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно, тело насквозь проницает
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко.

Так отвечал Одиссей. Телемак благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через каменный двери порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Эвриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
Слез облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла, и с любовию нежной
Светлые очи и руки и голову стала, рыдая
Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
— Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал.

Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Милая мать, не печаль мне души, и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести экатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;
В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля.

Так говорил он, и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести экатомбу,
Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.

Тою порой Телемак из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;

Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего видя.
Все вкруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Галифердом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.
Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемак без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
— В дом мой пошли, Телемак благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида.

Так отвечая Пирею, сказал Телемак богоравный:
— Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их, те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера —
Все мне веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты.

Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
В дом свой; и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двустворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,

Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
— Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постеле, печально перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей — ты, я вижу, не хочешь.
Прежде, чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратится ль он, жив ли?

— Милая мать, отвечал рассудительный сын Одиссеев,
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно устроенном принял жилище.
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;
Жив ли, скитается ль где на земле, иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.
Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
— О безрассудные! мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить, и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина!
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном —
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам —
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,

Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсы, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он.

Кончил рассказ Телемак; взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме, иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаку.

Феоклимену разумная так отвечала царица:
— Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится
Будешь от нас угощен ты, как друг, и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться.

Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.
Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медон; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
— Юноши, он им сказал: вы играли довольно; войдите
В дом и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что во время пища нам вдвое вкуснее.

Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
В город итти с Одиссеем Эвмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал, наконец, обратяся к Лаэртову сыну:
— Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой — сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанье боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
Время однако итти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться; дорога столь трудная — слышно — что шею
Можно сломить. Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
Дал ему в руки Эвмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.

Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен был он рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им — сын Долионов Мелантий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,

В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце:
— Подлинно здесь негодяй негодяя ведет — говорил он —
Права пословица: ровного с ровным бессмертные сводят.
Ты свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;
Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол; и, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляшку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его, иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Эвмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
— Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его к нам проводит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
Ты, как шальной, по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя.

Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал свинопасу:
— Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя как товар в корабле чернобоком отсюда
Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемака

Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья

Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Эвримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Эвмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалося и пение. Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнул:
— Друг, мы конечно пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощеный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком — в них ворваться насильно никто не помыслит.
Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной.

Так отвечал Одиссею Эвмей, свинопас богоравный:
— Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде однако должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты однако не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался,
Или в тебя не швырнул чем — я так говорю в осторожность.

Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
— Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один; я покуда останусь здесь; я довольно
В жизни тревожной ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключающий смертным

Людям; ему в угожденье и крепко ребристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам.

Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Эвмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
— Странное дело, Эвмей; там на куче навозной собаку
Вижу; прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди.

Так, отвечая, сказал ты, Эвмей, свинопас, Одиссею:
— Эта собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил — ее быстроте и отважности верно б
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет.

Кончил, и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.

В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Меры.

Прежде других Телемак богоравный Эвмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.
Эту скамью пододвинув к столу Телемакову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
Мяса вареного часть им, и хлеб, из корзины им взятый.

Вслед за Эвмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по снуру обтесавши).
Тут свинопасу Эвмею сказал Телемак, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: отнеси ты
Это, Эвмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья — стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично.

Так он сказал, и Эвмей, повинуясь, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
— Это прислал Телемак; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья — стыдливым
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаку,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!

Так он сказал, и, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул —

Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вкруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.
С жалостным сердцем они на него в изумленьи смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Мелантий, сказал им:
— Слушайте, вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Эвмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он.

Так он сказал. Антиной на Эвмея с досадою крикнул:
— Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Видно, еще для тебя недовольно, что все здесь запасы
Тратят они — и еще одного ты привел к нам обжору.

Так, возражая, Эвмей свинопас отвечал Антиною:
— Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом —
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;
Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемаком, моим господином.

Кротко Эвмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Полно, Эвмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно.

Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
— Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих — но будет ли Дий тем доволен?
Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник.

Кончил. И гневно ему возразил Антиной, сын Эвпейтов:
— Что ты сказал, Телемак, необузданный, гордоречивый?
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он —
Верно сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал.

Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
— Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым.
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом;
Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, я охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — была без сомненья святая
Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта

Бросились, начали жен похищать и детей малолетных,
Зверски мужей убивая — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Кипра, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Язона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имев на пути злоключений.

Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Эвпейтов:
— Верно нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров; отойди от стола моего; на средине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попалось
Под руки каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
Прочь. От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный;
— Горе! так видно с лицом у тебя твой рассудок несходен;
В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждаяся, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен.

Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
— Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда.

Тут он скамейку швырнул — и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный.
Жадный и множество бед приключающий людям желудок.
Если же боги и мщенье Эринний живут и для бедных —
Смерть, Антиной, а не брак вожделенный ты встретишь, обидчик.

Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
— Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами
Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол.

Кончил. Угрозы его не одобрил никто: негодуя,
Так говорили иные из юношей дерзконадменных:
— Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
Боги нередко, облекшися в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду.

Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемак сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.

Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
— О! когда бы его поразил Аполлон сребролукий!

Ей Эвринома, разумная ключница, так отвечала:
— Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой денницы из них ни один бы не встретил.

Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
— Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;
Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою —
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил.

Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях
Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
— Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слыхал ли
Он о супруге моем, и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много видавшим.

Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
— Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.
Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
Скудно мирским подаяньем питаясь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращаяся в дом свой с великим богатством.

Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
— Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
Всё мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков и баранов и коз откормленных резать,
Жрать до упада и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разорятся, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
С сыном своим он отмстит им за все. Так царица сказала.

В это мгновенье чихнул Телемак и так сильно, что в целом
Доме как гром раздалось; засмеявшись, Эвмею, поспешно

Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
— Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнул Телемак; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
Мантию дам я ему и хитон и красивую обувь.

Кончила. Ей повинуясь, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
— Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утешишь,
Мантию ты и хитон и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь сбирать от людей — там подаст, кто захочет.

Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Эвмею:
— Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно, и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой —
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо — то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил.

Так он сказал; и Эвмей, повинусь, пошел к Пенелопе;
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
— Он не с тобою, Эвмей? Для чего же притти не хотел он,
Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете.

Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
— Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, боясь,
Просит тебя терпеливо дождаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь.

Выслушав, умная так отвечала Эвмею царица:
— Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает;
и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных неможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконноразвратных.

Так отвечала Эвмею она. Свинопас богоравный,
Все передав ей, пошел к женихам; с Телемаком в столовой
Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шопотом в ухо ему, чтоб его не слыхали другие:
— Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!

Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньею.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать.

Так отвечал Телемак. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кулачный бой Одиссея с Иром

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем, и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством,
и пьянством;
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденьи), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему раздраженный крылатое слово:
— Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
— Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Здесь на пороге мы можем просторно сидеть; нам не нужно
Спор заводить. Ты, я вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.
Воли однако рукам не давай; не советую: стар я;
Но, рассердяся, и грудь у тебя разобью я и губы
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына.

Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
— Он же, прожора, и умничать вздумал! не хуже стряпухи
Старой лепечет! постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье;
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее

Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То приметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратяся, воскликнул: друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случалось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и конечно уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их.

Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
— Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим сбирать здесь столовые крохи вперед не дозволим.

Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
— В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.
Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет.

Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемак богоравный:

— Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь:
кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.
Я здесь хозяин, защитник гостей, и конечно со мною
Будут теперь заодно Антиной, Эвримах и другие.

Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртов
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляшки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиловатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
— Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!

Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
— Лучше тебе хвастуну умереть иль совсем не родиться
Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,
Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.
Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье.

Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась

Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками,
Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртов,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему полумертвому в руку и гневное бросил
Слово: сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда. Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
— Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболе теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.

Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлеба
Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
— Радуйся, добрый отец иноземец! теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье
Боги! Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Низ, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:
Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит;

Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиреньи напротив дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Во́-время в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.
Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю.

Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемакова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.

Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
Так, улыбнуться уста приневолив, она Эвриноме,
Ключнице старой, сказала: хочу я — чего не входило
Прежде мне в ум — женихам ненавистным моим показаться;
Также хочу и совет там подать Телемаку, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но не добрые мысли в уме их.

Ей Эвринома, усердная ключница, так отвечала:
— То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.

Прежде однако омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом безобразным от плача
К ним выходить: красота увядает от скорби всегдашней.
Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги
Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа.

Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
— Нет, никогда, Эвринома, для них ненавистных не буду
Я омываться и щек натирать благовонным елеем.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно.

Так говорила царица. Поспешно пошла Эвринома
Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.

Умная мысль родилася тут в сердце Афины Паллады:
Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло;
В креслах она неподвижно сидела; и ей усыпленной
Всё, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и сладостно-томной с харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
— Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О! если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеян славнейший.

Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,

В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:
— Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском
Был ты умней и приличие всякое более ведал.
Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
Где же однако твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть, и ругаться им станет
Всякой — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты.

Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
— Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководца
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством
Было устроено: высшая здесь обнаружилась воля.
Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина!
Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!
Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан.

Так про себя говорили они, от других в отдаленьи.
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Эвримах благородный:

— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Если б могли все ахейцы Язийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралося
В доме твоем пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой и возвышенным станом и разумом светлым.

Так говорил Эвримах. Пенелопа ему отвечала:
— Нет, Эвримах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощаньи:
Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахеян
Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают; в стрелянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне,
Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь. На прощаньи
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились

Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,

Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Эвпейтов надменный:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Всякой подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа.
Так говорил Антиной; согласилися все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь,
держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Эвримаху.
Серьги — из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая — подал проворный слуга Эвридаму;
Был молодому Пизандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.

Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь
в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился.

Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланто,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства, и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Эвримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
— Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приютней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет!
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный.
— Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части болтунью тебя искрошить он прикажет.

Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.

Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзкообидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Эвримах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
— Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость без сомнения демоном послан, чтоб было
Нам за трепезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плеши его, на которой нет волоса боле.

Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
— Странник, ты верно поденщиком будешь согласен наняться,
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаясь;
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Если б с тобой, Эвримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе одинаково острой обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травою, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работящих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы
Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс, и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженьи меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Эвримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б однако, нежданный никем, Одиссей вам явился —
Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась.

Он замолчал. Эвримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
— Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга;
Дерзок в присутствии знатных господ и не робок душой ты;
Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд — берегися, однако.

— Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый навзничь, упал, застонавши.
Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате:
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
— Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незваный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;
Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?

К ним обратилась тогда Телемакова сила святая:
— Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду.

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Низов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
— Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлися.
Странника ж здесь ночевать в Одисеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаку; он гость Телемакова дома.

Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Беседа Одиссея с Пенелопой. Омовение ног

Все разошлися; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемак; и сказал он, к нему обратяся: мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынесть отсюда.
Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: в палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Также и высшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая:
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится —
Само собой прилипает к руке роковое железо.

Так он сказал. Телемак, повинуясь родителя воле,
Кликнул старушку, усердную няню свою Эвриклею:
— Няня, сказал он, смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверх не отнес я отцовых оружий;
Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доныне ребенок бессмысленный был, но теперь я
Знаю, что должно отнесть их туда, где не может их портить
Копоть. Сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
— Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Этот старик; не трудяся, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен.

Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула.
Тотчас она. Одиссей с Телемаком тогда принялися
Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
Длинными копья наверх выносить; и Афина Паллада
Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.
Тем изумленный, сказал Телемак Одиссею: родитель,
В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
Все потолка перекладины, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их.
Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно.

Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;
Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила.

Так он сказал. Телемак из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
Где по ночам миротворному сну предавался обычно.
В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданьи денницы
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.

Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко широкой покрыт был овчиной
Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали все убирать там столы с недоеденным хлебом,

Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата, и был в ней
Свет. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
— Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь, как стень, чтоб подметить, что в доме служанки
Делают. Вон! говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
— Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем безотрадно бродящим скитальцам
В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего; чем роскошно
Люди живут, и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссеев, младой Телемак, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел.

Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
Речь обратила свою раздраженная к дерзкой служанке:
— Ты, как собака, бесстыдница, злишься: меня ж не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?

Тут, обратясь к Эвриноме, сказала она: Эвринома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;

Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел и свои нам
Все рассказал приключенья и мне отвечал на вопросы.

Так говорила она. Эвринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
Так, обратяся к нему, начала говорить Пенелопа:
— Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать?
Где родился?

Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
— О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный, и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь и ячмень и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях, и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей и семьи и семейного дома:
Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я не мало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми предаваться слезам неприлично.
Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может притом и на мысли притти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят.

Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
— Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечносветлой Итаки
Нудят упорно ко браку меня, и наш дом разоряют;

Мне ж не по сердцу никто; ни просящий защиты, ни странник,
Ниже глашатай, служитель народа; один есть, желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
Тонкоширокую ткань и, собрав женихов, им сказала:
— Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова
Так я сказала. Они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели —
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит; меня все родные
Нудят к замужству; и сын огорчается, видя, как дом наш
Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж, верно, не отросль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса.

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный как я, меж людей земнородных
Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Гноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,
Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малеи застигнутый бурей,
В устье Амизия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Элефийской, богами спасенный.
К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и сопутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:
В море итти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они. — Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; так тает
Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром —
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее —
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем супруге
Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем

(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав, и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытяся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
— Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом, и кто с ним сопутники были?

Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
— Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица;
уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталося в памяти, вам расскажу я:
В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную,
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой, и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же — заметь ты — не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный, как гость? Одиссея любили
Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощаньи,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами
Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
Звали его Эврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен.

Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
— Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела —
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я
В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних брегов недалекой.

Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков — все погибли в волнах святотатцы
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало
Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом тонком рассудке —
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который

После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствии долгом, в отчизну, в желанннную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
Жив он, ты видишь сама; и конечно здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных.
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой. Ему отвечая, сказала царица:
— Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты, как друг, и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! и сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощаньи даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной денницы.
Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемаком
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно; ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш

Сесть допущу? Не надолго нам жизнь достается на свете.
Кто здесь и сам без любви и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают.

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постеле.
Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжкой
Я, ожидая пришествия златопрестольной денницы;
Так же и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю.

Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
— Странник, немало до сих пор гостей к нам из ближних, из дальних
Стран приходило — умней же тебя никого не случалось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним злополучным ходила она; он был ею
Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнию трудной: в несчастии люди стареются скоро.

Так говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
— Свет мой, дитя мое милое! где ты? За что же Кронион

Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоиграгелем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал, и ему экатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; за то и не хочешь им дерзким позволить
Ноги омыть у тебя. То однако порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен. Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
— Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слыхал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь.

Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Эвриклея; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнассе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением — Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.

Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.

Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Эвриклея. Она тут сказала:
— Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил. То приняв предложенье, сказал он
Зятю и дочери: вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираяся, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: сердитый.
Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнассе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком.

Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладколаскательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи и руки и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши на части,
Мясо они разрубили, и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом, весь день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнассу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.

Страшноогромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких; в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опадших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено с боку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.
Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.

Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему, и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнассе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.

Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленьи; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
— Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!

Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратяся глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: ни слова! меня ты погубишь!
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
Лет. Но — уж если твои для узнания тайны открылись
Очи — молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе слушай — и то, что услышишь, исполнится верно —
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится.

Сыну Лаэртову, так отвечая, сказала старушка:
— Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постоянней, чем камень, целей, чем железо;
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных.

Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
— Нет, Эвриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное.
Так говорил Одиссей. И поспешно пошла Эвриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол
Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища
скрыл он.

Умная так, обратяся к нему, Пенелопа сказала:
— Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.

Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон:
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
Ночью ж, когда все утихнет, и все вкруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой
Мучась, в бессонице тяжкой сижу на постеле и плачу.
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос:
Плача, Итилоса милого, сына Цетосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я и не знаю, что выбрать —
С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достояньем,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог, и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей.
Видеть люблю, как они, на воде, полоскаясь, играют.
Снилося мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала, и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
— Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель.
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;

Я осмотрелась кругом; на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу.

Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
— Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
Все; ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.

Так отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
— Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякой сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил бывало жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться.

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкий
Лук, тетивою натянет его и сквозь кольца прострелит.

Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
— Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне: но вовсе без сна оставаться нам слабым
Смертным не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время однако наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
Там на постеле, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь.

Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх — не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Перед умерщвлением женихов

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Эвриклея одела.

Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать —
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, ощенившись
Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
— Сердце, смирись: ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа. в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих — и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас погибавших открыло.

Так усмирял он себя, обращаяся к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.

Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсюду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем неприжженный
Так на постеле ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приближась, богиня сказала:
— Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?
Сын же таков твой, что всякой ему бы отцом захотел быть.

Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
— Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко
(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я—
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Ты, маловерный! Надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных —
Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало
Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить — при них же
Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.
Спи, ни о чем не тревожась; несносно лежать на постеле,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.

С сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель
Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
Села бессонная в горьких слезах на постеле; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно
Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:

— О Артемида, богиня великая, дочь громовержца.
Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася в край тот,
Где начинает свой путь Океан, круговратно бегущий!
Были ж Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у них; сиротами остались
В доме семейном они; Афродита богиня питала
Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;
Ира дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила; Афина их всем научила искусствам.
Но, когда на высокий Олимп вознеслась Китерея,
Там умолять, чтоб супружества счастие дал непорочным
Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
Благо и зло земнородным по воле своей посылает —
Гнусные Гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эринний, чудовищам в рабство. О! если б
Так и меня Олимпийские боги с земли во мгновенье
Сбросили! если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаемся — мы всё забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;
Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сон — и проснулась.

Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.
Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
— Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,

Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй.

Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звезднобестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.

Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): Зевс, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая — да нынешним кончатся все здесь пиры их!

Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.

Тут Одиссеева дома рабыни сошлися из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;
Так он вступил на порог и сказал, обратясь к Эвриклее:
— Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит.

Так говорил Телемак. Эвриклея ему отвечала:
— Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь:

С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постеле,
Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.
Он же напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постеле, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в сенях; я покрыла его одеялом.

Так Эвриклея сказала. Тогда Телемак из палаты
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собранья ахеян, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
— Все на работу! одни за метлы; и проворнее выместь
Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестропурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив
Ранее все соберутся; мы праздник готовим великий.

Так Эвриклея сказала. Ее повинуяся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слуг женихи; за работу принявшись,
Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Эвмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.
Сам же Эвмей, подошед к Одиссею, спросил дружелюбно:
— Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаковы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Добрый Эвмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!

Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Мелантий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город пригнал он гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаяся, дерзкий Мелантий:
— Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;
Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды.

Кончил. Ему Одиссей ничего не ответствовал, только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филотий;
Коз он отборных привел с нетелившейся жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филотий оставил в сенях многозвучных;
Сам же, приближась к Эвмею, спросил у него дружелюбно:
— Кто чужеземец, тобою недавно, Эвмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко.
Но и могучим царям испытанья они посылают.

Тут к Одиссею приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
— Радуйся, добрый отец чужеземец: теперь нищетою
Ты удручен — но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет сostраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодушный, великий мой царь! над стадами коров ты

Здесь в стороне Кефаленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
Доме; богов наказанье не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится;
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу — но верится все мне еще, что воротится в дом свой
Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною здешней трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он.

Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филотий:
Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь.

Тут и Эвмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

Так говорили о многом они, от других в отдаленьи.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:

— Замысел наш умертвить Телемака, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире.

Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли, и когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филотий
Хлебы разнес; а Мелантий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.

Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемак поместиться; подвинув
К ней небольшую простую скамейку и низенький столик,
Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
— Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшася; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора.

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул:
— Как ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь успокоили — стал он теперь говорун нестерпимый.

Кончил. Но слово его Телемак без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.

Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части, и начали пир многославный. Особо

Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемаком разумным.

Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзкообидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктезиппом.
Был он несметно богат, и, гордяся богатством, замыслил
Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратяся, сказал им Ктезипп многобуйный.
— Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик — и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаковых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне, иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих.

Туг он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову в бок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктезиппа, сказал Телемак раздраженный:
— Будь благодарен Зевесу, Ктезипп, что удар не коснулся
Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов и коз и вина и богатых
Наших запасов — я с целой толпою один не управлюсь;
Новых обид мне однако я вам не советую делать;
Если ж намеренье ваше меня умертвить, то конечно
Будет пристойней, чтоб в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там чем зрителем был беззаконных поступков и видел,

Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вожделеньям в священных обителях царских.

Так он сказал. Все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
— Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаку и матери светлой его дружелюбно
Добрый и верно самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
Было доныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака незапно в свой дом Одиссей возвратиться);
Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемак благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет.

Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было, жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что напротив
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее поневоле
Я и помыслить не смею — то Зевсу не будет угодно.

Так говорил Телемак. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжкой заныло тоскою;

Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
— Вы, злополучные, горе вам! горе! невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.

Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
Кровь; привиденьями, в бездну Эрева бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком.

Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Эвримах, сын Полибиев, начал:
— Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате.

Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Эвримаху:
— Нет, Эвримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих.

Так он сказал и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.

Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемака дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:
— Друг Телемак, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу негодный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемак многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги.

Так говорили они. Телемак, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.

В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь Пенелопа;

Было ей слышно все то, что в собраньи гостей говорилось
Весел беспечно и жив разговором и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда и нигде и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозной
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Предложение лука

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрелянию в цель их и тем приготовить им гибель.
Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Эврита сыном. Они же
Встретились прежде друг с другом в Мессине, где нужно обоим
Дом посетить Орсилоха разумного было. В Мессине
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессинцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
Триста быков круторогих разбойничье судно украло.
Их Одиссей там отыскивал; юноша свежести полный
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу коней и двенадцать
Добрых жеребых кобыл и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Иираклу, свершителю подвигов чудных, пришел он —

В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Иракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессину за ними пришед, Одиссея там встретил.
Эвритов лук он ему подарил; умирая, великий
Эврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог; прекратил сын Зевесов, Иракл беспощадный,
Жизнь блогородному Ифиту, Эврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.

Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил, и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на́ луг
Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.
Влезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колени свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала и долго,
Долго рыдала она; напоследок насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;

Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
— Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться.

С сими словами велела она свинопасу Эвмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;
Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филотий.
К ним обратяся обоим, сказал Антиной, негодуя:
— Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь однако
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным.

Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первою жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.

Тут, к женихам обратясь, им сказал Телемак богоравный:
— Горе! конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!

Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
Дом мой покинуть; а я, тем довольный смеюсь, как безумец
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой Ахейской земле вы такой не найдете невесты —
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микинах, иль в нашей Итаке, иль там на пространстве
Черной земли матерой — но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будут сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея.

Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал, и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уровняв, утвердил;142основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемак у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условью кивнул головой; отложивши
Труд, обратился к отцу и сказал Телемак богоравный:
— Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнее; пусть каждый
Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг.

Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.

Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Эвпейтов, сказал им:
— С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают.

Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Эйнопов;
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
— Нет! не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И конечно желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытав Одиссев и силу над ним утомивши,
С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней.

Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
— Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его неспособен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты без сомненья рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов без сомненья способней
Сладить с ним. Кончил. Потом, козовода Мелантия кликнув,
Слушай, Мелантий, сказал, здесь огонь ты разложишь; к огню же

Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев; тогда он удобней натянут быть может.

Так он сказал. И Мелантий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них никоторый
Лука не мог и немного погнуть — несказанно был туг он.

Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Эвримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшися, из дома вместе
Вышли Эвмей свинопас и коровник Филотий; за ними
Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласковосладкую речь обратил к ним:
— Верные слуги, Эвмей и Филотий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне всё, что велит вам рассудок и сердце.

Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филотий:
— Царь наш Зевес, о! когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден

Тут и Эвмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
— Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей.
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья

Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
Дам и построю вам домы вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемаком.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнассе.

Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи и руки и ноги его целовали.
Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: отрите
Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.
Ты же, Филотий, возьми ворота на свое попеченье;
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку.

Так говорил Одиссей им. Он в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
После явились один за другим свинопас и Филотий.

Лук Одиссеев держал Эвримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
— Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:
Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься —
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятой, и в разных других областях кефаленских.
Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненьи —
Так что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
Лука его — то стыдом нас покроет и в позднем потомстве.

Но Антиной, сын Эвпейтов, воскликнул, ему возражая:
— Нет, Эвримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сегодня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;
Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.
Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Мелантий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону
Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно.

Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Тут для умытия рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.

Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
— Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце
Вот вам — тебе, Эвримах, и тебе Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие — добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;
Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне

Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен.

Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Эвпейтов:
— Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякий, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им
Некогда Эвритион, многославный кентавр, обезумлен.
В дом Пиритоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пиритоевом доме.
Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы
Силой его утащили на двор, и нещадною медью
Уши и нос обрубили они у него; и, рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.
Злая зажглась от того у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злому Эхету царю, всех людей истребителю сослан;
Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей, и на старости силой не спорь с молодыми.

Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
— Нет, Антиной, непохвально б весьма и неправедно было,
Если б гостей Телемаковых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это конечно ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердца — ни вздумать того, ни на деле исполнить неможно,

Тут Эвримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
— О многоумная старца Икария дочь Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он — это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он. Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый.

Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
— Нет, Эвримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет:
Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук, и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему и красивый хитон и подошвы
Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный;
После и в сердцем желанную землю его я отправлю.

Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать; дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею — никто из живущих в гористой Итаке,
Иль на каком острову, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унесть их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны к работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель.

Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое

Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзконадменных:
— Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу.

Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемак, на него погрозяся, разгневанный крикнул:
— С луком сюда! Ты, Эвмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежалися разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много.

Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Эвмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,
Кликнув усердную няню его, Эвриклею, сказал ей:
— Слушай, тебе повелел Телемак, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ, и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.

Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филотий, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;
Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он

Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
Очи вперив в Одиссея, который в руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Роги, и не было ль что без него в них попорчено червем
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
— Видно, знаток он, и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам, и имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?

— Но — отвечали другие насмешливо первым — удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком.

Так женихи говорили. А он, преисполненный страшных
Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее, и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонкотягучих кишек, без труда напрягает —
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкою правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.

Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил — быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаку, воскликнул стрелец богоравный:
— Видешь, что гость твой тебе, Телемак, не нанес посрамленья.
В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев немного
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.

Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь им приличнейший, лад перестроить.
Так он сказал и бровями повел. Телемак богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копье и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Умерщвление женихов

Рубище сбросив поспешно с себя. Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног, и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
— Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет.

Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя:
Взяв со стола золотую, с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вкруг по стенам обнаженным искали оружий —
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью

Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
— Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван.
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
— А! вы, собаки! вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной погибели все, наконец, вы попали.

Так он сказал им. И были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Эвримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
— Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашних зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемака,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
— Нет, Эвримах — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого —

Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста̀ не омою.
Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти —
Знайте однако, что Керы вас всех на пути переловят.

Так говорил он. У них задрожали колена и сердца.
Тут Эвримах, обратясь к женихам устрашенным, воскликнул:
— Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы.

Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалился наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его наконец потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемак, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемак же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб в это мгновение, с боку напавши,
Кто из ахеян его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:

— Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный шлем принесу я;
Сам же надену и латы; Эвмею с Филотием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Дельно! беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок. Так он сказал. Телемак все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
Прежде однако надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Эвмей и Филотий
Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.

Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истощилися стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.

Там недалеко от главных дверей находилась другая
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы.

Кончил. Мелантий, на то возражая, сказал Агелаю:
— Нет, Агелай благородный, нельзя: потаенные двери

Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном.

Так Агелаю сказав, злоковарный Мелантий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.
К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
— Верно какая из наших рабынь, Телемак, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Мелантий?

Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Горе! мое небреженье причиной всему: я виновник
Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть, и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Эвмей, побеги ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь: служанка ль какая,
Или Мелантий? Я сам на него подозренье имею.

Так говорили о многом они, собеседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Мелантий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Эвмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоем поведенье?

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— С сыном моим Телемаком я здесь женихов многобуйных

Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филотий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
В страшных мученьях пускай там висит ни живой он ни
мертвый

То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филотий; подкравшися, стали
Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Мелантий ступил на порог (нес
прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плеснию щит, в молодые
Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами)
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сам Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.

С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
— Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Мелантий;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
Эос в ее восхождении с вод Океана, и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь.

Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.

К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.

Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
— Ментор, сюда! помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник.

Так говорил он, а внутренно мыслил, что видит Афину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними тогда умертвим и тебя ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;
После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены.

Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афину.
Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
— Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный.

Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу;
Бодрость царя и разумного сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою, сизою ласточкой села.

Тою порой Агелаем, Дамастора сыном отважным,
Демоптолем, Эврином и Пизандр, сын Поликторов бодрый,

С Амфимедоном и умным Полибосом яростно были
В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).

Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
— Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть: и великая будет нам слава,
Если его поразим ненавистного с помощью Зевса;
С прочими ж сладить не трудно, лишь только б сломить Одиссея.

Так он сказал, и, ему повинуясь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в досчатую стену; когда же
Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратяся к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесши.

Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Демоптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемак Эвриада, Филотий Пизандра,
Старый Эвмей свинопас поразил Элатона; и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.

Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в досчатую стену. Однако,
Амфимедон Телемака поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.

Тронул плечо над щитом у Эвмея Ктезипп длинноострой
Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилося в землю.

Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
Эвридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемаком, Полиб — свинопасом;
Метко нацелив копьем медноострым, Филотий Ктезиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
— Сын Полифердов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных; предайся
В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу.
Так говорил криворогих быков сторожитель Филотий.

Тою порой умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Эйвенор был убит Телемаком:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.

Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогтистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц — и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью их залит
Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей и колена
Обнял его и, трепещущий, бросил крылатое слово:
— Ноги целую твои, Одиссей, пощади и помилуй.
В доме твоем ни одной из рабынь, в нем живущих, ни словом
Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я

Многих напротив удерживать здесь от постыдных поступков
Тщился — напрасно! от зла не отвел я их рук святотатных;
Страшною участью все неизбежно постигнуты ныне.
Я же, их жертвогадатель, ни в чем неповинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
— Если ты подлинно жертвогадателем был между ими,
То без сомнения часто в жилище моем ты молился
Дию, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена, чтобы с нею детей ты
Прижил — за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избегнешь. Сказал. И могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвленья
Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
Крикнул он — в крике неконченном с плеч голова покатилась.

Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,
Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный;
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.

Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал и колена
Обнял его и, трепещущий, бросил крылатое слово:
— Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей

В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что напротив
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно.

Так он сказав, возбудил Телемакову силу святую.
Громко отцу закричал Телемак, находившийся близко:
— Стой! не губи неповинного яростной медью, родитель.
С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филотий?
Или он сам злополучный попал под удар твой смертельный?

Так говорил Телемак. И дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаку и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
— Здесь я, душа Телемак; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозномогучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорблявшим безумно.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же остануся в доме и все здесь устрою, что нужно.

Так он сказал. И Медонт с песнопевцем из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
Сели; но всё озирались кругом, опасаясь убийства.

Очи водил вкруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых —
На берег вытащив их из глубокозеленого моря

Неводом мелкопетлистым — рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

К сыну сперва обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
— Должен теперь, Телемак, ты сюда пригласить Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке.

Так говорил Одиссей. Телемак, повинуяся, отпер
Двери, позвал Эвриклею и так ей сказал: Эвриклея,
Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам.

Кончил. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
Вышла она; и старушку повел Телемак к Одиссею.
Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
Потом и кровью покрытый: подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается сытый и тихо из стада —
Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью —
В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрзыган.

Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
Громко хотела воскликнуть, чудясь толь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
— Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил: от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех наконец злополучных постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними.

Так он сказал. Эвриклея старушка ему отвечала:
— Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;

В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц,
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведеньем развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать боги ей сон ниспослали.

Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
— Нет! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтоб рабыни —
Те, на которых ты мне донесла — здесь немедля явились.

Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Эвриклея
Кликнуть рабынь и велеть им итти к своему господину.
Он же, позвав Телемака с Филотием, с старым Эвмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
— Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведеньем развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе меж стеною и житною круглою башней
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть осрамивши развратом мой дом, наказанье
Примут они за союз непозволенный свой с женихами.

Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить, и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по̀ сердцу было рабыням.
Вынесши трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемак, свинопас и Филотий
В зале просторной весь пол, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.

Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней
Всех, и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одиссеев сказал им:
-- Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись.

Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые, или как голуби, в сети
Целою стаей — летя на ногчлег свой — попавшие (в тесных
Петлях трепещут они и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.

Силою вытащен после на двор козовод был Мелантий;
Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекли ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.

Руки и ноги свои, обагренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
Тут Одиссей, обратясь к Эвриклее, сказал ей: немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок.

Так повелел Одиссей. Эвриклея ему отвечала:
— То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично.

Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
— Прежде всего мне огня для куренья подай, Эвриклея.

Волю его исполняя, пошла Эвриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Эвриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок сбирать и немедленно всем им велела
В залу притти; и немедленно. факелы взявши рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Узнание Одиссея Пенелопой

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился,
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшися к спящей, старушка сказала: проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но всё наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы на зло Телемаку.

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
— Друг Эвриклея, знать боги твой ум помутили! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобресть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня. И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Нет, Эвриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила —
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.

Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
— Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались —
Он Одиссей; Телемак о его уж давно возвращеньи
Знал, но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил.

Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась к няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
— Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Эвриклея,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой
Сладил? Они всей толпою всегда собиралися в доме.

Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:
— Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившися в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемак из столовой не вышел
Кликнуть меня; он за мною самим Одиссеем был послан.
Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны: радостно было его мне увидеть.
По̀том и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботяся дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье.

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
— Друг, Эвриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;

Все я однако тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.
Правда была им чужда; никого из людей земнородных —
Знатный ли, низкий ли к ним приходил — уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленьи плачевном погиб он.

Ей Эвриклея разумная так, возражая, сказала:
— Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене: свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;
Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
Рот, он меня, осторожно разумный, принудил к молчанью.
Время однако итти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно.

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
— Трудно тебе, Эвриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну однако с тобою готова итти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их.

С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить, иль, приближась,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сияньи огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумное скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчаньи сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемак напоследок воскликнул с досадой:
— Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленьи угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь

Слова супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственней камня.

Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
— Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнесть не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем.

Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
— Друг, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
Нужно однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?
Если когда и один кто убит кем бывает, и мало
Близких друзей и родных за убитого мстить остается —
Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке; об этом должны мы подумать.

Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
— Всё ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я не робким твоим здесь помощником буду.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша

Струны и пение в доме, соседы и всякой, идущий
Мимо по улице, думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
За город на поле наше, в наш сад плодовитый; там можем
Всё на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев.

Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
Цитру настроив глубокую, в них пробудил вожделенье
Сладостных песней и стройноживой хороводныя пляски.
Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалася пением звучным рабов и служанок;
Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дождаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела.
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.

Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Эвринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза не нее устремив, он сказал ей:
— Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Эвриклея; постель приготовь одному мне.
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце.

Но Одиссею разумная так отвечала царица:
— Ты непонятный! не думай, чтоб я величалась, гордилась,
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел в корабле, покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Эвриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом.

Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
— Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала:
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу конечно легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалася тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилася маслина с темной
Сенью, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Слаженных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
После у маслины ветви обсек и по близости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень.

Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
О! не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;

Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом; у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покоряся,
В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахеяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужстве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу.

Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.

Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посидона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
Рук белоснежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; деннице ж
Златопрестольной из вод Океана коней легконогих,
С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
(Их в колесницу свою заложив) выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
— О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим:
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,

Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тирезия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и сопутникам день возвращенья.
Время однако итти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены.

Умная так отвечала на то Одиссею царица:
— Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое; ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;
Если же все наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди. Одиссей отвечал ей:
— Ты неотступная! странно твое для меня нетерпенье.
Если однако желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезий сказал мне: «покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурно-грудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посидону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый!» Вот то, что в Аиде сказал мне Тирезий.

Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
— Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся.

Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой Эвринома с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из мягких постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Эвриклея;
Факел пылающий в руки взяла Эвринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.

Скоро потом Телемак, свинопас и Филотий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.

Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежновеселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах; как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе, в свой черед, рассказал он:
Сколько напастей другим приключил, и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.

Он рассказал: как в начале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к брегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и сопутников меднообутых
Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тирезия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени

Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал Сирен сладострастноубийственный голос;
Как меж Пловучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказанье за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен, и всех злополучных сопутников бездна
Вдруг поглотила; а он, избежав истребительной Керы,
К брегу Огигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье и вечную младость,
Верного сердца однако его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как наконец в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди и злата и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.

Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти из вод океана велела она златотронной
Эос, чтобы светом людей озарить. Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
— Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить; завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде однако наш сад плодовитый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.

Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
Смирно, ни с кем не входи в разговор, никому не являйся.

Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филотием, с верным Эвмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Второе вызывание теней. Заключение мира

Эрмий тем временем, бог килленейский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные — если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса — визжат, в беспорядке порхая:
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на Асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.

Первая им повстречалася тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал; им ты

Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.
Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Меру, которой никто не избег из рожденных.
О! для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты.

Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
— Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вкруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы билися все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозою.
Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахеян, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахеян;
Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратяся к товарищам, так им сказал он:
— Стойте, ахейцы! куда вы бежите, аргивяне? Что вас
Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть.
Так он сказал. Ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светлобожественной ризой его облачили;
Музы — все девять — сменяяся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;

Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Ифестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Ифеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахеян любим был.
Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копьеносных аргивян у светлошироких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахеян.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжалися к бою —
Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной.

Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий Аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына узнала.

Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посидон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас незапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темноширокому морю
Прежде, чем был убежден Одиссей, городов сокрушитель.

Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
— Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
— Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова.

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;

Но, когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели —
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.

Но, лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный незапно привел Одиссея в Итаку;
В дом он сначала пришел к свинопасу Эвмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемак, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,
В город вошли многославный; сперва Телемак, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Эвмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем,
Молча, сносил и швырянье и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем грозным Зевесом,
Он с Телемаком вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас бедных к стрелянью и к верной погибели нашей
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то недостало в нас силы;
Но, когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.
Нам вопреки, Телемак богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;

Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате
Страшное тут началося убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег и никто не оплакал, и почести нет нам.

Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
— Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу:
Розно с тобою, себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила: и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных.

Так говорили о многом они, собеседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.

Тою порой Одиссей и сопутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ими старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаку и к прочим, сказал им:
— Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;

Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем?

Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемаком вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник сбирать для заграды садовой;
С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчаньи,
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращеньи в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворнообидною речью подвергнуть.

Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыкой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
— Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;

Царское что-то и в виде и стане твоем нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спит на роскошной постеле, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он однако весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще, иль уж в область Аида сошел он?
Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
Аркезиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью — много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощаньи:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами.
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
Были они молодые, красивые, сам он их выбрал.

Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
— Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя одарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалося лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,

Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью нс был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?
Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем, и, тебя здесь оставя, отплыл он?
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;
Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Эпирит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен однако ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце.

Так говорил Одиссей. И печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его — он сражен был родителя скорбью.
Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
— Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай однако; мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды.

Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
— Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, —
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье.

Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
— Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнассе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды;
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса.

Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
— Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефаленским.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда:
Я уж туда Телемака с Филотием, с старым Эвмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный.

С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый

Дом, Телемак там с Филотием, с старым Эвмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.

Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою, божественно чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
О родитель! Конечно, один из богов Олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!

Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
— Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина!
Был я таков, как в то время, когда с кефаленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился.

Так говорили они, собеседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями,
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася).
В двери столовой вступивши, при виде нежданого гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
— Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленье
Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы.

Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;

Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
— Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращеньи? Иль вестника должно послать к ней?
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
— Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно.

Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.

Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
Все взволновалися жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В домы семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.

На площадь стали потом все печально сбираться; когда же
На площадь все собрались, и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Эвпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
— Граждане милые, страшное зло Одиссей нам ахейцам
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефаленян знатнейших.
Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян —
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,

Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет! Не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть.
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.

Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
Ночь ту проведшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
Видел я сам, как один из бессмертных богов Олимпийских
Там появился незапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их
Трепетных из угла в угол, и все друг на друга валились.

Так он сказал им. И были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Галиферд многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратяся к согражданам, так им сказал он:
— Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Во-время вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритесь слову:
Мирно останьтеся здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей. Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.
Те ж, негодуя на речь Галифердову, вслед за Эвпейтом
Бросились с шумнонеистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившися в крепкие медноблестящие брони,
За̀ город вышли и там собралися великой толпою.
Их предводитель Эвпейт, обезумленный горем великим,
Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться: его стерегла уж судбина.

Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирепокровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?

Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
— Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что̀ хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный — имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится.

Кончив, велел он итти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.

Те же, насытяся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
— Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?

Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросил: Идут! поспешите! Оружие в руки! их много!

Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли — седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекшися в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:

Друг Телемак, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха незнающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею.

Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
— Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею.

Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
— Добрые боги, какой вы мне день даровали! О радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!

Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
— Бодрый Аркезиев сын, из товарищей всех мне милейший
В помощь призвавши Зевеса-отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось на удачу.

Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланитный Эвпейтов шелом он попал и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Эвпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемаком
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они, и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
— Стойте! уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!

Так возопила Афина. Все схвачены трепетом бледным
Были они, и оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаяся, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовою стрелою Крониона вдруг раздвоилось

Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион.

Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой, приявшая Менторов образ,
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

КОММЕНТАРИИ

Примечания

Книга первая

Ст. 8. см. кн. XII, ст. 319 и слл.

Ст. 17. Двадцатый год со времени отплытия Одиссея под Трою, десятый год после взятия Трои. В ст. 18—19 содержится намек на борьбу Одиссея против женихов Пенелопы. Поэт собирает во вступлении основные мотивы Одиссеи. Гнев Посидона (ст. 20) вызван тем, что Одиссей ослепил сына Посидона, циклопа Полифема (кн. IX).

Ст. 22. Эфиопы (т. е. чернолицые, ср. прим. к Илиаде, кн. I, ст. 423) по представлению греков жили у краев земли — там, где солнце стоит низко над землей, и люди окрашены поэтому в черный цвет. Таким образом, «эфиопы» находятся и на крайнем востоке и на крайнем западе. Посидон, как видно из кн. V, ст. 282, отправился к восточным эфиопам.

Ст. 29. Беспорочный — стоячий эпитет, по существу равносильный эпитету «знаменитый». Возвращение и гибель Агамемнона от руки Эгиста, измена Клитемнестры и отмщение, совершенное Орестом, неоднократно упоминаются в Одиссее, составляя контрастный фон для возвращения Одиссея и верности Пенелопы.

Ст. 50. Пуп моря — остров, находящийся на середине моря, в наибольшем отдалении от всяких берегов.

Ст. 88. Густые (вернее, длинные) волосы отличают полноправных ахейцев от несвободного населения.

Ст. 93. В контексте Одиссеи поездка Телемаха в Пилос и Спарту бесцельна, поскольку он не узнает там ничего определенного о возвращении отца; путешествие Телемаха не движет действия вперед, между тем как слушатель уже осведомлен о возвращении Одиссея. Отсюда необходимость добавочной мотивировки («чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава») путешествия.

Ст. 95—99 уже в древности считались интерполяцией. Действительно, ст. 97 и 98 неудачно повторяют ст. 45—46 V книги, перенося на Афину золотые подошвы — атрибут Гермеса (Эрмия). Огромное копье, описание которого дано словами Илиады (кн. V, ст. 746 слл.; кн. VIII, ст. 390 слл.), Афина обычно берет лишь направляясь в сражение. Являясь к Телемаху в образе Ментора, Афина держит в руках обыкновенное человеческое копье (ст. 102). Амврозиальные (ст. 95) — подобающие бессмертным (ambrotos—бессмертный). Громоносного бога рожденье (ст. 99) — дочь мощного Зевса.

Ст. 103. Гость — человек, связанный с Одиссеем и его домом отношением взаимного гостеприимства, кунак (см. прим. к Илиаде, кн. VI, ст. 215).

Ст. 107. Рабами — ошибочный перевод. Речь идет о наемных прислужниках из свиты женихов. Рабы-мужчины в гомеровской картине быта редки и малочисленны.

Ст. 151. Фемий аккомпанирует себе на четырехструнной кифаре (цитре). — Певец Одиссеи часто подчеркивает моменты профессиональной чести своего сословия. Поэтому Фемий лишь по принуждению исполняет песни перед буйными женихами.

Ст. 224. Порядочный — модернизация, в подлиннике — разумный.

Ст. 237. Гарпии взяли его — другими словами: он бесследно исчез. Гарпии, т. е. похитительницы, — демонические женские существа, крылатые гении вихря и одновременно смерти. Они носятся в воздухе и похищают людей.

Ст. 245—246. В подлиннике несколько иначе: «она же и не отказывается от ненавистного брака и не в силах довести это дело до конца». Обычай вполне допускает вторичный брак жены безвестно отсутствующего мужа, и сюжет мужа на свадьбе своей жены исходит именно из этой предпосылки (кн. XVIII, ст. 269—270, ср. также кн. XVI, ст. 73—77). Сватаясь к жене пропавшего царя и требуя для себя угощения в царском доме, женихи Пенелопы не выходят из рамок древне-греческого обычного права, — они только злоупотребляют этим правом.

Ст. 257. Пользование отравленными стрелами — архаическая черта, больше нигде у Гомера не встречающаяся. Вполне возможно, что в каком-либо древнем варианте Одиссей убивал женихов отравленными стрелами, но мотив этот затем был устранен, как этически неприемлемый (ср. ст. 259).

Ст. 268—298, где Афина дает свои указания Телемаху во исполнение плана, намеченного в стихах 88—92, являются одним из важнейших опорных пунктов аналитической критики Одиссеи. Афина, в образе Ментеса, дает Телемаху три совета:

1) Официально предложить женихам покинуть его дом; Пенелопа, при желании, может возвратиться к отцу с тем, чтобы вступить в новый брак (это последнее почти дословно совпадает с предложениями женихов в кн. II, ст. 113—114 и 194—197).

2) Отправиться в Пилос и Спарту за сведениями об отце: если он жив — ждать еще год, если умер — совершить погре-

бальные обряды и выдать мать замуж (совпадает с речью Телемаха в кн. II, ст. 212—223).

3) Потом придумать средство, как бы погубить женихов.

Со времени Кирхгоффа критика полагает, что эти три совета друг с другом не увязаны: если женихи покинут дом Телемаха, и мать согласится выйти замуж, вопрос тем самым будет уже решен, и отпадает надобность в дальнейших действиях; еще более непонятным кажется совет убить женихов после того, как Пенелопа выйдет замуж. Во II книге Телемах выдвигает идею поездки лишь тогда, когда женихи отказываются принять его первое предложение, а мысль, что Пенелопа может вернуться в дом к отцу, высказана не Телемахом, а женихами. Первые два совета Афины, по мнению критиков, являются механическим сведением воедино мыслей, которые во II книге естественно возникают у разных лиц на различных этапах развивающегося действия, при сохранении даже той словесной формы, которая гораздо более уместна в повествовании II книги, чем в предварительных указаниях Афины; третий совет несуразен сам по себе и композиционно излишен, поскольку событиям после непредвиденного возвращения Одиссея суждено развернуться совершенно иначе. Отсюда делают вывод, что речь Афины принадлежит не тому самому поэту, который составил II книгу, а другому, механически использовавшему текст II книги для введения поэмы о поездке Телемаха в общий контекст Одиссеи; другими словами, автор Одиссеи в ее целом уже имел в своем распоряжении готовый текст поэмы о путешествии Телемаха, которую он и ввел с незначительными изменениями в свой сводный эпос. Многие исследователи считают этот вывод совершенно бесспорной основой всего анализа Одиссеи.

Однако, наиболее серьезные трудности нашего текста, указанные критикой, отпадают, если отвлечься от современных представлений и стать на точку зрения древнего права. В первую очередь это касается столь изумляющего исследователей заключительного совета Афины-Ментеса. Дело в том, что Телемах в случае смерти отца обязан отомстить за причиненные ему обиды и материальный ущерб, хотя бы Пенелопа и вышла замуж; так, вернувшийся и открывшийся женихам Одиссей отвергает их мирные предложения (кн. XXII, ст. 61 сл.), хотя его возвращение, казалось бы, кладет естественный конец домогательствам женихов. Оскорбления, нанесенные Телемаху, нисколько не будут смыты фактом выхода Пенелопы замуж за кого-либо из претендентов. Совет поразмыслить, какими средствами погубить женихов, является поэтому вполне естественным; согласно старинному обычаю для возмездия выбирается, по возможности, то самое место, где происходили обиды, т. е. дом Телемаха (ст. 291—292). В дальнейшем это возмездие совершит не Телемах, а возвратившийся Одиссей; но Афина, явившись в образе Ментеса, не может, разумеется, гарантировать возвращение Одиссея (ст. 263—265); до самого конца беседы Телемах не должен знать, что говорит с божеством, которое могло бы

немедленно разрешить сомнения относительно судьбы его отца, — тогда стала бы бесцельной та поездка Телемаха в Пилос и Спарту, которую поэт вводит прибытием Афины в Итаку.

Таким образом, третий совет Афины вполне уместен и с точки зрения древних юридических представлений и со стороны сюжетной концепции. Что касается первого совета Афины, то, как справедливо указывалось рядом исследователей, здесь дело идет о юридической формальности, которая имеет для Телемаха большое значение. С того момента, как Телемах официально, в народном собрании, призвав в свидетели богов, предложил женихам покинуть его дом, он приобретает по отношению к ним свободу действий и, в случае их отказа, закрепляет за собой право на мщение; если бы Телемах осуществил после этого третий совет и умертвил женихов, их родственники не вправе были бы требовать с него пени. Эту понятную для современников юридическую формальность и имеет в виду поэт; поскольку Телемах охарактеризован, как еще совершенно неопытный в делах юноша, Афина-Ментес обращает его внимание на необходимый первый шаг. Здесь важен не реальный результат, а самый акт (ср. кн. II, ст. 209—211). Далее, Афина-Ментес может судить о настроении Пенелопы лишь на основании слов Телемаха в ст. 245—246 (ср. прим.) и указывает на практический путь оформления вторичного брака Пенелопы, если она действительно этого желает.

Но все это формальности: ни Афина-Ментес, ни Телемах, ни слушатели не ожидают мирного разрешения конфликта; подчеркнуто это тем, что Телемах предупреждает женихов о предполагаемом официальном заявлении (кн. I, ст. 368—376, ср. кн. II, ст. 138—145) и получает в ответ лишь насмешки и колкости. Поэтому Афина-Ментес указывает Телемаху, что ему делать дальше.

Третий совет мог бы следовать непосредственно за первым. Но поэт хочет ввести путешествие Телемаха, и Афина-Ментес рекомендует ему предварительно отправиться в Пилос и Спарту, чтобы собрать вести об отце. Наведение справок диктуется вполне понятной осторожностью, и в позднейшей античности (напр. в эпоху Римской империи) оно прямо предписывалось действующим законодательством, так что поэт и здесь, повидимому, не выходит из рамок обычая и создает законный предлог для путешествия Телемаха.

Предположение, что речь Афины составлена лицом, механически копировавшим II книгу, не понимая ее, лишено оснований; зато совершенно справедливы указания, что эта речь составлена с учетом развертывания действия во II книге. Обычный в гомеровских поэмах прием предвосхищения дальнейших событий в речах действующих лиц (особенно богов), вероятно, нередко заставлял эпических поэтов оформлять последующие эпизоды ранее, чем предшествующие; вполне возможно, что речь Афины была обработана поэтом уже после II книги. — Мы с такой подробностью остановились на этом примере, чтобы

продемонстрировать всю шаткость построений аналитической критики там, где они являются наиболее бесспорными в глазах самих аналитиков.

Ст. 273—274. Здесь, как и в тожественных стихах кн. II 196—197, приданое обозначено тем самым термином, который в гомеровских поэмах обычно означает вено, уплачиваемое при покупке жены. Значение слова могло измениться вместе с изменением самого обычая; однако, стихи эти представляют и другие трудности, и общий смысл их загадочен.

Ст. 282. О скитаниях Менелая см. кн. III, ст. 276 и сл.; IV, ст. 351 и сл.

Ст. 287. Если кто умирал на чужбине или вовсе оказывался лишенным погребения (напр. утопленник, труп которого не был найден), для него воздвигалась пустая могила (кенотаф), у которой и совершались культовые действия в честь умершего.

Ст. 294. Ср. прим. к ст. 29. Любопытно, что указывается лишь на убийство Эгиста; о том, что Орест умертвил и свою мать, Одиссея умалчивает: эпический поэт не видит в этом славного поступка.

Ст. 316. Невидимо — старинное толкование неясного слова, являющегося, быть может, названием той птицы, в которую превратилась Афина.

Ст. 343—345. Виновен — вдохновенье. Модернизованный и по существу неправильный перевод. В подлиннике: «не певцы виновны, а, конечно, виновен Зевс, который дает вкушающим хлеб людям то, что им пожелает дать», т. е. Зевс посылает кому счастье, кому несчастье: певец, рассказывающий и о том и о другом, ни в том ни в другом не повинен.

Ст. 347—348. Опять ошибочный перевод; в оригинале: «люди больше всего прославляют ту песню, которая является наиболее новой для слушателей». Через десять лет после падения Трои песня об участи греческих вождей является песней на свежую, современную тему — в отличие от большинства песен, повествующих о далеком прошлом.

Ст. 361. В потемневшей палате — точнее, в тенистой палате (стоячий эпитет).

Ст. 374—376. В подлиннике другая мысль: «я призову богов, и Зевс, быть может, даст совершиться возмездию, — тогда вы погибнете в этом доме без платы, т. е. без уплаты пени за ваше убийство». Смысл официального заявления Телемаха на собрании в том и заключается, что он после этого получает право мстить женихам. См. прим. к ст. 268 и сл.

Ст. 391. В подлиннике: «в Итаке есть много других царей». Взаимоотношения между гомеровскими царями (князьями) и главным царем в их среде были, очевидно, неясны для Жуковского.

Ст. 427. Двадцать быков — очень высокая цена за рабыню. Но Эвриклея явно «благородного» происхождения, поскольку названы имена ее отца и деда. Отец вправе был продавать своих детей в рабство.

Ст. 438. Двери, открывающиеся вовнутрь, запираются при помощи задвижки, т. е. перекладины; чтобы запереть дверь извне, нужно тянуть за прикрепленный к перекладине ремень, проходящий через проделанное в двери отверстие. Через это же отверстие можно открыть дверь извне при помощи крюка.

Книга вторая

Ст. 38. Скипетр — знак власти и исполнения официальных обязанностей; он вручается и тому, кто выступает с публичной речью на официальном собрании.

Ст. 53. Приданое — см. прим. к кн. I, ст. 273—274.

Ст. 70. Если бы итакийцы съели (а не «отняли силой», как переводит Жуковский) запасы Одиссеева дома, — Телемах мог бы рассчитывать на возмещение; безответственные долги женихов никем не будут оплачены.

Ст. 133. Отослав Пенелопу против ее воли, Телемах обязан будет заплатить ее отцу пеню за бесчестие, так как подобная отсылка домой была бы законна лишь в случае нарушения Пенелопой супружеской верности.

Ст. 135. Эриннии, подземные богини мщения, являются хранительницами семейных устоев (см. прим. к Илиаде, кн. IX, ст. 454). Демон, как всегда у Гомера, «божество» вообще.

Ст. 192. Наказанье — пеня.

Ст. 196. См. прим. к кн. I, ст. 273.

Ст. 245. Сладить... на пиршестве — неверный перевод. В подлиннике: «сражаться за пиршество», т. е. отгоняя женихов от пиршества.

Ст. 262. Перевод может вызвать недоразумения. Телемах не знает, какое именно божество его посетило, и обращается к тому, кто, будучи богом, вчера прибыл в его дом. Что это была Афина, указывается лишь в ст. 261 от имени самого поэта.

Ст. 292. В подлиннике: «а я немедленно соберу в народе товарищей добровольцев». Поскольку народное собрание не предоставило Телемаху корабля и гребцов, он совершит свою поездку на судне, добровольно предоставленном ему частным лицом, при помощи гребцов добровольцев, т. е. не рабов и не наемников. Морские экспедиции греческих аристократов, полу-торговые — полу-пиратские, часто осуществлялись такими компаниями, собранными из свободных, а иногда и знатных граждан, которые являлись «товарищами» руководителя экспедиции.

Ст. 314. Умные советники добавлены Жуковским; он же вводит латинский термин «Парки» вместо греческого «Керы» (см. словарь).

Ст. 329. См. прим. к кн. I, ст. 257.

Ст. 338 и сл. Греческий царь, постоянно угощающий свою свиту, должен хранить у себя большие запасы. Раскопки дворца в Кноссе обнаружили для эпохи критской культуры огромные

кладовые с бочками в человеческий рост, где хранились вино, оливковое масло и запасы зерна. Высокие бочки («куфы» ст. 340) обнаружены и в центрах микенской культуры (Тиринф, Троя). Помимо припасов, кладовая заключала и другие ценности, служа сокровищницей.

Ст. 374. Женщины редко являются в мужские покои; поэтому отсутствие Телемаха может остаться некоторое время незамеченным.

Книга третья

Ст. 1. По гомеровскому представлению, небесный свод — металлическое полушарие (медное или железное). См. прим. к Илиаде, кн. V, ст. 504.

Ст. 6. П о с и д о н, как водное и хтоническое божество, получает в жертву животных черного цвета. Он пользовался особым почетом в Пилосе, как родоначальник пилосских царей: Нелей, отец Нестора, — сын Посидона (кн. XI, ст. 254). Волосы Посидона — морского цвета. Цари Милета относили себя к потомкам Нелея, и празднество ионийского союза, посвященное Посидону, могло послужить для поэта прообразом описываемого в Одиссее праздника.

Ст. 9. Внутренности («утроба») — по гомеровскому представлению, вместилище жизненной силы и заключают в себе нечто божественное; по внутренностям животного могут происходить гадания. Поэтому тот, кто вкушает внутренности, становится причастным этой силе.

С л а д к и й — модернизирующее толкование Жуковского.

Ст. 36. В имени Несторова сына П и з и с т р а т многие ученые видели афинскую интерполяцию, в связи с так называемой пизистратовской редакцией гомеровских поэм. Поскольку, однако, род афинского тирана, по словам Геродота, возводил свое происхождение к сыну Нестора, возможно, что исторический Пизистрат был назван именем мифологического предка.

Ст. 63. Д в у я р у с н ы й к у б о к — перевод того же термина, который Гнедич в Илиаде обычно передает словами «кубок двудонный».

Ст. 65. Х р е б т о в о е м я с о — т. е. мясо, покрывающее кости, в противоположность внутренностям, утробе, от которой вкушалось предварительно (ст. 9).

Ст. 71—74. Из этих стихов, повторенных и в кн. IX ст. 252—255, уже Фукидид выводил, что в «древности эллины и те из варваров, которые жили на материке близ моря, а равно все обитатели островов, обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Тогда это занятие не считалось еще постыдным, скорее приносило даже некоторую славу. Доказательство этого представляют еще и теперь те из обитателей материка, у которых ловкость в этом деле пользуется почетом, а также древние поэты, везде предлагающие приставшим к берегу людям один тот же вопрос: не разбой-

ники ли они, — так как ни те, которых спрашивают, не считают занятие это недостойным, ни те, которым желательно это узнать, не вменяют его в порок. (Фукидид. История I, 5, пер. Ф. Мищенко в перераб. С. Жебелева. М. 1915).

Ст. 93. В подлиннике не «участь», а «печальная гибель». Телемах приготовился услышать о смерти отца: перевод смягчает это.

Ст. 132. Миф повествовал о злоключениях ахейских героев на возвратном пути из-под Трои, не умея создать достаточно четкой мотивировки этих злоключений. Впоследствии систематизаторы мифологических преданий отыскали недостающее звено в гневе Афины на то, что Аякс сын Оилеев изнасиловал Кассандру в илионском храме Афины, а прочие греческие вожди оставили его поступок безнаказанным. Трудно сказать, является ли эта версия неизвестной нашему поэту, отвергает ли он ее или же принимает, ограничиваясь лишь неопределенным намеком (ст. 133—135). Последнее весьма вероятно, так как Агамемнон знает, что Афина оскорблена, а что она особенно гневается на Аякса, видно из кн. IV, ст. 502.

Ст. 138. Нормальное время для созыва собрания — утро.

Ст. 154. Глубоко-опоясанных — перевод того же эпитета, который Гнедичем в Илиаде обычно переводится «красноопоясанных» и означает, быть может, «с тонкой талией» (см. прим. к Илиаде, кн. I, ст. 429).

Ст. 171. Плавая по архипелагу, греки предпочитали держаться островов, соединяющих европейскую Грецию с мало-азиатским побережьем. Поэтому вожди, возвращающиеся из Трои, избирают длинный путь мимо островов и размышляют лишь о том, с какой стороны им обогнуть Хиос; повинуясь божественному знамению, они решаются на кратчайший путь — открытым морем от Лесбоса к Эвбее и берегам европейской Греции («разрезавши море по самой средине» ст. 174).

Ст. 188. Сын Ахиллеса — Неоптолем.

Ст. 193. Атрид — Агамемнон. Итака, как и вообще западные острова Греции, была слабее связана с основными центрами.

Ст. 226. Телемах, как и Афина, в ст. 231 и сл., имеет в виду возвращение Одиссея.

Ст. 255. Перевод основан на старинном чтении. В настоящее время издатели принимают другое чтение: «ты и сам представляешь себе, что случилось бы, если б» и т. д. Ср. прим. к кн. IV, ст. 546.

Ст. 263. Града Аргоса — речь идет не о городе, а о стране Аргос (см. словарь).

Ст. 280. Внезапная смерть приписывалась стрелам Аполлона или Артемиды (см. прим. к Илиаде кн. VI, ст. 205).

Ст. 292. Часть кораблей попадает на северо-западный, потом на южный берег Крита, где и разбивается.

Ст. 309. Орест совершает погребение, поскольку не может не воздать этой почести своей матери; — поэт избегает прямого указания на матереубийство Ореста.

Ст. 318. Недавно — уже третий год, но позже всех прочих вождей которые воевали под Троей.

Ст. 332. Отсечение языка и сжигание на алтаре, сопутствуемое актом возлияния в честь богов, были заключительными моментами жертвенного обряда.

Ст. 340. В подлиннике: «уделили всем, совершив возлияние кубками».

Ст. 366. Кавконы жили на границе Трифилии и Мессении, несколько южнее гомеровского Пилоса.

Ст. 399. Правильнее: в сенях, где у Гомера всегда покоятся гости.

Ст. 406—407. Речь идет о мраморных скамьях.

Ст. 420. Видимо бывшую, т. е. явившую себя.

Ст. 435. Афина, разумеется, явилась невидимо.

Ст. 440. Обложенный цветами — с цветочным орнаментом.

Ст. 464. В греческом эпосе девушки омывают мужчин — старинный обычай, в историческое время уже не имевший места.

Ст. 467. Хламида — в подлиннике фарос — льняной плащ, употреблявшийся знатными людьми, вместо шерстяной «хлены». Хитон — нижнее платье, безрукавная рубашка.

Книга четвертая

Ст. 6. Дочь Менелая и Елены, Гермиона (Эрмиона) выходит замуж за Неоптолема, сына Ахиллеса, и отправляется к нему во Фтию.

Ст. 23. Спальник — здесь, как и в ст. 217, является домыслом Жуковского, переносящего в гомеровскую Грецию обстановку московских царей. В подлиннике: «слуга», т. е. человек из свиты.

Ст. 27. Из племени Дия — на потомков Зевса, т. е. царского рода, поскольку цари обычно возводили свое происхождение к богам. Внешний вид приезжих обличает их происхождение (ст. 62 — 64).

Ст. 122. С копьем золотым. В подлиннике: «с золотым веретеном», т. е. стрелою. Артемида — богиня лучница, как и ее брат Аполлон.

Ст. 127. Перевод не точен. Здесь повторен стих Илиады (IX, 382), в котором египетские Фивы охарактеризованы, как «град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся», и речь идет о богатствах не одного лишь Полиба. Греческий эпос сохранил, может быть, еще со времени микенской культуры воспоминание о богатствах Египта и его столицы.

Ст. 129. Талант — единица веса у греков; величина гомеровского таланта неизвестна (см. прим. в Илиаде, кн. IX. ст. 122).

Ст. 156. Богоизбранный пастырь народов — перевод вносит в гомеровский текст чуждые грекам представления; в подлиннике: «питомец Зевса, владыка мужей».

Ст. 188. Антилох погиб от руки эфиопского царя Мемнона, сына Эос (Зари), в свою очередь умерщвленного Ахиллесом. Об этом повествовала поэма «Эфиопида», служившая продолжением Илиады в системе эпического цикла.

Ст. 198. Об обряде приношения волос мертвым см. прим. к Илиаде, кн. XXIII, ст. 135. Пизистрат — ровесник Телемаха (кн. III, ст. 49) и не мог видеть погибшего под Троей Антилоха.

Ст. 220. Соку — не вполне точно. Елена сыплет в вино «зелье», наркотический порошок. Египет славился своими врачами и лекарствами (ст. 230—232).

Ст. 227. Диева дочь — Елена, дочь Зевса.

Ст. 239. О бывалом. В подлиннике: «я расскажу вам подходящее», т. е. такое, что будет подходить к тому веселому настроению, которое я хочу вызвать в вас.

Ст. 256. Замысел ахеян — сооружение деревянного коня, приведшее к падению Трои. В «Малой Илиаде» рассказывалось, что Одиссей непосредственно перед сооружением коня отправлялся лазутчиком в Трою, где и испытал приключения, о которых говорит Елена.

Ст. 262. Вольно — не совсем удачное добавление Жуковского.

Ст. 276. Деифоб стал мужем Елены после смерти Париса. Этот стих, равно как ст. 279 и ст. 285—289 (в переводе начиная со слов: «остальные ж» ст. 284) обычно считается интерполяцией; такова точка зрения античных комментаторов, которую принимает и огромное большинство современных ученых. Ст. 285—289 отсутствовали почти во всех античных изданиях.

Ст. 351. Продолжение сюжета, оборванного Нестором (кн. III, ст. 300).

Ст. 369—370. Древние герои, в представлении поэта, питаются только мясом и прибегают к рыбе лишь в исключительно трудных обстоятельствах.

Ст. 477. Поток Египет — Нил; бегущий с неба — перевод того же эпитета, который Гнедич обычно передает: «от Зевса ниспадший», т. е. вскормленный небесными дождями (см. прим. к Илиаде, кн. XVI, ст. 174).

Ст. 502 — см. прим. к кн. III, ст. 132.

Ст. 512 и сл. В сообщениях Протея о гибели Агамемнона целый ряд неясностей, свидетельствующих о том, что поэт контаминирует разные варианты мифа. Во-первых, мыс Малея, юго-восточная оконечность Лаконики, совсем не по пути Агамемнона в Аргос из Трои, и плыть мимо Малеи ему имело бы смысл лишь в том случае, если бы его местопребывание было, как и Менелая, в Спарте. Такая традиция в античной литературе действительно имеется, но в гомеровских поэмах Агамемнон всегда царь Микен. Далее, совершенно непонятен ход рассказа: буря бросает Агамемнона к тому месту, где живет его враг Эгист; однако, море успокаивается, и Агамемнон с попутным ветром благополучно возвращается на родину, но почему-то снова оказы-

вается вблизи дома Эгиста, который даже поставил сторожа следить за возвращением Агамемнона; сторож этот, очевидно, должен был ожидать Агамемнона там, где тому естественно было возвращаться, т. е. совсем не около жилища Эгиста. Здесь явно смешаны два рассказа. По одной версии Агамемнон, возвращаясь домой (при том, вероятно, в Спарту, а не в Микены), был застигнут бурей и выброшен к тому месту, где жил Эгист. Эгист пригласил его к себе в дом и умертвил на пиру. Другая, возобладавшая в позднейшей литературе версия, делала Эгиста любовником Клитемнестры (см. кн. III, ст. 263 и сл.:) и переносила убийство в местожительство Агамемнона. К этой версии относится и сторож, поставленный Эгистом.

Ст. 546. Эта альтернатива в устах прорицателя кажется странной. Вероятно, та версия мифа, согласно которой Эгист убивал Агамемнона без помощи Клитемнестры (см. предыд. прим.), кончалась тем, что Менелай мстил за убийство брата; на это намекают и слова Нестора в кн. III, ст. 255—261. Отвергнутую версию поэт вводит, как неосуществившуюся часть альтернативы.

Ст. 561—569. Представление об Элисии («Элисийская равнина», «Елисейские поля» в переводе Жуковского), далекой блаженной стране богов, принадлежит к древнему религиозному слою, предшествующему олимпийской религии и относящемуся, быть может, к эпохе критской культуры. Радамант (см. словарь) — критская фигура. Тот, кто попадает в Элисий, приобщается к богам. Эпос переосмысляет это старинное представление таким образом, что отдельные избранники, избегнув смерти и нисхождения в Гадес, уносятся живыми в Элисий, где им суждена вечная жизнь. Для аристократической идеологии характерно, что избранничество обусловлено не личными качествами избранника, а его знатной родней: Менелай — зять Зевса.

Ст. 584. Менелай воздвигает в честь умершего брата кенотаф (см. прим. к кн. I, стр. 287). Гомеровское миросозерцание, по существу отрицающее все основы культа мертвых, осмысляет могильный холм, как сооружение, воздвигаемое ради славы умершего в потомстве.

Ст. 606. «На Итаке до конца XIX в. не было проезжих дорог» (Берар).

Ст. 622—623. У Менелая происходит пир в складчину (кн. I, ст. 222): возможно, что поэт слышал об общих трапезах (сисситиях), составлявших в историческое время особенность спартанского быта. По греческому обычаю, женщины на пирах не присутствуют.

Ст. 636. Так как гористая Итака неудобна для коней (ст. 606), богатый человек содержит табуны на континенте.

Ст. 768. См. прим. к кн. I, ст. 361.

Ст. 785. Перевод не точен; в оригинале: «отведя корабль к крайней оконечности бухты, они укрепляют его, а сами выходят и вкушают трапезу в ожидании вечера». «В греческих и левантских морях маленькие парусники ждут вечера, чтобы исполь-

зовать ветер с земли, который подымается при заходе солнца и гонит их в открытое море. Днем, в продолжение мореходного сезона, ветер дует с более свежего моря на раскаленную землю, с раннего утра до приближения ночи. Чтобы выйти из бухты днем, надо браться за весла. Выход к крайнему мысу с тем, чтобы ожидать благоприятного ветра, дает значительную экономию времени» (Берар).

Ст. 796. Призрак — имеется в виду образ, являющийся во сне.

Ст. 802. В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув. В подлиннике иначе: «в спальню проник по ремню задвижки (см. прим. к кн. I, ст. 438). Амейс правильно сопоставляет с этим текстом параллельный образ современной сказки: «прошел через замочную скважину». Ср. ст. 838, который Жуковским переведен правильно. Бесплотный — прибавление переводчика.

Ст. 832. И его, — т. е. Одиссея.

Книга пятая

Ст. 8—12 в подлиннике дословно совпадают со ст. 230—234 кн. II (речь Ментора); так же поступил и Жуковский, повторив здесь свой перевод соответствующего места II книги; однако, незначительное отступление от подлинника, допущенное во II книге, приводит к ошибочному переводу в V. В обоих случаях речь идет о том, что о божественном Одиссее не помнит никто из подданных, над которыми он властвовал. В речи Ментора, обращенной к гражданам Итаки, перевод: «если могли вы забыть Одиссея», правильно передает мысль оригинала, но в речи Афины, обращенной к богам, этот же перевод становится искажением. Афина жалуется на человеческую неблагодарность, а не на то, что боги забыли Одиссея.

Ст. 28. Любопытный пример закона хронологической несовместимости, установленного Ф. Ф. Зелинским для гомеровской техники повествования: поэт излагает одновременные действия в виде последовательных. Гермес должен был бы отправиться к Калипсо уже после первого собрания богов (кн. I, ст. 81—84), одновременно с прибытием Афины в Итаку, и действие кн. V должно было бы развертываться параллельно действию книг I—IV. Закон хронологической несовместимости, требующий прямолинейного ведения рассказа, заставляет хронологически отделить эти два действия. Предложение Афины отправить Гермеса к Калипсо в I кн. остается невыполненным, и поэт вводит новое собрание богов. Весь эпизод (ст. 1—42) имеет лишь композиционное значение, осуществляя переход к новой линии рассказа, основные контуры которой уже наперед сообщаются слушателю. Аналитическая критика обычно рассматривает его как редакционную вставку.

Ст. 45. См. прим. к кн. I, ст. 95.

Ст. 50. Судя по недавно найденным папирусным отрывкам Одиссеи, в тексте должна была итти речь не о македонской Пиерии, а о фессалийской Перии, находящейся у подножья Олимпа. Гермес бросается с неба в море, «перешагнув через Перию».

Ст. 51. Рыболов — морская птица (laros — чайка).

Ст. 55. Остров Калипсо находится на далеком западе. Исследователь географии Одиссеи В. Берар локализует его около Гибралтара, у подножья Mont aux Singes, — остров Перегиль.

Ст. 60. Дерево жизни — дословный перевод немецкого Lebensbaum — туя. В флоре Огигии преобладают растения, связанные с культом мертвых и с представлениями о царстве смерти: тополя, черные ольхи, кипарис, а также сельдерей и фиалки (ср. прим. к ст. 72).

Ст. 62. Сидя — неправильно: за античным ткацким станком работали стоя и постоянно двигаясь от одного конца станка к другому. В подлиннике сказано: «расхаживая перед станком».

Ст. 72. Злаков — т. е. трав. В подлиннике: сельдерей. Вечно зеленый сельдерей и темная фиалка принадлежат к числу растений, которые служили для осыпания мертвых и сажались вокруг могил.

Ст. 79. Калипсо — фигура очень далекая от круга олимпийских божеств. Сводя ее с Гермесом (Эрмием), поэт чувствует необходимость мотивировать их знакомство.

Ст. 108. См. прим. к кн. III, ст. 132.

Ст. 118. В древних мифах нередко повествовалось о смерти мужских спутников женского божества. Такова была судьба возлюбленных вавилонской Иштар или греческой Афродиты. В аграрной религии это было, вероятно, связано с представлениями о смерти, как уходе в плодоносную землю. Упомянутый в ст. 125 Язион был демоном плодородных глубин земли. В гомеровской религии, где старинные магические представления уже ослабели, потребовалась новая мотивировка печальной судьбы, постигающей избранников богинь: она дана здесь в виде ревности олимпийцев к смертным.

Ст. 127. Сочетание Язиона с богиней земли «на поле, три раза вспаханном», — мифологическая проекция обсеменения полей, которое у греков происходило после третьей вспашки.

Ст. 184—186. Клятва Калипсо дословно совпадает с клятвой Геры в XV кн. Илиады (ст. 36—38). Гомеровские боги в своих клятвах призывают древнейшие божества, главным образом подземных богов, которые являются блюстителями клятв (см. прим. к Илиаде, кн. XIV, ст. 271).

Ст. 229. Хитон и хламида (хлена) — см. прим. к кн. III, ст. 467.

Ст. 253. Перевод неверен. В подлиннике: «обшил длинными досками», т. е. обшил плот по бортам, а не палубу, как перевел Жуковский.

Ст. 260. Жуковский несколько упростил перевод. В подлиннике подробно указано, какие именно мачты Одиссей изготовил: hyperai (брассы), kaloi (фалы), podes (шкоты).

Ст. 270—277. Одиссей плывет с запада на восток, ориентируясь на звезды: Медведица должна поэтому оставаться по левую руку. «Нисходящий поздно» (т. е. позже всех одновременно с ним восшедших звезд) Воот (Арктур) видим одновременно с Плеядами лишь в октябре. Поэт относит плавание Одиссея к осени. Говоря о Медведице и Орионе, поэт дословно повторяет три стиха Илиады (XVIII, 486—488), где перевод Гнедича значительно точнее. Медведица не совершает свой круг «близ Ориона», а «блюдет Ориона» (Гнедич), — во время восхождения Ориона занимает наиболее северное положение и обращена головой к Ориону (мифологически — Медведица остерегается и избегает охотника Ориона).

Ст. 283. См. кн. I, ст. 22.

Ст. 291. Трезубец — атрибут Посидона (см. словарь).

Ст. 295—296. Эвр — восточный ветер, Нот — южный, Зефир — западный, Борей — северный. Светлым рожденный эфиром — точнее: рожденный в ясную погоду.

Ст. 298. Разговор с собственным сердцем (правильнее: духом) — формула введения монолога у Гомера.

Ст. 304. В Одиссее неоднократно наблюдается, что персонажи эпоса приписывают Зевсу те действия, которые, по ходу рассказа, совершены другими богами (в данном случае Посидоном). Поэт, сохраняя для сюжетного движения всю структуру эпического Олимпа, вкладывает в уста героев, не знающих сокровенных пружин действия, речи, ближе отвечающие реальным верованиям современников; Зевс в эту эпоху начинал приобретать черты универсального и всемогущего бога. Одиссей поэтому считает, что буря воздвигнута Зевсом, и лишь из сообщения Левкотеи (ст. 339) узнает истинного виновника (ст. 423).

Ст. 310. В битве, возгоревшейся между греками и троянцами за обладание трупом Ахиллеса (ср. рассказ тени Агамемнона в кн. XXIV, ст. 37—42), особенно отличились Одиссей и Аякс. Последующий спор двух героев о том, кому должны достаться доспехи Ахиллеса, решение в пользу Одиссея, безумие и самоубийство Аякса были популярной в древности темой многочисленных произведений литературы и искусства.

Ст. 346. Волшебное покрывало, держащее пловца на воде, — сказочный мотив фольклора мореплавателей. В одной исландской сказке фея, отправляющаяся вместе с человеком в далекое плавание, надевает на голову светлое покрывало и таким же покрывалом снабжает своего спутника.

Ст. 371. Убежавший на волю оседлан — не вполне верно; в оригинале: «и на одном из них Одиссей поехал верхом, как на скаковом коне». Гомеровские аристократы обычно не ездят верхом, а в колесницах, так что образ заключает в себе оттенок иронии. В египетском рассказе о потерпевшем кораблекрушение (папирус Эрмитажа № 1115), представляющем ряд совпадений с Одиссеей, герой тоже спасается, держась за кусок дерева. В Одиссее, вводящей мотив волшебного покрывала, брус уже является рудиментом.

Ст. 384—385. Поэт, повидимому, предполагает, что Одиссей плывет с севера на юг, и Борей для него благоприятен. Афина успокаивает волны перед Одиссеем (Жуковским это слово выпущено).

Ст. 451. Неточно. Речной бог останавливает морские волны, гонимые в устье реки, и «наводит тишь» перед Одиссеем, плывущим к реке.

Ст. 490. Безопасно от злого пожара — неверный перевод; в оригинале: «для того, чтобы не пришлось ему разжигать» (т. е. добывать огня) откуда-нибудь из другого места». Трудность непосредственного добывания огня заставляет живущего далеко от других тщательно сохранять под золой тлеющую головню.

Книга шестая

Ст. 4. Издавна — в подлиннике: «прежде», т. е. до переселения в Схерию.

Ст. 8—9. Здесь изложены главные моменты основания нового государства на колонизованной территории, как они обычно имели место у греков. Город является крепостью, сакральным центром и местом жительства дружины. Пахотная земля распределяется между дружинниками в виде наделов.

Ст. 37. Для перевозки тяжестей обычно употреблялись мулы.

Ст. 54. Владык — в подлиннике: «царей». Алкиной стоит во главе феакийских царей, как первый среди равных. Для Жуковского эти отношения были неясны: царем у него является только Алкиной, а Навзикая царевной (в подлиннике она обычно именуется «девой», один раз в ст. 115 «владычицей»).

Ст. 57. В подлиннике: «милый папа» (pappa), это введение детской речи в эпический стиль настолько подходит ко всему тону VI книги, что переводчик не должен бы был его избегать.

Ст. 78. Лакомства — приправы к пище, но не сладости, как может подумать современный читатель.

Ст. 84. Молодые подруги — добавлены Жуковским: в подлиннике — здесь и в дальнейшем речь идет только о прислужницах (amphipoloi).

Ст. 101. Перевод неправильный: белокурая Навзикая зачинала игру (сопряженную, вероятно, с пляской).

Ст. 116. Отраженный Афиной — пояснение Жуковского, придающего здесь божественному вмешательству более конкретную форму, чем в подлиннике.

Ст. 129. Перевод не дословный: греческий текст откровеннее.

Ст. 159. Жуковский следует античным толкователям, понимавшим вено, как подарки жениха невесте. Возможно, однако, что имеется в виду настоящее вено, выплачиваемое при покупке жены ее юридическому владельцу (напр. отцу).

Ст. 164. Храм — неудачно добавлен Жуковским: алтарь Аполлона мыслится под открытым небом.

Ст. 175. Царевна — в подлиннике: «владычица» («госпожа»); Одиссей не знает, что говорит с «царевной».

Ст. 207—208. Греческая религия ставила благоволение к странникам и нищим под особое покровительство Зевса, верховного блюстителя социальных отношений. Перевод не совсем точен: «все странники и нищие от Зевса, а подаяние, хоть и не велико, но приятно».

Ст. 222. Для гомеровского общества вполне обычно, что девушки омывают мужчин (напр. кн. III, ст. 464 и сл.); стыдливость Одиссея является, таким образом, совершенно неожиданной для Навзикаи (ст. 210) и прислужниц (ст. 223).

Ст. 282—283. Перевод искажает мысль подлинника. Смысл: «тем лучше, если она хоть и с поисками нашла мужа на чужой стороне (ведь здешними она пренебрегает)».

Ст. 288. Обращаться с мужчинами вольно. Правильнее: гулять с мужчинами. Девушка, у которой родители живы, живет замкнуто и не должна показываться публично с мужчинами; в случае смерти родителей она становится «наследницей» и пользуется большей свободой.

Ст. 293. Поместье — имеется в виду участок, выделяемый государством царю в личную собственность (temenos).

Ст. 304. Сквозь залу к покоям царицы. В подлиннике: «пройди весь мегарон (т. е. главную залу гомеровского дома), пока не приблизишься к моей матери». Об особых покоях царицы речи здесь нет, и посторонний мужчина не мог бы явиться незваным на женскую половину. Арета сидит у очага в самом мегароне.

Ст. 313—315, почти дословно совпадающие со ст. 75—77 VII книги (слова Афины), отсутствуют в ряде рукописей Одиссеи и обычно считаются интерполяцией. Предшествующие стихи в подлиннике образуют более ясную концовку, чем у Жуковского: «обойми руками колена нашей матери, для того, чтобы ты с радостью увидел день возвращения в скором времени, хотя бы ты был совсем издалека».

Ст. 330. Дядя Афины — Посидон, брат ее отца Зевса. Из уважения к Посидону Афина вплоть до возвращения Одиссея в Итаку не открывается последнему (см. прим. к кн. XIII, ст. 314 и сл.) и не дает ему возможности узнать, что он продолжает находиться под ее божественным покровительством. Неоднократно появляясь на помощь Одиссею во время его пребывания в стране феаков, Афина остается, однако, неузнанной.

Книга седьмая

Ст. 8—9. Эпирская, Эпир — сомнительное толкование упоминаемой в подлиннике мифической страны, по имени «Апира».

Ст. 20. Скудель — кувшин.

Ст. 30. Молчание, которое Афина предписывает Одиссею, и мотивировка этого молчания в ст. 32—36 представляют собой

рудименты переработанного поэтом сказочного сюжета. В волшебной стране феаков, корабли которых скоротечны, «как легкие крылья иль мысли» (ст. 36), и даже одушевлены (VIII, 559), пришельцам грозят всевозможные опасности, и не должно быть произнесено неосторожного слова. Аналогичные черты имеются в рассказе о путешествии царя Гормо у Саксона Грамматика, датского летописца XII века. Чтобы сохранить эти черты в контексте Одиссеи, поэт подает их в виде вложенной в уста Афины мотивировки молчания, которое необходимо для того, чтобы Одиссей мог пройти через город неузнанным.

Ст. 55. П р е д к о в. В подлиннике: «родителей» и Арета явилась бы сестрой своего мужа, каковой она была представлена и в одном произведении, приписывавшемся Гезиоду. Неправильный перевод вызван, однако, необходимостью согласовать 55 стих с последующей генеалогией, где Арета — уже не сестра, а племянница Алкиноя, дочь его брата Рексенора. Многие исследователи считают эту генеалогию интерполяцией, которая имела целью замазать брак между братом и сестрой, неудобный с точки зрения позднейших нравов. Возможно, однако, что эта поправка сделана уже самим поэтом.

Ст. 59. Согласно мифу, древнейшее изложение которого мы имеем в «Теогонии» Гезиода, гиганты, змееногие сыновья Урана и Геи, т. е. неба и земли, подняли некогда мятеж против Зевса и остальных богов, но были разбиты и сброшены богами в Тартар (рефлекс воспоминаний о былой борьбе между культами олимпийских и хтонических божеств).

Ст. 65. Н а п и р е в т о р и ч н о г о б р а к а — ошибочный перевод. Рексенор застрелен Аполлоном (т. е. внезапно умер) будучи еще «новобрачным»; так называется молодой муж, у которого еще не родилось сына.

Ст. 67 и сл. В подлиннике: «и он почитает ее, как не чтится на земле ни одна другая женщина, сколько их ныне ни имеют попечения о доме, под властью мужей». Положение Ареты в стране феаков (ср. кн. VI, ст. 310—311), становится понятным, если учесть, что в сказании о феаках многими чертами отразилась матриархальная культура Крита.

Ст. 80. Афина возвращается в свой город Афины. Местопребывание ее мыслится в доме царя Эрехтея, которому воздавался культ вместе с Афиной (ср. Илиаду, кн. II, ст. 546—551). В этих стихах, как и в указанных стихах Илиады, часто усматривают афинскую интерполяцию. Механически вывести эти стихи из текста, однако, нельзя, и правильнее видеть в них хронологическое указание: во время составления Одиссеи Афины уже являлись общепризнанным в Греции центром почитания богини Афины.

Ст. 86—90. Под м е д н ы м и стенами разумеются стены, изнутри отделанные бронзовыми пластинками. Точно так же, когда говорится о золотых дверях или медном пороге, имеются в виду двери, обитые золотом, порог, обитый медью. Л а з о р е в а я с т а л ь — перевод термина kyanos, который обозначает

темноголубой сплав стекла и меди, широко употреблявшийся в Египте и в Греции эпохи микенской культуры (см. прим. к Илиаде, кн. XI, ст. 24). Князь — дверной косяк.

Ст. 91—92. Собаки работы Гефеста мыслятся, как и другие изделия этого бога в XVIII книге Илиады, живыми или автоматами. По обеим сторонам двери стоят по две собаки — золотая и серебряная.

Ст. 98. Понятие чина (усаживание по чину и т. п.) чуждо греческому быту. Жуковский вносит в свой перевод черты «русского стиля»: феаки садятся по чину на «лавки», подобно боярам царской Руси; в подлиннике thronoi, т. е. кресла, а не лавки.

Ст. 112. Чудесный сад Алкиноя, где плоды произрастают круглый год, является, вероятно, остатком того сказочного сюжета, который лежит в основе эпизода о пребывании Одиссея у феаков; если судить по аналогии рассказа Саксона Грамматика о путешествии царя Гормо (см. прим. к ст. 30), сад этот мог иметь в старинном рассказе и сюжетную функцию: его волшебные плоды были гибельны для пришельцев. Наш поэт сохранил этот сад лишь как составную часть сказочной атмосферы, разлитой в повествовании о феаках. Для греческого слушателя уже самое наличие сада рядом с дворцом внутри городских стен было необычайной роскошью, выходящей за пределы привычных представлений.

Ст. 137. Убийца Аргуса — Гермес (Эрмий), который считался подателем сна (кн. V, ст. 47).

Ст. 144. Могучего — неудачное добавление Жуковского. Феаки, разумеется, изумлены, увидя в своей среде человека, приход которого остался незамеченным.

Ст. 153. Очаг является священным местом.

Ст. 225. И семью — этих слов в подлиннике нет. Но уже античные комментаторы смущались тем обстоятельством, что Одиссей упоминает о рабах и имуществе, а не о жене и сыне, и считали нужным внести в этот стих соответствующие исправления. При этом не учитывали, что по мысли поэта Алкиной хотел предложить Одиссею брак с Навзикаей (ст. 311—315) и не должен был знать, что пришелец тоскует по семье.

Ст. 238—239. По гомеровскому обычаю, пришельца после трапезы спрашивают, кто он и откуда он. Однако, поэт дорожит инкогнито Одиссея для ряда последующих сцен и создает обстановку, при которой внимание слушателей отвлечено от вопроса о личности Одиссея. Арета удивлена тем, что человек, прибывший из чужой земли, оказался в сотканной ею одежде, и традиционная формула вопроса «кто ты и откуда» заострена по линии разрешения этой загадки; имя вопрошаемого и его родина роли здесь не играют, и Одиссей свободно может обойти эти пункты. Но и основной вопрос Ареты создает для Одиссея ряд трудностей, поскольку ему нужно рассказать, в каком непристойном виде он явился перед Навзикаей. Хитроумный герой выходит из затруднительного положения тем, что подробно рас-

сказывает о своих одиноких скитаниях по морю и лишь вскользь касается щепетильного вопроса в ст. 290—297. Мы остановились на вопросе Ареты потому, что основоположник аналитической критики Одиссеи Кирхгофф взял наш текст в качестве базы для сложной комбинации и постулировал поэму, предшествовавшую якобы нашей Одиссее, где Одиссей, в ответ на вопрос Ареты, немедленно раскрывает свое инкогнито и рассказывает всю историю своих странствований. Мы видели, однако, что самая формулировка вопроса Ареты свидетельствует о совершенно иных намерениях автора.

Ст. 243. Рожденных древним Ураном — основанный на старинном толковании перевод эпитета, который означает «небожителей».

Ст. 283. В бессилие впал я — ошибка; в оригинале: «начал собираться с силами».

Ст. 315. Брак пришельца с принцессой сказочной земли — широко распространенный мотив сказаний о путешествиях в страну чудес. Непригодный для Одиссеи, он оставлен в поэме как неосуществившееся предложение.

Ст. 319. Выход корабля в море ночью — обычное явление (см. прим. к кн. IV, стр. 785), но сон Одиссея на феакийском корабле окажется волшебным сном (XIII, 80), и есть ряд оснований полагать, что феаки по основному смыслу мифа являлись корабельщиками смерти, перевозчиками в царство мертвых. Отсюда и сказочная быстрота их ночного плавания. В гомеровском повествовании мифологический смысл феакийского корабля уже утерян, и в сказочной роскоши феаков отложились, вероятно, воспоминания о культуре Крита.

Ст. 323. Радамант — критский герой.

Книга восьмая

Ст. 35. Состав экипажа определяется здесь в 52 человека — 50 гребцов, капитан и кормчий. Судя по перечислению кораблей в Илиаде (кн. II), гомеровское судно имело либо 50, либо 120 гребцов.

Ст. 41. Владыки и судьи. В подлиннике: цари (см. прим. к кн. VI, ст. 54); скипетр, как обычно у Гомера, знак власти. «Владыки и судьи» введено Жуковским и в ст. 46.

Ст. 45. Романтическая концепция поэта, который воспевает все, «что в его пробуждается сердце», конечно, чужда Гомеру. В подлиннике гораздо более простая мысль: божество (т. е. Муза) даровало ему предпочтительно перед прочими искусство услаждать пением, о чем бы ему ни захотелось петь.

Ст. 55. См. прим. к кн. IV, ст. 785.

Ст. 63. В подлиннике: «Муза особо возлюбила его и одарила его добром и злом». В гомеровских поэмах неоднократно встречается мысль, что достаточно счастлив уже тот, кому боги в равной доле посылают добро и зло (напр. Илиада кн. XXIV, ст. 525 и сл.). При рождении — добавлено Жуковским.

Ст. 82. Бедствия, ниспосланные Зевсом на троян и данаев, — троянская война.

Ст. 94. Заметил и понял причину — ошибочный перевод; в подлиннике: «обратил внимание и приметил».

Ст. 111. Приводимые здесь имена феакийцев почти все образованы от слов, имеющих отношение к морю и морскому делу.

Ст. 187. Камень. — В подлиннике: «диск».

Ст. 219—228 обычно считают интерполяцией, т. к. Алкиной в ст. 577—586, повидимому, еще не знает, что его гость принимал участие в троянском походе. Но, может быть, прав тот античный комментатор, который указывает, что поэт, распространяясь об искусстве Одиссея в стрельбе из лука, исподволь готовит слушателя к сцене убийства женихов. Старшее поколение героев (ст. 223) мыслится у Гомера более могучим, чем младшее.

Ст. 249. Сладострастные бани — в подлиннике: горячие.

Ст. 285. Златоуздный — правильнее: блистающий золотом (оружия).

Ст. 301. На обе хромающий ноги — очень сомнительный перевод эпитета Гефеста: Амфигиэй.

Ст. 318. По старинному праву муж, отсылающий жену к родителям за ее вину, может взыскать заплаченный за нее выкуп.

Ст. 322. Дароносец — податель благ (перевод эпитета: Эриун).

Ст. 348. Арес должен заплатить Гефесту за бесчестие; уплата пени происходит, как всякий официальный акт, при свидетелях

Ст. 361. Во Фригию — ошибка: во Фракию.

Ст. 379—380. Вряд ли правильный перевод. Повидимому, юноши не топают ногами, а хлопают в ладоши в такт пляшущим.

Ст. 390—391. Владыки, праведно строгие судьи — соответствуют, как обычно, «царям» подлинника (см. прим. к кн. VI, ст. 54). Главный — также добавление Жуковского.

Ст. 448. С узлом были соединены различные магические представления: узел держит то, что им скреплено. Вместе с тем, способ завязывания узла играл роль своего рода печати и был тайной владельца вещей.

Ст. 453. Нимфы — служащие Одиссею у Калипсо, созданы Жуковским. В подлиннике говорится: «тогда за ним постоянно был уход, как за богом».

Ст. 533. См. прим. к ст. 94.

Ст. 554. В сладостный дар — не совсем уместное прибавление Жуковского.

Книга девятая

Ст. 24—25. Вопрос о местоположении упоминаемых здесь четырех островов (Зам, Дулихий, Закинф и Итака) довольно сложен. Закинф и Итаку уже в древности отожествляли с теми.

островами, которые сохраняют эти имена и в настоящее время. Зам обычно отожествляется с островом Кефалленией. Локализировать Дулихий, однако, не удалось, и, что самое важное, представление поэта, будто Итака является западной оконечностью всей островной группы, отнюдь не соответствует действительности, так как Итака находится к востоку от Кефаллении. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что большой остров Левкада, составляющий северную оконечность группы, нигде в Одиссее не упоминается. Все эти трудности заставили немецкого археолога Дерпфельда, сподвижника и продолжателя раскопок Шлимана, выступить с оригинальной гипотезой, нашедшей много сторонников. Согласно Дерпфельду, гомеровская Итака не является тем островом, который стал впоследствии носить это имя, а должна быть отожествлена с Левкадой; позднейшая Итака — это гомеровский Зам, а Кефаллення — Дулихий. Однако, тщательные изыскания, проведенные рядом исследователей, обнаружили, что топографические данные Одиссеи вплоть до подробностей правильны, если иметь в виду историческую Итаку, и совершенно не подходят к Левкаде.

Отожествление Итаки с Левкадой не разрешает, таким образом, проблемы, и гомеровская Итака, повидимому, совпадает с исторической. Получается парадоксальное положение: точная осведомленность в топографии Итаки и полная неосведомленность относительно ее места среди других островов. Можно предположить, что в материалах сказаний об Одиссее имелись сведения об Итаке, основанные на непосредственном знакомстве с местностью, между тем как общая картина расположения западногреческих островов была плохо известна автору Одиссеи, — по всей вероятности, ионийцу.

Ст. 64—66. Смысл обряда, совершаемого Одиссеем, заключается в том, что души умерших, будучи трижды призваны, последуют за отъезжающим и вернутся на родину, где их ожидает кенотаф (прим. к кн. I, ст. 287).

Ст. 82 и слл. Эпизод посещения страны лотофагов (пожирающих лотос) содержит известный ряду мифов и сказок мотив вкушения пищи, привязывающей к месту вкушения и заставляющей забыть о прошлом. В сказках сюжета забытой невесты нередко встречается вариант, где юноша (царевич) забывает невесту именно после вкушения какой-либо пищи. В гностическом гимне души из «Деяний Фомы» царевич повествует о том, как он отправился в Египет на поиски жемчужины, охраняемой змеем: египтяне «заметили, что я не их земляк... и дали мне вкусить своей пищи, — я позабыл, что был царевичем, и служил их царю. Я позабыл о жемчужине, за которой меня послали мои родители; от тяжести их пищи я погрузился в глубокий сон». Аналогичный мотив встречается и в путешествии царя Гормо (см. прим. к кн. VII, ст. 30). Генетически мотив этот, по всей вероятности, восходит к представлениям о подземном царстве, преисподней: в греческом мифе похищенная Плутоном Персефона, вкусив в преисподней яблока, не может быть уже

возвращена из подземного царства; кто выпил воды в преисподней (вода Леты), немедленно забывает о своем прошлом. В гомеровском эпосе этот сказочный мотив смягчен до этнографического рассказа о чудесах дальних земель: лотос настолько приятен, что вкусивший его по собственной воле остается в стране лотофагов. Реальным субстратом представления о народе, питающемся лотосом и не знающем хлеба, являются, по мнению В. Берара, культуры северо-африканских народов, питавшихся финиками и продуктами скотоводства и не употреблявших в пищу хлеба.

Ст. 105 и сл. Рассказ об ослеплении циклопа Полифема является древнейшим литературно засвидетельствованным вариантом широко распространенной в европейском фольклоре сказки, точнее — двух сказок, самостоятельно существующих и объединенных в Одиссее в связное повествование. Первая сказка, в своей развернутой форме, состоит из трех эпизодов. 1) Ослепление великана, которое происходит либо так, что у великана выкалывается глаз во время сна (как в Одиссее), либо так, что герой сказки берется вставить великану второй глаз и после того, как тот добровольно дал связать себя, выжигает единственный глаз великана раскаленной массой (так, например, в большинстве русских вариантов сказки). 2) Бегство под шерстью (или в шкуре) барана или какого-нибудь другого домашнего животного. 3) Ослепленный великан дарит герою некий волшебный предмет, обычно — кольцо, которое прочно пристает к пальцу героя и либо лишает героя возможности двигаться, либо криком «я здесь» выдает великану местонахождение ослепившего: для того, чтобы спастись, герой вынужден отрезать себе палец. В некоторых сказках последствием этого оказывается гибель великана так как герой бросает отрезанный палец в воду, а слепой великан, следуя зову кольца, попадает в воду и тонет. Этот эпизод в Одиссее отсутствует, но представлен рудиментарно (см. прим. к ст. 517) и, вероятно, устранен в ней, как не подходящий для рассказа об Одиссее. Совершенно независимо от этой сказки и лишь изредка с ней объединяясь, существует другая сказка, где герой, нанесший ранение духу (лешему, кобольду и т. п.), счастливо избегает мести со стороны товарищей раненого, предусмотрительно назвав себя «Никто» или «Сам»: товарищи спрашивают пострадавшего, кто его изувечил, но, получив в ответ «Никто» (или «Сам»), отказываются от вмешательства. Объединение этих двух сказок встречается, повидимому, лишь в тех фольклорных вариантах, которые оформлены уже под некоторым влиянием гомеровского рассказа и его восточных реплик (например, рассказа о третьем путешествии Синбада в «1001 ночи»), и в самом гомеровском рассказе сохранились некоторые следы неполного амальгамирования двух самостоятельных сказаний (см. прим. к ст. 331, 379).

Ст. 125. Красногрудые корабли, точнее: краснощекие. Нос корабля рассматривался, а иногда и разрисовывался, как лицо, и с обеих сторон форштевня покрывался суриком.

Ст. 130. В подлиннике: эти люди (т. е. «искусники») сделали бы им и остров благоустроенным.

Ст. 189—192. Для гомеровского эпоса характерно стремление смягчить грубо-чудесные элементы сказки. В связи с этим следует отметить, что при описании внешности Полифема поэт пропускает наиболее примечательную, казалось бы, черту, а именно то, что у циклопа лишь один глаз, который к тому же находится посреди лба. И в дальнейшем изложении об этом прямо не говорится, хотя весь рассказ построен на том, что достаточно пронзить один глаз циклопа, для того чтобы он ослеп.

Ст. 252—255 — кн. III, ст. 71—74 (см. прим.).

Ст. 331 и сл. В ведении рассказа есть некоторая невнимательность. Одиссей никак не может уже в этот момент установить будущих участников ослепления, так как циклоп, вернувшись домой, несомненно кого-либо съест. И вообще, «хитроумный» герой как-будто оказывается совсем не на высоте положения: если бы он составил план ослепления циклопа ночью (после ст. 305), четверо товарищей были бы спасены. По ходу сказки, ослепление уже тогда должно было иметь место, но желание ввести в повествование эпизод о «Никто» заставило удлинить рассказ введением лишнего дня и привело к указанной непоследовательности.

Ст. 339. Перевод не совсем удачен. Смысл подлинника: «самому ли ему пришла эта мысль, или так повелело какое-нибудь божество» (благосклонное к Одиссею, так как, лишь благодаря этому, Одиссей и его спутники получают возможность выбраться из пещеры).

Ст. 379. Сырой — в подлиннике: «свежий», «зеленый». Это не вяжется со ст. 328 и сл., согласно которым острие кола уже было предварительно обожжено. Вероятно, и здесь — остаток первоначального рассказа, где ослепление циклопа происходило немедленно же, в первую ночь. С введением лишнего дня (см. прим. к ст. 331) Одиссей получает возможность действовать по заранее обдуманному плану и подготовить орудие ослепления.

Ст. 426. Руно их как шелк волновалось — анахронизм переводчика: шелк не известен гомеровской поэзии. В подлиннике: «с черною шерстью».

Ст. 482 и сл. Утес, пролетевший над судном, в пучину рухнул так близко к нему, что его черноострого носа чуть не расшиб — попытка Жуковского исправить бессмысленность греческого текста: «кинул его так, что он упал впереди лазурноносого судна (на незначительном расстоянии и едва не задел вершины руля)». Заключенные в скобки слова соответствуют 483 ст. подлинника, который представляет собою дословное повторение 540 ст. (в переводе: «так близко к нему, что едва не расплюснул нашей кормы»), где он, действительно, на месте, так как расшибить руль мог утес, упавший позади корабля, у кормы, но не впереди, у носа. 483 ст. уже в древности рассматривался как интерполи-

рованный, и этой же точки зрения держатся современные издатели Одиссеи.

Ст. 491. На двойном расстояньи — характерная для эпоса стоячая формула. Если в первый раз Одиссей удалился от циклопа на расстояние голоса (ст. 473—474), то очевидно, что на двойном расстоянии его нельзя было услышать.

Ст. 503. Единственный — добавление Жуковского. Как было указано в прим. к ст. 189, поэт избегает прямых упоминаний об одном глазе циклопа.

Ст. 517. Предложение одарить Одиссея — рудимент того эпизода сказки, где ослепленный великан дарит ослепившему волшебное кольцо (см. прим. к ст. 105). Но в греческом эпосе место волшебного кольца, открывающего великану местонахождение врага, заняла похвальба самого Одиссея, дважды чуть не приведшая его к гибели. И если герой сказки отделывается потерей пальца, для Одиссея ослепление циклопа становится источником многочисленных напастей в силу проклятия Полифема и гнева Посидона.

Книга десятая

Ст. 1 и сл. Об Эоле — типичное сказание мореплавателей, и имеет ряд параллелей в европейском фольклоре. Представление о ветрах, закупоренных в каком-либо помещении (пещера, мех, мешок) и вылетающих из него, когда затворы снимаются, широко распространено у многих народов, как объяснение внезапного возникновения ветров и бурь. Для ранней греческой науки это представление было настолько привычным, что Эмпедокл изготовлял мешки для уловления ветров. Привычным в древности было и представление о пловучих островах, встречающееся также в западно-европейском фольклоре и, быть может, «вызванное тем обстоятельством, что моряки, искавшие остров на определенном месте, более не находили его там, вследствие неточности лоции» (Радермахер). Рассказ Одиссеи построен на типично сказочной формуле нарушения запрета. Античные географы помещали остров Эола среди Липарской или Эгатской группы, чаще всего отожествляя его с вулканическим островом Стромболи (Липарская группа).

Ст. 81. Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов, Ламосу. Перевод ошибочный; в подлиннике: «мы прибыли к высокому городу Ламоса, Телепилу, страны лестригонов». Имя города — Телепил («широковратный»); Ламос — основатель города. Широкие ворота приписывались Аиду, а Ламос, вероятно, родственен Ламии, женскому вампиру античного и современного греческого фольклора, сосущему кровь детей. Выбор имен связывает, таким образом, повествования о лестригонах с циклом сказаний о посещении преисподней, но этот мифологический момент имеет уже чисто рудиментарный характер. Приглушенными являются и другие черты, роднящие рассказ Одиссеи с различными мифами и

сказками: встреча с девой у ключа, прибытие к великанше, которая, повидимому, дружелюбно встречает пришельцев. В Одиссее эти мотивы утратили всякую сюжетную функцию. Эпизод о лестригонах вообще производит впечатление сильно сокращенного и переработанного сказания, понадобившегося поэту для того, чтобы мотивировать уничтожение кораблей Одиссея. Включение «странствий» в троянскую сагу требовало, чтобы Одиссей отплыл из Трои с целой эскадрой, между тем как отдельные эпизоды «странствий» в своей фольклорной основе были рассчитаны на один корабль. Уже в Циклопии поэт спрятал эскадру на Козьем острове, в то время как Одиссей со своим кораблем направился к острову циклопов; теперь он спешит избавиться от ненужной ему эскадры путем не совсем удачной выдумки, что все корабли входят в пристань, а главное судно, корабль Одиссея, остается у устья. Весьма правдоподобным является предположение Роте, что эпизодом о лестригонах заканчивалась рапсодия, началом которой является вступление к повествованиям Одиссея (VIII, 470 и сл.). Выехав из Трои с 12 кораблями, он к концу рапсодии остается лишь с одним, а в чередовании эпизодов (три эпизода с потерями спутников — киконы, циклоп и лестригоны, между которыми помещены более мирные эпизоды — лотофаги и Эол) наблюдается известная градация, нарастание ужаса.

Ст. 86. В подлиннике: «ибо сближаются пути дня и ночи», т. е. как только наступила ночь, немедленно вслед за ней наступает день. До греков, очевидно, доходили отдаленные слухи о коротких ночах северного лета, точно так же, как сообщения о вечном мраке, окружающем киммерийскую землю (кн. XI, ст. 15—20), отражают, вероятно, рассказы о северной зиме.

Ст. 87 и сл. Реалистическое описание пристани неоднократно вызывало у исследователей впечатление, что речь идет о действительно известной поэту местности; отсюда ряд попыток географической локализации. В то время, как античность искала страну лестригонов в Сицилии или Италии, В. Берар локализует ее на северном побережьи Сардинии; другие исследователи обращаются к восточной части Средиземноморского бассейна, и К. Э. фон Бер указывает, что бухта Балаклавы близко напоминает описание лестригонской пристани.

Ст. 101. Присутствие глашатая придает посольству совершенно официальный характер.

Ст. 108. Артакийский ключ у Кизика (на малоазиатском берегу Мраморного моря) фигурирует и в цикле сказаний об аргонавтах. Там также речь идет о великанах, которые утесами закрывают устье бухты, где находится корабль Арго. Поскольку цикл аргонавтов известен поэту (кн. XII, ст. 70) и, повидимому, является одним из источников «странствий», очень возможно, что Артакийский ключ заимствован из какой-либо поэмы об Арго.

Ст. 133 и сл. Из всех эпизодов «странствий» Одиссея рассказ о Цирцее наиболее полно сохраняет те элементы, которые роднят сказания, переработанные в греческом эпосе, с фольклором современных народов. Сюжет Цирцеи представлен в фольк-

лоре многочисленными вариантами. Близкую параллель представляет один из эпизодов широко распространенной сказки типа «Два брата» из сборника Гриммов (№ 60). Один из братьев, по ходу своих приключений, попадает в дремучий лес, где ведьма превращает его в камень, прикоснувшись к нему жезлом. На поиски пропавшего пускается второй брат и попадает в тот же лес, к той же ведьме. Но он не поддается хитростям ведьмы и силой вынуждает ее вернуть заколдованному человеческий образ; при этом в людей обратно превращаются и многие другие, прежде околдованные ведьмой. В одной корсиканской сказке девушка, по имени Милия, разыскивает своих шестерых братьев, попавших к злой фее, которая всех их обратила в козлов и заперла в стойло. Наученная доброй феей, Милия приходит к ведьме, счастливо избегает вкушения той пищи и принятия тех подарков, которые позволяют ведьме совершить превращение, убивает злую фею и освобождает братьев. В Одиссее сохранены основные линии сказочного сюжета — околдование явившихся к ведьме, выход героя на поиски пропавших, явление чудесного помощника, одоление ведьмы и обратное превращение заколдованных. Но и помимо общих контуров, остался ряд сказочных деталей. Цирцея, как ведьма, живет в темном лесу, в доме, из которого над лесом подымается дым; волшебное растение, которое Гермес (Эрмий) дает Одиссею, лишь с трудом может быть выкопано; остатком сказки является и огромный олень; его сказочная функция, утраченная в Одиссее, состоит в том, чтобы завлечь путника в лес. Некоторые подробности будут даны и в последующих примечаниях (ст. 213, 296). Сама Цирцея — сестра Ээта, отца Медеи, самой знаменитой волшебницы греческой мифологии, и, как традиционная волшебница, она влечет за собою ту атмосферу чудесного, которую поэт старается по возможности смягчить при переработке других сказаний.

Ст. 135. Остров Цирцеи древние отожествляли с горой, некогда составлявшей остров, а ныне полуостров, выдвигающийся в море над низменностью Лациума, на западном побережьи Италии. Поэт Одиссеи, вероятно, мыслил Цирцею, сестру колхидского царя Ээта и дочь Солнца (Гелиоса), живущей не в западных, а в восточных водах, где-нибудь в глубине Черного моря (ср. кн. XII, ст. 4).

Ст. 137. Дева — прибавление Жуковского.

Ст. 178—179. Снявши верхние платья — в подлиннике: «снявши с себя покровы», т. е. отбросив одежду, которую они натянули на голову себе в знак траура по погибшим в земле лестригонов товарищам.

Ст. 190—192. Очень неясные стихи, не нашедшие удовлетворительного толкования; быть может, свойственная языку мореплавателей метафора для обозначения полной безысходности.

Ст. 208. Нормальный состав экипажа — 52 человека (включая капитана и кормчего; см. прим. к кн. VIII, ст. 35). Так как Одиссей, очевидно, делит дружины между собой и Эврилохом поровну, и в дружине оказывается по 22 человека, поэт насчи-

тывает на корабле Одиссея 46 человек, т. е. принимает во внимание гибель шести спутников Одиссея в пещере циклопа. Правда, согласно кн. IX, ст. 60, на каждом корабле погибло по 6 человек от рук киконов, и корабль Одиссея таким образом потерял уже 12 человек, но поэт, вероятно, просто не учитывает случайно оброненной фразы о гибели 6 человек на каждом корабле, и выводы, которые иногда делаются на основании этого подсчета, будто эпизод с киконами не подлинный, вряд ли основательны.

Ст. 213. Питьем очарованным их укротила Цирцея — в подлиннике: «она сама их заколдовала злыми зельями». У Жуковского фраза получает тот смысл, что Цирцея сделала диких зверей ручными, напоив их волшебным напитком; греческий текст более благоприятствует иному толкованию: звери Цирцеи не настоящие звери, а обращенные ею в зверей люди, такие же, как те свиньи, в каких волшебница вскоре превратит товарищей Одиссея. Эта черта встречается и в родственных сказках (см. прим. к ст. 133).

Ст. 234. Прамнейское — густое, красное, очень крепкое вино (с горы Прамны). Слово «светлое» добавлено Жуковским от себя.

Ст. 236. Ср. прим. к кн. IX, ст. 82.

Ст. 237—238. Ударом быстрым жезла загнала — в подлиннике: «ударив жезлом, погнала», — т. е. жезл имеет магическую силу, является орудием превращения и, очевидно, завершает действие волшебного напитка (ст. 320—328).

Ст. 295. «Умертвить» богиню, в сущности, невозможно; вероятно, и здесь рудимент сказочного сюжета, оканчивавшегося гибелью ведьмы (см. прим. к ст. 133).

Ст. 305. Моли — волшебная трава, соответствующая цветущему папоротнику русского фольклора, германской альрауне и т. п. Какое именно растение следует понимать под моли, было неясно уже для древних. Поэт употребил сакрально-архаическое слово, как это обычно делает, когда ссылается на «язык богов» (ср. прим. к Илиаде, кн. I, ст. 399). Людям опасно с корнем его вырывать из земли — правильнее: «людям трудно выкапывать его»; то же имеет место в представлениях об альрауне.

Ст. 350. На службе у Цирцеи находятся нимфы.

Ст. 368—372 подлинника [в переводе: *Тут принесла* (386), — *выданным ею охотно* (372)], представляющие собой повторение кн. I, ст. 134—138, отсутствуют в лучших рукописях и являются, вероятно, интерполяцией.

Ст. 390. Девятигодовалых, — т. е. больших, взрослых.

Ст. 441. По объяснению античных комментаторов, Эврилох был мужем сестры Одиссея.

Ст. 472. Несчастный — правильнее, странный, чудной (ср. прим. к Илиаде, кн. I, стр. 561).

Ст. 490. Необходимость посещения подземного царства совершенно не мотивирована. Поэт пожелал сохранить этот элемент

сказания, являющийся в глазах современных мифологов исходной формой сюжета о странствиях, и, не найдя убедительной мотивировки, ввел его помощью предсказания Цирцеи. Некоторые исследователи считают весь эпизод посещения Гадеса вставкой в уже законченную поэму о странствиях Одиссея.

Ст. 492. Обладавшего разумом зорким. Ошибочный перевод. В подлиннике: «сохранившего неприкосновенной грудобрюшную преграду», т. е. разум (грудобрюшная преграда является в гомеровском эпосе средоточием мыслительной деятельности, см. прим. к Илиаде, кн. XXIII, ст. 103). Согласно гомеровской концепции загробной жизни, душа — бесплотная тень, лишенная сознания, и если для Тирезия Фивского сделано исключение, то в этом следует видеть отзвук реальных верований, переработанных поэтом и приспособленных к ситуации Одиссеи. Одним из элементов греческой религии являются хтонические (подземные) оракулы, и эти оракулы иногда приписывались провидцам, поглощенным землей и продолжающим жить в ее глубинах. К числу этих провидцев принадлежал, вероятно, и Тирезий. По гомеровским представлениям все души мертвых собраны в Гадесе, и поэт, создавая сцену вопрошения оракула у умершего, переносит Тирезия в Гадес, но создает для него особое положение: сохранивший грудобрюшную перепонку, Тирезий не является в полной мере умершим.

Ст. 507 и сл. Борей, т. е. северо-восточный пассат, должен привести Одиссея к Гадесу, который мыслится за океаном, на далеком западе.

Ст. 510. Как тополь, так и ива принадлежат к так называемым двудомным деревьям, т. е. одни его экземпляры дают только мужские (тычинковые), другие — только женские (плодниковые) цветы. . . Если поэтому ивы и тополи стоят одиноко или группами экземпляров одного только пола, то они не могут оплодотворяться, они «теряют свои плоды». Конечно, процесс оплодотворения растений не был известен Гомеру, — оттого то он и употребил здесь слово «плоды», вместо «неоплодотворенные цветы», но само явление теряния «плодов» было замечено и им и его слушателями, и вот причина, почему он неплодное царство теней украсил именно ивами и тополями (Ф. Ф. Зелинский, Из жизни идей. Т. II. Древний мир и мы. Изд. 3-е. СПБ. 1911, стр. 67). Черный цвет тополей также связан с царством смерти.

Ст. 518 и сл. Описываемые здесь возлияния и жертвы реально применялись в греческом культе мертвых. Подземным силам приносились в жертву животные черного цвета. В связи с бесплодием мертвых, выбирается корова, не имевшая тельцов (ст. 522).

Ст. 528. А сам обратясь к Океану. В подлиннике подробнее: а сам отвернись назад, обратясь к водам реки (т. е. Океана). Предписание отвернуться основано на распространенном и в новое время верования, что для человека опасно смотреть на божество или душу умершего. И Левкотея (кн. V, ст. 350) запрещает Одиссею оборачиваться назад: Одиссей должен вер-

нуть ей покрывало, «глаза отвратив», т. е. бросив его назад через свое плечо. Подобно этому, в ночь Лемурий римлянин бросал, не оборачиваясь, через плечо, сакральные черные бобы в жертву душам предков. Так и в русских сказках юноша, отчитывающий мертвую царевну-волшебницу, которая встает по ночам из гроба, не должен оборачиваться и смотреть на нее: иначе он погибнет.

Ст. 535. Оружие, в особенности металлическое, рассматривается в античных и современных поверьях как верное средство отгонять духов.

Книга одиннадцатая

Ст. 14. См. прим. к кн. X, ст. 86.

Ст. 38—43. Античные филологи признавали эти стихи интерполированными, так как они совершенно не гармонируют с обычными гомеровскими представлениями о царстве теней, и эту же точку зрения принимают многие современные издатели. Поскольку весь эпизод пребывания Одиссея в царстве теней построен на компромиссе между эпической религией и реальными верованиями, это «противоречие», быть может, следует приписать самому поэту. Что же касается тех категорий душ, которые здесь перечисляются, следует отметить, что по греческим верованиям к наиболее злым и мстительным душам принадлежат, с одной стороны, души детей и вообще всех умерших без брака и потомства, а, с другой стороны, души погибших насильственной смертью.

Ст. 51. Явление Эльпенора Одиссею напоминает сцену XXIII книги Илиады, где Ахиллесу является тень непогребенного еще Патрокла; и если в основе сцены Илиады лежит представление, что душа умершего окончательно успокаивается в Гадесе лишь после того, как на земле совершены все погребальные обряды (см. прим. к Илиаде, кн. XXIII, ст. 65), то непогребенный Эльпенор также занимает особое положение: его душа первая является Одиссею, не нуждается еще во вкушении крови, для того чтобы к ней вернулось сознание, другими словами — еще сохраняет сознание.

Ст. 112—113. Перевод ошибочный. В подлиннике: «тогда я тебе пророчу гибель кораблю и товарищам». Гибели самого Одиссея Тирезий не предрекает.

Ст. 123. Сохранившиеся сведения о мифах, связанных с именем Одиссея, не дают возможности определить ту далекую от моря страну, которая намечена в туманных словах прорицания Тирезия. В античности существовало мнение, основанное, быть может, на недошедших до нас сказаниях, что речь идет об Эпире. С другой стороны, аркадяне, наиболее удаленное от моря греческое племя, приписывали Одиссею введение у них культа Посидона, и на монетах города Мантинеи изображался Одиссей с веслом. Люди, живущие далеко от моря, не солят пищи: представление, характерное для племен, добывающих соль из морской воды.

Ст. 172—173. См. прим. к кн. III, ст. 280.

Ст. 185. Согласно хронологии Одиссеи сватовство женихов к Пенелопе началось за 3—4 года до возвращения Одиссея (кн. II, ст. 89); путешествие Одиссея в Гадес отделено от его возвращения семилетним пребыванием у Калипсо (кн. VII, ст. 259), так что Антиклея умерла задолго до появления женихов.

Ст. 225 и слл. «Каталог героинь», праматерей знатных родов, обычно считается вставкой, которая по существу совершенно не связана с повествованием Одиссеи, а по форме не свойственна гомеровскому стилю и скорее приближается к «каталогам» генеалогического эпоса школы Гезиода. Возникновение такой интерполяции очень легко объяснить. В идеологии греческой аристократии очень значительную роль играло генеалогическое возведение правящих родов к богам, и мифы о сочетаниях богов со смертными женщинами, положивших начало знатным родам, пользовались усиленным вниманием и неоднократно разрабатывались эпическими певцами (в числе произведений Гезиода имеется так называемый «каталог женщин»). Мифы о прародительницах восходят, вероятно, к эпохе матриархата; сочетание смертной прародительницы с мужским божеством является уже результатом переосмысления мифа в патриархальной религии. Аудитория рапсода, исполнявшего Одиссею, могла быть заинтересована в том, чтобы услышать имена прародительниц. Правда, такая вставка в интересах слушателей могла быть сделана и самим автором и притом в такой форме, которая позволяла бы варьировать имена и мифы, приспособляясь к каждой данной аудитории. Но если бы даже «каталог» и принадлежал творцу Одиссеи, мы ни в коем случае не можем быть уверены в том, что он сохранен в подлинном виде, так как местный патриотизм мог побуждать рапсодов к внесению различных изменений в «каталог».

Ст. 268. Целомудренно — добавление Жуковского, основанное на мифе о том, что Зевс явился Алкмене в виде ее мужа Амфитриона. По представлениям греческой аристократии сочетание героини, хотя бы и замужней, с божеством было отнюдь не преступлением, а, наоборот, высокой честью.

Ст. 291. Прорицатель — Меламподе (Меламп), см. в словаре: Пера.

Ст. 303. См. в словаре: Кастор.

Ст. 316. Миф, параллельный библейскому мифу о вавилонской башне. В Одиссее боги мыслятся живущими на небе, и «боги на Олимпе» являются лишь традиционной поэтической формулой.

Ст. 321—325, вводящие героинь аттической мифологии, подозрительны, как афинская интерполяция. Намеки ст. 325 являются следом какой-то неизвестной нам версии мифа об Ариадне, имевшего в древности множество вариантов. Основное содержание мифа сводится к следующему: в большом круглом здании с круглыми переходами, критском лабиринте, живет Минотавр, получеловек, полубык, сын Пасифаи, жены критского царя Миноса,

и быка, некогда подаренного Миносу Посидоном. Ежегодно афиняне отвозят на съеденье Минотавру семь юношей и семь девушек. В числе обреченных отправляется на Крит афинский герой Тезей. В него влюбляется дочь Миноса, Ариадна, и дает ему волшебный клубок, по распутанной нитке которого Тезей, убив Минотавра, благополучно выходит из лабиринта, Ариадна убегает вместе с Тезеем в Афины, но Тезей покидает ее в пути. Тема разлуки и дальнейшая судьба покинутой представлены различными вариантами: Тезей тайком покидает на острове Наксосе спящую Ариадну или он оставляет ее на острове Дие; Ариадна или умирает на острове, пораженная стрелой Артемиды, или она только спит и, проснувшись, становится женой бога Диониса. В Одиссее след другой версии. Ариадна убита на острове Артемидой, «по наущению» самого Диониса-Вакха, из-за каких-то сделанных им «разоблачений». В мифическом Дие, «Зевсовом», или «божественном» острове, древние склонны были видеть либо остров Наксос, либо небольшой островок у самых берегов Крита, расположенный в море напротив города Кносса.

Ст. 333. «Интермеццо», разбивающее на две части повествование Одиссея о его путешествиях в Гадес, вероятнее всего объясняется тем, что со стиха 333 начинается новая рапсодия.

Ст. 334. В светлой палате. В подлиннике наоборот: в обильной тенью палате («в потемневшем чертоге», как обычно переводит это выражение Жуковский, см. прим. к кн. I, ст. 361).

Ст. 338. Одиссей — гость Ареты, так как именно к ней он обратился с просьбой о покровительстве (кн. VII, ст. 141 и сл.).

Ст. 373. Прибытие Одиссея к феакам и его возвращение на родину, приурочено к зимнему времени, см. прим. к кн. V, ст. 270.

Ст. 424. Хладную руку к мечу протянуть — вольный перевод не вполне понятного текста: «я попытался поднять руки (защищая Кассандру?), но опустил их к земле, умирая вокруг меча» (т. е. пронзенный мечом).

Ст. 430. Богами ей данному — неудачный домысел Жуковского, привносящий в греческий эпос чуждые ему представления.

Ст. 454—456 исключались из текста во многих античных изданиях, как интерполяция, совершенно не соответствующая той характеристике Пенелопы, которая только что была вложена в уста Агамемнона и выдержана на протяжении всей Одиссеи.

Ст. 471. Внук Эаков — Ахиллес.

Ст. 521. См. в словаре: Эврипил.

Ст. 523. Конь, сотворенный Эпеосом, — деревянный конь, скрывшись в котором, греки захватили Трою.

Ст. 545. После смерти Ахиллеса Одиссей и Аякс спорили за обладание его доспехами, которые мать Ахиллеса Фетида назначила в награду тому, кто наиболее отличился в деле спасения трупа ее сына. Не зная, кому отдать предпочтение, ахейцы, по совету Нестора, отправили лазутчиков под троянские стены в надежде, что удастся подслушать мнение троян о заслугах обоих

витязей. Лазутчики услышали разговор троянских девушек, и их суждение в пользу Одиссея, внушенное покровительствовавшей Одиссею Афиной, решило спор. Огорченный Аякс в припадке безумия, стал уничтожать стада, которые составляли ахейскую добычу, усматривая в них неприятеля; когда же он, придя в себя, увидел то, что совершил, он немедленно покончил с собой. Так рассказывается в Малой Илиаде, и Жуковский несколько приспособил свой перевод к этой редакции сказания. В подлиннике сказано лишь: «приговор произнесли дети троянцев и Паллада Афина».

Ст. 565—627 античная критика признала интерполяцией, и в пользу этого вердикта древних филологов можно привести ряд соображений. Рассматриваемый отрывок дает группу пластических образов в стиле совершенно отличном как от бесед Одиссея с матерью и боевыми товарищами, так и от каталога «героинь», и предполагает иную ситуацию, чем та, на которой построена вся XI книга. Весь эпизод в целом основан на предположении, что Одиссей не проникает внутрь Гадеса, а остается у входа. и души являются к нему на запах крови; поэт рисует сцену вызывания мертвых, а не сошествия в преисподнюю, и по самому замыслу избегает изображения преисподней и ее обычных образов (пес Кербер и т. п.); между тем, почти все фигуры рассматриваемого отрывка даны так, как будто Одиссей находится внутри Гадеса. Уже это ничем не обоснованное нарушение ситуации, задуманной поэтом и выдержанной по всей книге в отношении как привлеченного, так и устраненного материала, вызывает серьезные сомнения в подлинности отрывка. Самый переход (ст. 565—567) от попытки завязать разговор с Аяксом к фигурам, находящимся внутри Гадеса, построен неудачно. Эффект концовки с суровым молчанием Аякса, скрывающегося в глубине Эреба, теряет свою силу при оговорке: «может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним» (ст. 565), и опять-таки непонятно, как этот разговор мог бы иметь место, если Аякс удалился внутрь Гадеса, а Одиссей остается наверху у входа (это предположение формально сохранено и в рассматриваемом отрывке, ср. ст. 627). По содержанию отрывок несовместим не только с обычными гомеровскими представлениями о тенях Гадеса, но и с теми компромиссными конструкциями, помощью которых осуществлен эпизод посещения царства теней. Если там предполагалось, что бесплотные тени приобретают сознание лишь напившись крови, и полным сознанием обладает только Тирезий, все фигуры данного отрывка сохраняют полную телесность: Орион и Геракл продолжают заниматься в Гадесе тем же, что составляло их основную деятельность на земле; Титий, Тантал и Сизиф обречены на вечные муки, — стало быть, способны их ощущать; Минос даже творит суд, и умершие ожидают его приговора, обладают, таким образом, полным сознанием, которое уже является в Гадесе общим уделом, а не даруется в виде исключения отдельным лицам. Все это отвечало массовым верованиям, но чрезвычайно далеко от миросозерцания прочих частей эпоса.

Некоторая уступка этим верованиям наблюдалась уже в сцене с Ахиллесом (он приходит в сопровождении друзей — ст. 468, являет свою мощь среди мертвых — ст. 485), но эта уступка оправдана тем, что дала возможность поэту красноречиво высказать устами Ахиллеса свое убеждение в полной безрадостности загробного существования (ст. 488—491). Здесь же такая уступка (и притом гораздо более значительная) ничем не оправдана. Наконец, рассматриваемый отрывок плохо связан не только с предыдущим, но и с последующим. Стихи 628 и сл., где Одиссей остается на месте в напрасном ожидании, не явится ли к нему кто из героев прошлых поколений, гораздо более понятны после окончания разговора с товарищами по троянской войне, чем в нынешнем контексте, после того как перед слушателем продефилировал уже ряд этих фигур; по существу, поэту нужны лишь те тени, в беседе с которыми он может рассказать о событиях, лежащих между действием Илиады и действием Одиссеи, и упоминание о «прежних мужах» сделано лишь для того, чтобы мотивировать устранение этого материала (ст. 632 и сл.) Весь отрывок (ст. 565—627) гладко изымается из контекста и ст. 628 является непосредственным продолжением ст. 564. Все эти соображения заставляют считать ст. 565—627 вставкой в текст Одиссеи, и этой точки зрения держится огромное большинство исследователей. Вставка, вероятно, вызвана была желанием ввести в поэму популярный материал, без которого картина Гадеса казалась неполной. Некоторые ученые приписывают эту интерполяцию орфикам, мистической группе VI в., широко пропагандировавшей и этически углублявшей намеченную уже в массовых верованиях идею загробного воздаяния. Гомеровскому эпосу эта идея совершенно чужда и в гомеровских поэмах встречается лишь в рудиментарном виде; но и в рассматриваемом отрывке она ничем не выражена. Современный читатель, привыкший встречать в описаниях «ада» рассказы о муках грешников, должен обратить внимание на то, что Титий, Тантал и Сизиф обречены на муки не как «грешники» и не за «пороки», а как люди, нанесшие богам жестокие личные оскробления и ставшие поэтому объектом особо жестокой мести со стороны богов. Загробная кара является лишь исключением, отнюдь не мотивированным какой-либо этической концепцией.

Ст. 581. К Пифию — правильнее: в Пифо, т. е. в Дельфы, к пифийскому оракулу.

Ст. 587. Демон — см. прим. к кн. II, ст. 135.

Ст. 604. В культе Геракла (Иракла) обряды почитания героев перекрещиваются с обрядами почитания богов небожителей: его чтили одновременно как предка-героя и как бога. Соответственно этому и миф об его кончине имеет двоякий аспект. Геракл умирает, и бесплотный призрак его отлетает в область Аида — это одна форма мифа. Другая: Геракл не умер, а взят на небо живым, получил в удел бессмертие, и боги дали ему в жены богиню, дочь Зевса и Геры — Гебу. В ст. 602—604 сделана попытка объединить обе версии: Геракл «сам» на небе,

а призрак его в Аиде. Античная традиция приписывала авторство этих трех стихов (в переводе — начиная со слов: «один лишь», ст. 601) орфику Ономакриту, одному из членов комиссии Пизистрата, редактировавшей текст гомеровских поэм, и, повидимому, мы имеем здесь дело с «интерполяцией в интерполяции». Для автора большой интерполяции (ст. 565—627) Геракл также не являлся богом, как он им не является в подлинном гомеровском эпосе (Геба у Гомера всегда девственное божество).

Ст. 611. Перевязь Геракла орнаментирована сценами его «подвигов».

Ст. 621. Недостойный муж — трусливый, злой Эврисфей, которому Геракл был обречен служить и по поручению которого он совершал свои «подвиги».

Ст. 623. Пес — Кербер (Цербер); имя это ни разу не упоминается в гомеровских поэмах. Троеглавого — добавление Жуковского, сделанное на основании более поздних представлений о Кербере.

Книга двенадцатая

Ст. 4. Легкие Оры ведут хороводы — комментарий переводчика; в подлиннике: «где жилище туманной Зари, и пляски, и восход солнца».

Ст. 38. Что потом и от бога услышишь — неправильный перевод; в подлиннике: «и божество само напомнит тебе (мои указания, если ты их забудешь)».

Ст. 59. Прежде (ст. 59) и после (ст. 73) — вряд ли правильный перевод. В подлиннике, повидимому, не последовательность, а альтернатива: с одной стороны находятся Бродящие утесы, с другой — Скилла и Харибда. Это и есть те две дороги, между которыми Одиссей должен сделать свой выбор.

Ст. 61. Бродящие утесы (у Гомера «Планкты», у других авторов «Плегады» или «Симплегады»), смыкающиеся в тот момент, когда между ними проходит судно, фигурируют в цикле сказаний об аргонавтах, на которые наш текст и ссылается (ст. 69—72). Поверье это нередко встречается в фольклоре мореплавателей. Однако, в изложении Одиссеи момент смыкания отсутствует: поэт, повидимому, представляет себе бурное волнение вокруг вулканических (ст. 68) масс, которое кидает корабли на утесы (ст. 71).

Ст. 73. См. прим. к ст. 59.

Ст. 129—130. Семь стад Гелиоса (Солнца) по пятьдесят штук в стаде истолковываются как мифологический образ пятидесяти недель, составляющих год по применявшемуся у греков лунному календарю. Быки и бараны (правильнее было бы переводить: коровы и овцы) являются соответственно метафорами дня и ночи.

Ст. 137—141 тожественны с кн. XI, ст. 110—114 (в переводе это тожество сохранено за исключением последнего стиха). По поводу перевода см. прим. к кн. XI, ст. 112.

Ст. 202. Дым и волненье великое — признак того, что судно приближается к Бродящим утесам (ст. 59 и сл.).

Одиссей приказывает поэтому вести судно по направлению к Скилле и Харибде (ст. 219—221).

Ст. 312. Треть совершилася ночи — неправильно. Смысл подлинника: «была последняя треть ночи; звезды уже склонились» (на онпол, т. е. на «противоположный край» неба).

Ст. 332 = кн. IV, ст. 370 (см. прим.), где этот стих значительно более уместен, чем в нашем контексте, хотя ужение морских птиц, действительно, иногда применяется.

Ст. 337. Эпитет теплой в применении к молитве — модернизация Жуковского.

Ст. 344. Жертвоприношение — совместная трапеза божества и участников жертвенной церемонии; часть жертвы сжигается, т. е. поступает к богу, а прочее распределяется между приносящими жертву.

Ст. 357. Среди подготовительных обрядов, предшествовавших закланию жертвенного животного, имело место обсыпание его ячменным зерном (кн. III, стр. 445).

Ст. 375. Античная критика отмечала, что Гелиос, который «все видит, все слышит» (ст. 323), не нуждается в сообщении Лампетии. Это — типичное для гомеровского эпоса противоречие между принципом божественного всеведения и потребностями сюжета (ср. прим. к Илиаде, кн. I ст. 365). Ведь и бога-прорицателя Протея оказывается возможным одолеть при помощи хитрости, которой он не предвидел (кн. IV, ст. 463).

Ст. 389—390. Цель этих двух стихов — объяснить, как Одиссей мог узнать о событиях, имевших место на Олимпе. Избранный поэтом способ повествования, — рассказ в первом лице, вложенный в уста Одиссея, — требовал приемов, отличающихся от обычного эпического ведения рассказа. Для повествования от имени поэта имеется общепринятая в греческом эпосе фикция: поэт получает свое знание от Музы (Музы «все знают»; Илиада, кн. II, ст. 485: Вы, божества, вездесущи и знаете все в поднебесной) и может петь о чем угодно; сфера осведомленности Одиссея, рассказывающего о своих приключениях, естественно, является ограниченной. Поэт и ведет рассказ соответствующим образом, очень редко выпадая из роли. Особого внимания требовала трактовка богов, и характерно, что Одиссей в своем повествовании обычно не специфицирует олимпийцев, а ограничивается неопределенными словами, как «божество», «демон», или приписывает проявления божественных сил Зевсу, как верховному божеству. Исключение составляют два случая: в эпизоде с Цирцеей поэт заменил, в соответствии со стилем эпоса, чудесного помощника сказки Гермесом (кн. X, ст. 275 и сл.), и хотя текст поэмы не дает объяснения, каким образом Одиссей узнал Гермеса во встретившемся ему юноше, узнание это не вызывает затруднений у слушателя, так как гомеровские боги, по усмотрению, дают или не дают признать себя; второй случай — рассматриваемый эпизод, где введена целая олимпийская сцена, что и вызвало необходимость особо мотивировать осведомленность Одиссея. Мотивировка придумана не очень удачно, поскольку во

время визита Гермеса к Калипсо (которую он вообще посетил в первый раз — кн. V, ст. 88) эти боги явно не имели нужды беседовать об убийстве коров Гелиоса; но по ходу приключения Одиссея, который из Тринакии попадает к Калипсо, а от нее к феакам, он мог узнать об олимпийской сцене только от Калипсо, а та живет изолированно от олимпийцев (божественное всеведение здесь, как обычно, в расчет не принимается) и должна была почерпнуть свои сведения у посетившего ее Гермеса; легко можно понять, что поэт не счел нужным в этом случае создавать какой-либо новый эпизод, для того чтобы объяснить осведомленность Одиссея, и ограничился близлежащей мотивировкой, которая нисколько не противоречила его рассказу: Гермес ведь мог сообщить Калипсо о разговоре Гелиоса с Зевсом. Иначе посмотрела на дело гомеровская критика. Античные филологи высказывали на основании этих стихов (а также на основании «противоречия», отмеченного в прим. к ст. 375) мысль, что весь отрывок (ст. 374—390) интерполирован, и эту точку зрения поддерживают некоторые современные исследователи. Читатель может сам судить о степени доказательности этих аргументов; следует также обратить внимание на соображения Г. Финслера, который указывает, что весь эпизод о коровах Гелиоса заострен против олимпийской религии (об этой тенденции гомеровского эпоса см. в общей вступительной статье к Илиаде). Действительно, поэт заставляет олимпийцев усыпить Одиссея в тот самый момент, когда он обратился к ним с молитвой о спасении; убийство коров Гелиоса мотивировано не святотатными намерениями, а жестоким голодом и полной безвыходностью положения; в разговоре Гелиоса с Зевсом жестокость богов и их презрение к людскому горю находит наиболее яркое выражение. Другое направление гомеровской критики сделало из рассматриваемых стихов совершенно иной вывод. Г. Кирхгофф, находя мотивировку ст. 379—380 искусственной и указывая на более мелкие случаи, где неясно, каким образом Одиссей знает то, о чем повествует, — построил гипотезу, согласно которой приключения X и XII книг Одиссеи первоначально рассказывались в третьем лице, от имени поэта, и лишь впоследствии были переделаны в рассказ от имени Одиссея. Детальные исследования техники повествования X и XII книг не подтвердили, однако, этого предположения, а форма рассказа в первом лице является традиционной в жанре «странствий».

Ст. 398. Б и л и — неверный перевод; в подлиннике говорится лишь о том, что спутники Одиссея в течение шести дней питались убитыми коровами, а не о том, чтобы в течение следующих дней повторялись самые убийства.

Книга тринадцатая

Ст. 15. Знать перекладывает свои расходы на народ. Эта любопытная черта греческой социальной жизни встречается в Одиссее и в кн. XIX, ст. 197.

Ст. 40. Радуйтесь — формула приветствия при встрече и прощании.

Ст. 67. Поэт, повидимому, забыл о том, что было рассказано в кн. VIII, ст. 425, 441, и заставил Арету вторично подарить Одиссею мантию и хитон.

Ст. 75. Молчание Одиссея, глубокий сон, в который он погрузился, быстрый ход корабля — остатки мифологической роли феаков, как корабельщиков смерти (см. прим. к кн. VII, ст. 319).

Ст. 105 и слл. Образы каменных кувшинов и станков, за которыми ткут наяды, навеяны, вероятно, причудливостью сталактитовых образований.

Ст. 130. Божественной нашей породы. В подлиннике: «моей породы». Алкиной — внук Посидона (кн. VII, ст. 56 и слл.).

Ст. 135. Посидон недоволен слишком благополучным возвращением Одиссея: бесчестие, нанесенное Посидону феаками, состоит в том, что они оказались в силах благополучно перевезти Одиссея по морю.

Ст. 158. Трудное место. Согласно старинному предсказанию (ст. 172 и слл., кн. VIII ст. 564 и слл.), Посидон, действительно, должен разбить корабль феаков и задвинуть (со всех сторон обложить) их город горою, закрыв им таким образом доступ к морю. Сказка любит такие концовки, объясняющие, почему в настоящее время уже не существует больше чудес прошлого. Посидон намерен это осуществить, но Зевс, очевидно, советует ему нечто иное, а именно — обратить корабль в утес, что должно послужить предостережением феакам. Это чудо не имеет смысла, если город будет все же задвинут горой, и окаменевший корабль является, повидимому, заменой горы. В дальнейшем повествовании осуществляется только превращение корабля в камень; поэт обрывает рассказ на сцене, где феаки молят Посидона не закрывать их города горой, и неясно, мыслит ли он эту последнюю угрозу осуществленной.

Поэтому ст. 158 (в переводе ему соответствуют лишь слова: «потом ты горою задвинешь их город»), по крайней мере в своей традиционной форме, вызывает сомнение. Некоторые издатели Одиссеи следуют античной поправке текста этого стиха, которая придает ему противоположный смысл: Зевс предлагает не закрывать города горой. Другие исследователи считают ст. 158 интерполяцией, неудачным повторением стиха 152. Во всяком случае, ясно, что разговор Посидона с Зевсом мотивирует отклонение от старинной формы мифа, как она выражена в предсказании отца Алкиноя. В. Берар указывает, что на северо-запад от Керкиры (Корфу), которую греки уже в очень раннюю эпоху отожествляли с островом феаков, действительно расположена скала, напоминающая своим видом корабль (современные греки так и называют ее: Корабль). Весьма возможно, что творец Одиссеи уже мыслил феакийскую Схерию тожественной с Керкирой и ввел в поэму упоминание о достопримечательности этого острова.

Ст. 229. Радуйся — см. прим. к ст. 40.

Ст. 272. Финикийцы играли преобладающую роль в морской посреднической торговле между странами Средиземноморья.

Ст. 317. Разгневанный бог разлучил нас. В подлиннике: «когда же мы разрушили возвышенный город Приама, отправились назад на кораблях, и бог рассеял ахейцев, с тех пор я уже не видал тебя, дочь Зевса».

Ст. 322. См. кн. VII, ст. 19 и сл.

Ст. 335. Неправильный перевод. В подлиннике: «у тебя же не возникает еще желания ни узнать, ни спросить, прежде чем ты не испытаешь супругу». Испытание дано не в виде совета Афины (как у Жуковского), а в виде ее фиктивного предположения о замыслах Одиссея. Мотив испытания жены часто встречается в сюжете о возвращении мужа, и, вероятно, фигурировал в какой-нибудь известной поэту версии. В контексте Одиссеи это — рудимент, плохо вяжущийся с окружением и заставлявший античную и современную критику считать ст. 333—338 интерполяцией.

Ст. 343. Умерщвлением — ошибка Жуковского; в подлиннике: «ослеплением» (Полифема).

Ст. 389. Светлоокая — позднейшее толкование эпитета Афины, означающего «совоокая» и являющегося остатком представлений, в которых богам приписывалась животная или полуживотная форма. В культе Афины сова оставалась ее священной птицей.

Ст. 397. В многочисленных вариантах сюжета о муже, расстающемся надолго с женой, пропадающем без вести и неожиданно возвращающемся в тот момент, когда жена уже готовится выйти замуж за другого, — наружность вернувшегося неузнаваема: он так изменился за время своего отсутствия, что никто, даже жена, не узнает его на родине. Обычно он изображается обросшим длинными волосами, с запущенной бородой, в грязном платье, оборванным, нищим-странником. В средневековой немецкой легенде о князе Брауншвейге вернувшийся рыцарь стоит перед родным замком, напоминая своим видом «дикого», в лохмотьях, со свисающими на лоб волосами Подобно этому и Добрыня в русских былинах о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича на Настасье приходит на свадьбу жены под видом незнакомого странника, иногда нарочно меняясь для этого одеждой с каликой. Этот мотив повторяется и в Одиссее. Одиссей приходит к Пенелопе в рубище нищего, а Афина меняет его наружность. Кирхгофф усматривал здесь позднейшую работу редактора, желавшего примирить образ цветущего Одиссея, блистающего здоровьем и силой на острове феаков, с фигурой уродливого старика второй части поэмы. Объяснение, конечно, правильное, но оно именно и предполагает не столько редактора, сколько поэта, отдающего себе ясный отчет во всех предпосылках своего сюжета.

Ст. 422. См. прим. к кн. I, ст. 93 и ст. 268—298.

Ст. 3. Поэт, говоря об Эвмее, охотно пользуется «высоким» стилем, см. вступит. статью, стр. XVII.

Ст. 47. Ср. прим. к кн. VII, ст. 238.

Ст. 57—58. См. прим. к кн. VI, ст. 207—208. Дар и убогий Зевесу угоден — вольная передача поговорки, смысл которой: мы даем немного, но с любовью.

Ст. 36—64. В гомеровских поэмах рабство носит патриархальный характер; рабы нужны только, как дворовая челядь, в составе которой преобладает женская прислуга. В доме Одиссея очень мало рабов мужчин, и это главным образом пастухи: царь обязан угощать дружину и держит большие стада. Взаимоотношения между господином и рабами остаются патриархальными. Дарование рабу поля (в подлиннике: надела), дома и жены представляет собою, повидимому, своего рода отпущение на волю, не получающее еще ясного юридического оформления. Невесту с богатым приданым — вольное истолкование эпитета «многосватанная», употребленного в этом стихе и применяющегося иногда к Пенелопе (напр. кн. IV, ст. 770 — у Жуковского: многославная). Поэт и здесь идет по линии использования «высокого стиля» для повести об Эвмее.

Ст. 71. Неволей — отсутствует в подлиннике. Жуковский имеет в виду миф, рассказанный в «Киприях»: Одиссей не желал отправляться в Трою; когда к нему явились Агамемнон и Менелай, чтобы привлечь его к походу, он притворился сумасшедшим и стал пахать поле плугом, в который одновременно были запряжены вол и конь, но был уличен Паламедом, положившим на его пути младенца Телемаха: Одиссей свернул с пути, и таким образом обнаружилось, что его безумие было притворным. Гомер, однако, не знает или сознательно не упоминает об этой неудачной выдумке хитроумного героя, послужившей темой трагедии Софокла «Неистовый Одиссей».

Ст. 97. Твердыня Зама — смелая замена «твердой земли», «материка», о котором говорится в подлиннике. Слова «на материк» Жуковский опускает и в ст. 100, отчего и искажен смысл всего последующего. Согласно подлиннику, богатства Одиссея состояли, во-первых, из стад на материке, в количестве 12 стад быков, стольких же стад овец и стольких же стад свиней и коз, и пасли их как наемные люди, так и собственные пастухи Одиссея; во-вторых, из стад на Итаке, в количестве 11 козьих стад на краю острова и тех стад свиней, которыми ведает Эвмей. «Царь Итаки может содержать на своем острове лишь свиней на северном лесном плато и коз на покрытых кустарником южных горах; его быки и бараны могут найти корм только на соседних землях. Мы в дальнейшем увидим, что козопас Мелантий приходит в чертог одновременно с свинопасом Эвмеем, каждый со своей оконечности острова; но коровник Филотий, который затем нагоняет их, должен был взять, вместе с коровой, паром» (В. Берар).

Ст. 158—162 почти тожественны с кн. XIX, ст. 303—307. Прежде, чем солнце окончит свой круг (ст. 160) — еще в этом году. Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет — не вполне верный перевод; в подлиннике: «в то время, когда один месяц исчезает, а другой наступает», т. е. в день новолуния. Такая точность определения более уместна в контексте XIX кн., чем здесь, в беседе мнимого нищего с Эвмеем. Античная критика считала ст. 162—164 интерполированными, а современные издатели нередко распространяют этот вердикт на всю клятвенную формулу ст. 158—164. Подозрения эти, вероятно, неосновательны; гомеровскому стилю свойственно применение одинаковых формул, не всегда в полной мере приспособленных к своим контекстам.

Ст. 232. Вождю принадлежит право предварительного отбора части добычи.

Ст. 239. Мы властью народа окованы были. Смысл подлинника, вероятно, иной: «нас сдерживал страх дурной славы в народе».

Ст. 296. Богатства Египта издавна, в критскую и микенскую эпохи, привлекали к себе эгейских пиратов. Египетские официальные тексты нередко жалуются на нападения морских народов или повествуют о победах над ними. Пленные эгейцы зачастую оставались в Египте на службе у фараона. Воспоминание об этих набегах сохранено и греческим эпосом. Ослабевшие после падения микенской культуры сношения с Египтом были возобновлены в VII в.; ко времени составления Одиссеи туда стекались ионийские наемники для службы в египетском войске, и с Египтом шла, оживленная торговля, так что тема Египта была весьма актуальной.

Ст. 322. О приключениях Одиссея в земле феспротов повествовала и поэма «Телегония». Влагая в уста мнимого нищего вымышленные рассказы, поэт использует для них материал других вариантов саги об Одиссее. Это — один из приемов античной полемики против отвергнутых форм предания (ср. прим. к Илиаде, кн. IV, ст. 441).

Ст. 371. См. прим. к кн. I, ст. 237.

Ст. 435. Эвмей отделяет одну часть (а не две, как понял Жуковский) богам. — Нимфам, как местным божествам Итаки (кн. XIII ст. 104), и Гермесу, как пастушескому божеству. Кроме того, богам были отделены «начатки» (ст. 427—429).

Ст. 448. Сел за прибор свой — модернизация. Одиссей «сел у своей части», т. е. сел у стола там, где лежала предложенная ему хребтовая часть.

Ст. 456. На ложе ко сну обратились — собрались спать.

Ст. 482. «Пояс» — отделанный металлическими пластинками передник, покрывавший живот и голени; верхняя часть тела оставалась нагой. Одежда эта типична для микенской эпохи; у Гомера мужчины обычно носят хитон, с которым поэт, повидимому, отожествляет пояс (ст. 488).

Ст. 483. См. прим. к кн. XII, ст. 312.

Ст. 1. Афина отправилась в Лакедемон в конце XIII кн., и очень возможно, что действие XV кн. надо представлять себе одновременным с рассказом XIV кн. — Поэт возвращается к ситуации, покинутой им в кн. IV, ст. 619. Здесь встает, однако, хронологическое затруднение, являющееся одним из основных опорных пунктов аналитической критики. Дело в том, что Телемах, который в кн. IV, ст. 593 и слл. как будто вежливо отклоняет приглашение Менелая погостить дней 11—12 в Спарте, проводит там, по счету дней в Одиссее, около месяца. Действительно, в V книге Зевс отправляет Гермеса к Калипсо с предложением отпустить Одиссея; со второго дня после прибытия Гермеса (кн. V, ст. 225—228) по пятый день Одиссей мастерит свой плот (кн. V, ст. 262) и лишь на шестой день (кн. V, ст. 264) пускается в путь и плывет 17 дней (кн. V, ст. 278), пока его не замечает Посидон и не разбивает бурей его плота. Это происходит, таким образом, на 23-й день, считая от событий начала V книги. Двое суток море носит Одиссея (кн. V. ст. 388), и на 25-й день он выходит на феакийский берег. На 26-й день он принят Алкиноем, вечером 27-го дня рассказывает феакам о своих странствиях, вечером 28-го дня отплывает на родину, и корабль феаков привозит его домой еще до рассвета 29-го дня, когда с ним беседует Афина, отправляющаяся затем в Лакедемон, где Телемах пробыл все это время. Подобная задержка ничем не мотивирована, и нигде в Одиссее нет указаний, что Телемах провел так много времени в гостях у Менелая. По мнению аналитиков рассматриваемая неувязка возникла благодаря механическому соединению первоначально самостоятельных поэм. В «Телемахии», повествовавшей о путешествии Телемаха, отъезд его из Спарты происходил на следующее же утро после того, как им было отклонено приглашение Менелая. Тот, кто присоединил к «Телемахии» поэму о странствиях Одиссея, отодвинул конец «Телемахии» от ее начала; в результате получилась неувязка. Если считать немотивированную задержку Телемаха достаточным аргументом против единства творческого замысла Одиссеи, неизбежен вывод в направлении, указываемом аналитической критикой... С точки зрения унитаристов вопрос ставится иначе. Задержка Телемаха не мотивирована потому, что она не должна быть замечена. На нее не обратила внимания даже античная критика; тем менее могла она дойти до сознания той аудитории, для которой Одиссея была предназначена. У поэта, который, согласно закону хронологической несовместимости, изображает одновременные действия как последовательные, легко возникают хронологические трудности на стыке двух планов рассказа. Так было при переходе от путешествия Телемаха к повествованию об Одиссее (см. прим. к кн. V, ст. 28); то же имеет место и здесь, при возвращении к Телемаху. Задача поэта — отвлечь внимание слушателя от этих затруднений в ведении рассказа, и он старается пройти мимо вопроса о продолжительности

пребывания Телемаха в Спарте. Такое стремление усыпить бдительность слушателя, скрыть трудности перехода очень часто наблюдается в гомеровском эпосе. Что во многих случаях трудности эти возникают вследствие использования прежних трактовок сюжета, совершенно бесспорно.

Ст. 15. На ряду с толкованием, которое принято Жуковским, подлинник допускает и другое, более вероятное: «чтобы ты еще нашел дома свою беспорочную мать». Беспорочную — стоячий эпитет (см. прим. к кн. I, ст. 29), и логическое ударение на слове дома. С точки зрения гомеровской морали — верность Пенелопы, конечно, добродетель, но в выходе ее замуж не было бы никакого порока. Такой же смысл, вероятно, имеют аналогичные слова в кн. XIII, ст. 43.

Ст. 33. Афина советует Телемаху возвращаться не кратчайшим путем, который заставил бы его у элидского мыса Феи (ст. 497) сразу двинуться по направлению к берегам Кефаллении (Зама) или Итаки, а держаться материкового побережья, с тем чтобы, поровнявшись с Итакой, повернуть под прямым углом к ее южной оконечности; там Телемаху и надлежит высадиться.

Ст. 64. Богоизбранный. Идея богоизбранничества царя чужда гомеровской Греции. В подлиннике: «питомец Зевеса», эпитет царей, возводивших свое происхождение к Зевсу. То же в ст. 87.

Ст. 225. Миф о Мелампе (см. также кн. XI, ст. 289 и слл.), знаменитом прорицателе и родоначальнике поколений провидцев, передан очень кратко и становится понятным лишь при условии, что гомеровское изложение будет дополнено материалами из других источников. См. в словаре: Пера, Меламп. Некоторые черты гомеровского рассказа остаются, однако, неясными; ни один источник не сообщает, например, как мыслилась в мифе месть Мелампа Нелею, заставившая прорицателя бежать из Пилоса в Аргос.

Ст. 245. Сын Латоны — Аполлон является покровителем Амфиарея в своей функции бога-прорицателя.

Ст. 254—255. Раздраженный против отца — намек на какой-то неизвестный миф.

Ст. 295, отсутствующий в рукописях Одиссеи и введенный старыми издателями на основании цитаты у Страбона, должен быть, вероятно, исключен из текста поэмы.

Ст. 299. Острые острова — около берегов Акарнании, у устья Ахелоя. Там (ст. 300) — неудачное добавление Жуковского.

Ст. 305. Пригласит ли его он остаться — в переводе пропущено существенное для смысла фразы слово еще. Одиссей проводит у Эвмея уже второй день и хочет узнать, готов ли Эвмей держать его у себя дальше.

Ст. 329. См. прим. к кн. III, ст. I.

Ст. 330. В подлиннике (здесь и в ст. 333) говорится не о рабах, а о прислужниках, социальное положение которых ближе

не определено. Одиссей, во всяком случае, в ст. 324 имел в виду службу наемного работника, а не раба.

Ст. 343—345. Смысл подлинника иной: «нет ничего хуже бездомного странствия, но люди, на долю которых выпало странствие, страдание и горе, терпят эти тяжелые муки ради проклятого желудка».

Ст. 388. Мужу тому — Лаэрту, отцу Одиссея.

Ст. 392. Дело происходит зимой. См. прим. к кн. V, ст. 270.

Ст. 399. Веселым разговором. В подлиннике иначе: «мы же насладимся воспоминанием о наших обоюдных горьких страданиях». Некоторая сентиментальность, самоуслаждение печалью, вообще свойственна Одиссее (ср. кн. XVI, ст. 215).

Ст. 403. Повесть о похищенном царевиче, вложенная в уста Эвмея, как автобиографический рассказ, почерпнута, вероятно, из какой-нибудь новеллы, которая заканчивалась, разумеется, возвращением царевича в родной дом. Царевич — родом со сказочного острова, описание которого напоминает картину золотого века у Гезиода («Труды и дни», ст. 113 — 120).

И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны,
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства, —
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
(Пер. Вересаева.)

Реалистическая установка рассказа об Эвмее требует локализации острова. Назван он у Гомера «Сирия» (Syrie). Сир (Syros) — остров архипелага, к западу от Делоса, с которым и отожествлялась гомеровская Ортигия («перепелиный остров»).

Ст. 410. См. прим. к кн. III, ст. 280.

Ст. 451. Со мною гулять из дворца он вседневно ходит — модернизация, создающая образ няньки или бонны. Смысл подлинника: мальчик уже настолько смышленый, что бегает за мною из дому.

Ст. 460. Крупный электрон, оправленный в золото — ошибочный перевод. Речь идет о золотом ожерелье, на которое были нанизаны электры (янтарь).

Ст. 477 и слл. Как то предназначено было Зевесом — произвольный перевод. В подлиннике: «Но когда Зевс Кронид даровал седьмой день, тогда Артемида. . .» О стрелах Артемиды см. прим. к кн. III, ст. 280. Рабыня, похитившая Эвмея, падает «морской курицей», т. е. стремглав на дно корабля, как застреленная птица.

Книга шестнадцатая

Ст. 99—101. Перевод не передает тонкой вязи подлинного текста, которая требует оживленной мимики со стороны исполни-

теля. В подлиннике: «Если бы я был так же молод (как ты), при этой отваге (как у меня), сын ли беспорочного Одиссея или он сам»... Одиссей чуть было не выдал себя и спешит поправиться, придавая фразе новый оборот: «вернулся из странствий» и т. д.

Ст. 126—127. См. прим. к кн. I, ст. 245—246.

Ст. 162. Что собака обладает способностью ощущать присутствие невидимых для глаз человека богов и духов — очень распространенное и древнее поверие, засвидетельствованное и для античного и для нового фольклора. Так, к этому представлению восходит современное верование в вещее значение воя собаки, предсказывающее чью-нибудь близкую смерть: собака ощущает тайное приближение демона смерти к человеческому жилью.

Ст. 169—170. В подлиннике предложение Афины звучит гораздо менее категорично: Одиссей должен договориться с Телемахом относительно того, как они подготовят убийство женихов и как оба придут в город. Немедля — добавление Жуковского, не отвечающее дальнейшему ходу действия.

Ст. 176. Для характеристики «противоречий», которыми оперирует гомеровская критика, стоит указать, что она серьезно обсуждает вопрос о том, почему у Одиссея до превращения «златотемные» волосы (кн. XIII, ст. 399), а здесь, после обратного превращения, черная борода, — и считает нужным приписать авторство обоих текстов разным лицам.

Ст. 253. Рабов. В подлиннике: служителей.

Ст. 288. Дымно. В главном зале (мегарон) гомеровского дома есть очаг.

Ст. 320. Знак — знамение успеха в борьбе с женихами.

Ст. 422. Зачем ты сирот притесняешь, Зевсу любезных — вольный перевод. Греческий текст в этом месте не совсем ясен; речь идет о так называемых просителях, т. е. о людях, обращающихся с мольбой о защите. Такая мольба совершалась по особому ритуалу, и проситель считался лицом, находящимся под особой защитой Зевса. Смысл слов Пенелопы, повидимому, тот, что Антиной, отец которого пользовался защитой Одиссея, связан с домом Одиссея взаимоотношением, которое устанавливается между просителем и тем, кто оказал ему покровительство. Свидетелем такой связи является Зевс, а она налагает обязательство не замышлять зла друг против друга.

Книга семнадцатая

Ст. 3. Золотые. В подлиннике: «красивые». Ср. кн. II, ст. 4.

Ст. 39. И руки — в подлиннике отсутствует.

Ст. 251. См. прим. к кн. III, ст. 280.

Ст. 289. Т. е. корабли пиратов.

Ст. 301. Полумертвый — смягчающий перевод. В подлиннике: «завшивевший».

Ст. 361. Один из частых в греческом эпосе случаев двойной мотивировки, земной и небесной. С одной стороны, Телемах побуждает Одиссея собирать подаяние, с другой — Афина.

Ст. 381. В подлиннике: «Хотя ты и благородный (знатный), но говоришь ты нехорошо».

Ст. 424. Святая воля — христианская формула, чуждая, разумеется, гомеровскому эпосу. В подлиннике сказано только, что Зевс «так захотел». — Одиссей повторяет, с сокращениями и изменениями, ту повесть о набеге на Египет, которую он в XIV кн. рассказывал Эвмею (см. прим. к кн. XIV, ст. 246).

Ст. 515. Первый день пребывания Одиссея у Эвмея рассказан в XIV кн., второй — в XV, ст. 301 и сл. (см. прим. к кн. XV, ст. 305), третий — в XVI кн.

Ст. 522. В повести, которую мнимый нищий рассказал Эвмею о своей жизни (кн. XIV), не говорилось ничего о том, что его связывают с Одиссеем отношения гостеприимства; поэт уже имеет в виду тот рассказ, который будет вложен в уста нищего в XIX кн. (ст. 185 и сл.).

Ст. 545. У самых различных народов встречается широко распространенное и поныне верование в благодетельное значение чихания, которому приписывают особую магическую силу, несущую с собой здоровье, счастье или предвещающую близкое наступление какой-нибудь перемены к лучшему.

Ст. 565. См. прим. к кн. III, ст. 1.

Ст. 606. Правильнее: уже наступила поздняя часть дня. Ночь наступает только в кн. XVIII, ст. 306.

Книга восемнадцатая

Ст. 7. Игра слов: имя Ир (Iros) сопоставляется с именем посланницы богов Ириды (Iris).

Ст. 68. В конце XIII кн. Афина превратила Одиссея в дряхлого старика. Начиная с XVII кн., этот образ уступает место другому: под старческой внешностью скрывается все тот же могучий Одиссей, только постаревший, неопрятный и одетый в рубище. Медленно, рядом последовательных штрихов поэт вытесняет из сознания слушателя старый образ и заменяет его новым, для того чтобы, не прибегая к формальному обратному превращению, представить Одиссея во всей его мощи в сцене убийства женихов.

Ст. 84—85. На твердую землю — на материк. Царь Эхет — какое-то, ближе неизвестное нам, сказочное страшилище.

Ст. 87. В крохи изрубит тебя и т. д. В подлиннике: оскопит и в сыром виде бросит вырванное собакам.

Ст. 136—137. Смысл подлинника: умонастроение человека зависит от того, посылает ли ему Зевс счастье или несчастье.

Ст. 158 и сл. В многочисленных вариантах сюжета о муже на свадьбе жены, возвращение мужа домой происходит в последний момент, когда жена уже дала согласие выйти замуж за другого. Согласие это часто мотивируется тем, что истек срок, в течение которого жена, по уговору с мужем перед его отбытием, должна была его ожидать. Поэт, сохраняющий традиционные линии ведения сюжета и дороживший, вероятно, сценой испытания

луком, должен был ввести в свой рассказ принципиальное согласие Пенелопы на брак с кем-либо из женихов. Сохранил он и мотив срока (ст. 269—270). Но так как это плохо вязалось с образом Пенелопы, как он развернут в Одиссее, пришлось прибегнуть к обычному в таких случаях приему гомеровских поэм — к божественному вмешательству. Вмешательство мотивировано двояким намерением Афины (а не Пенелопы, как может показаться на основании перевода): 1) вселить надежду в сердца женихов (перед развязкой), 2) возвысить Пенелопу в глазах мужа и сына. Последнее, как это ни странно для современного читателя, достигается тем, что Пенелопа побуждает женихов слать ей подарки, и тем пополняет богатства Одиссеева дома.

Ст. 188—194. Сильно амплифицированный перевод. В подлиннике говорится, что Афина «пролила сладкий сон на дочь Икария; та тотчас заснула на своем ложе, и члены у нее ослабели; тогда богиня богинь стала давать ей божественные дары, для того чтобы ахейцы изумились. Сперва она омыла ей прекрасное лицо тем амбросическим средством, которым умащается прекрасно-венчанная Киферея, когда идет к пленительному хору Харит»

Ст. 202. См. прим. к кн. III, ст. 280.

Ст. 232. Руководца — правильнее: защитников.

Ст. 233—234. Перевод совершенно искажает мысль подлинника: «что же до схватки чужестранца с Иром, то ее исход во всяком случае не соответствовал желанию женихов; первый оказался гораздо сильнее».

Ст. 274—275. Несказанное горе — относится не к предыдущему, как, повидимому, полагал Жуковский, а к последующему: «не таков прежде был обычай женихов» (в переводе эта связь мыслей нарушена). Вместо того чтобы состязаться перед невестой в подарках, как этого требует обычай, женихи Пенелопы пируют в доме ее мужа.

Ст. 329. В шинке. Имеется в виду «лесха», клубное помещение греческих городов; в лесхе иногда устраивались общественные собрания, но главным образом она была местом для бесед и могла служить ночлегом для бесприютных. Жарко натопленная кузница также привлекала к себе любителей поболтать. Гезиод предостерегает от посещения кузницы и лесхи, так как они отвлекают от домашней работы. Меланто презрительно отсылает Одиссея в кузницу или лесху, как места, где собирается всякий сброд. Закут — неудачное добавление Жуковского.

Ст. 368. По косе. Точнее: по серпу.

Ст. 404. В подлиннике: «не будет удовольствия от благородной трапезы, если одолевает худое» (в социальном смысле этого слова: «хамье»).

Книга девятнадцатая

Ст. 5—13 = кн. XVI, ст. 286—294.

Ст. 34. Лампы, употреблявшиеся уже в критско-микенскую эпоху, в гомеровских поэмах нигде больше не упоминаются; для

освещения у Гомера служат жаровни и смоляные факелы. Повидимому, в представлении поэта эпоха героев не знала ламп, и характерно, что, введя единственный раз лампу, он вручил ее божеству.

Ст. 86. Аполлон — идеальный образ юной силы, и одним из его эпитетов был «вскормитель юношей».

Ст. 109. Пережитки первобытных представлений о царе-маге, носителе плодородия.

Ст. 163. Славного в древности дуба — т. е. дуба старых рассказов, сказочного дуба. Пенелопа намекает на сказания о происхождении людей от деревьев или от скал (ср. прим. к Илиаде, кн. XXII, ст. 126).

Ст. 172. В греческой саге сохранились некоторые воспоминания о былом могуществе Крита. В эпоху составления Одиссеи Крит уже не играл выдающейся роли; это был не торговый, а аграрный район, но на острове сохранился ряд городов и оставались многочисленные следы старинной культуры. Многоплеменность, о которой говорится в Одиссее, отвечает действительному положению вещей. Первоплеменная порода критян — так называемые этеокритяне («истинные критяне»), остатки до-ахейского населения, сохранившие и свой язык. Поэт дает здесь картину своего времени, и это единственное место в гомеровском эпосе, где упоминаются доряне; героическая сага греков — ахейского происхождения, и ее историко-географический и этнический горизонты восходят к эпохе, предшествовавшей вторжению дорян в Грецию. Кудрявых — сомнительное толкование загадочного эпитета, означающего, быть может, «трехплеменных», разделенных на три племени.

Ст. 178 переведен ошибочно. «В числе этих (т. е. упомянутых в ст. 174) городов есть большой город Кносс, и там девятигодовым царем был Минос». Согласно критскому мифу, переданному Платоном, Минос каждый девятый год отправлялся к своему отцу Зевсу в священную пещеру на горе Иде и, соответственно его указаниям, устанавливал законы для своего государства. В этом мифе следует, вероятно, видеть отголосок совершенно исчезнувшего в исторической Греции, но засвидетельствованного у многих первобытных народов института царей, которые после определенного промежутка времени считаются исчерпавшими свою магическую силу и обязаны уступить свою власть. Переходным этапом от такого царя к постоянному является царь, который подобно Миносу вышеприведенного мифа по истечении своего срока должен возобновить свою магическую зарядку, вновь обратясь к ее сверхъестественному источнику. То обстоятельство, что Минос обращается к Зевсу каждый девятый год, связано с древнейшими попытками согласования солнечного и лунного календарей. Восемь лунных годов на 90 дней меньше, чем восемь солнечных годов (с небольшой погрешностью). Для согласования с солнечным летосчислением принимался поэтому восьмигодовой лунный цикл с тремя високосными годами, по лишнему месяцу в каждом, при чем каждый девятый год был

началом нового цикла. В девятигодовом царствовании Миноса заключен целый комплекс архаических представлений, которые не были, а частью и не могли быть известны Жуковскому.

Ст. 197. Собранным с мира (т. е. с народа) — см. прим. к кн. XIII, ст. 15.

Ст. 271. См. прим. к кн. XIV, ст. 322.

Ст. 277. Святотатцы — добавление Жуковского, не вполне соответствующее этической тенденции рассказа об умерщвлении коров Гелиоса. См. прим.. к кн. XII, ст. 389—390.

Ст. 303—307 = кн. XIV, ст. 152—162 (см. прим.). Новолуние, о котором так туманно говорит Одиссей, наступит на следующий день. Это тот самый праздник Аполлона, о котором будет итти речь в кн. XX, ст. 276 и сл., кн. XXI, ст. 258.

Ст. 346—348. Стихи эти играют большую роль в построениях гомеровской критики. Если Одиссей заинтересован в том, чтобы остаться неузнанным, зачем поэт заставляет его произносить эти слова, побуждающие Пенелопу поручить омовение его ног той самой Эвриклее, которая одна из всех служанок может узнать рубец на его ноге? Эти слова были бы как будто уместнее, если бы Одиссей подготовлял таким образом сцену узнания. Многие исследователи полагают поэтому, что здесь мы имеем остаток некоей пра-Одиссеи, где сцена омовения приводила к окончательному узнанию Одиссея как со стороны Эвриклеи, так и самой Пенелопы, и строят различные догадки о дальнейшем развитии действия в этой предполагаемой старинной поэме. Аргументация эта кажется настолько убедительной, что многие противники аналитической критики не видят здесь иного исхода, как в признании стихов 346—348 интерполированными (таково было мнение и античных филологов); однако эта наивная панацея от всех трудностей гомеровского текста здесь совершенно неприемлема, так как отказ Одиссея звучал бы тогда слишком резко и немотивированно, и ответ Пенелопы явно связан именно с рассматриваемыми стихами. Подлинность их не должна подвергаться сомнению. Предположение, что узнание по рубцу перенесено поэтом из какого-то сказания, послужившего одним из источников Одиссеи, само по себе вполне правдоподобно. Сюжет мужа на свадьбе жены обычно так и строится, что наружность вернувшегося мужа изменилась до неузнаваемости (см. прим. к кн. XIII, ст. 397), и узнание происходит на основании мелких внешних признаков. Но творец Одиссеи имел в запасе другое узнание, гораздо менее банальное, поднятое на уровень более высокой культуры. Это узнание в XXIII книге будет основано не на обманчивых внешних признаках, а на святости альковной тайны, которая не может быть известна никому, кроме мужа и жены. И если он тем не менее так детально развертывает сцену омовения, почти совершенно бесполезную для развития действия, то делается это не только ради сохранения старого варианта, но и ради эффекта самой сцены, для того чтобы взволновать слушателя, держать его в напряженном состоянии, повести по ложному следу. Следя за текстом, легко заметить, как с каждой реп-

ликой должна усиливаться напряженность слушателя, который все время ждет узнания. Стихи 346—348 являются первым сигналом к настороженности, хотя слушатель еще ничего не знает о рубце на ноге Одиссея (и в этот момент еще не должен знать; иначе сцена была бы сделана слишком банально). Если так, то не естественнее ли видеть в неосторожных словах Одиссея игру автора с слушателем, чем пытаться ловить поэта с поличным на заимствовании? (Ср. стр. XXVIII).

Ст. 367. С т е н ь — тень.

Ст. 389. Перевод создает несообразность, отсутствующую в подлиннике. У Жуковского Одиссей теперь только садится к очагу и отворачивается лицом от света, боясь, что Эвриклея обнаружит рубец на его ноге. Зачем же Одиссею было садиться именно к очагу и отворачиваться лицом от света, оставляя на свету ноги? В подлиннике иначе: «Одиссей сидел у очага», т. е. у света, «но повернулся сейчас же к тени», т. е. спиной к очагу, «так как ему сразу же пришло в голову», что Эвриклея узнает рубец.

Ст. 396. Автолик славился искусством так ловко формулировать клятвы, что их можно было нарушить по существу, не нарушая формально; в этом и состоял дар, который он получил от Гермеса (см. прим. к «Илиаде», кн. XV, ст. 37).

Ст. 401. Принятие новорожденного на колени — узаконение его, признание его членом родового союза.

Ст. 409. Имя О д и с с е й (Odysseus) приводится в связь с глагольной основой odyss — гневаться, ненавидеть. В действительности Odysseus является, вероятно, переделкой на греческий лад старинного до-греческого имени, которое гипотетически восстановляют в форме * Uthessi.

Ст. 458. З а г о в о р и л и — остановили заговором, — единственный случай в гомеровском эпосе, где к лечению раны применяется волшебное средство. Вообще говоря, для гомеровской медицины характерно, что она чуждается всякой магии и прибегает лишь к материальным способам лечения, к лекарственным травам и хирургическим методам. В Илиаде ранения происходят очень часто, но никогда не говорится о применении магических средств.

Ст. 473. С ж а в п о д б о р о д о к. Правильнее: коснувшись подбородка, — античный жест горячей просьбы, любви, преданной ласки.

Ст. 533. Т р е б у е т. Правильнее: просит. — Прямо это нигде не выражено, но желание Телемаха покончить с неопределенным положением в доме является одной из основных предпосылок Одиссеи. Поэт хочет мотивировать согласие Пенелопы на новый брак интересами Телемаха, ради которых она приносит себя в жертву.

Ст. 539. В п р о с т р а н н о й с т о л о в о й... н а п о л у. Правильнее: «во дворце», «в доме» — без указания определенного помещения; в данном случае, очевидно, во дворе, как Жуковский и передает это выражение подлинника в ст. 552.

Ст. 572 и сл. В переводе несколько изменена картина испытания, которое Пенелопа намерена предложить женихам. В землю закапываются 12 топоров, рукоятками вверх. Рукоятка заканчивается кольцом для подвешивания топора. Через кольца этих топоров, расположенных «как козлы для держания киля судна», т. е. параллельно друг другу, должна быть пропущена стрела. Предварительно необходимо, однако, согнуть лук, для того чтобы привязать тетиву, укрепленную на одном конце лука, к другому концу.

Ст. 580—581. Где я счастье нашла — модернизирующее добавление Жуковского.

Книга двадцатая

Ст. 4. Эвриклея. В подлиннике: Эвринома. Жуковский, вероятно, хотел избежать противоречия со ст. 143, где, однако, в подлиннике сказано: «мы (т. е. прислужницы) его покрыли».

Ст. 62. См. прим. к кн. III, ст. 280.

Ст. 65. В край тот, где начинает свой путь океан — в царство мертвых, ср. кн. X, ст. 508, где Одиссей должен переплыть океан для того, чтобы достигнуть царства мертвых. Круговратно бегущий — обтекающий землю.

Ст. 77. См. прим. к кн. I, ст. 237.

Ст. 78. Чудовищам в рабство. В подлиннике мрачная ирония: «чтобы Эриннии о них заботились».

Ст. 110. В подлиннике несколько иначе: «а эта одна, слабее прочих, еще не успела кончить», т. е. работала, не ложась, до утра.

Ст. 141. Пуховая постель — модернизация.

Ст. 156. Праздник — новолуние, см. прим. к кн. XIX, ст. 303—307.

Ст. 176. Многозвучные сени — мощеные.

Ст. 187. Стада коров, принадлежавшие Одиссею, находились на материке; см. прим. к кн. XIV, ст. 97.

Ст. 209 Верноподданнический стиль привнесен Жуковским; в подлиннике: «горе мне при мысли о непорочном Одиссее».

Ст. 242. Знамение, являющееся слева, считалось неблагоприятным.

Ст. 252. См. прим. к кн. III, ст. 9.

Ст. 351 и сл. Речь Феоклимена построена, как видение: он видит уже смертную мглу, окружающую женихов. Привидения (ст. 355) — души мертвых.

Книга двадцать первая

Ст. 3. Грозные стрелы — в подлиннике говорится не о стрелах, а о «седом железе», т. е. о тех топорах, сквозь кольца которых должны пролетать стрелы состязающихся.

Ст. 15. Мессения рассматривается как часть Лакедемона, что могло иметь место лишь после завоевания ее спартанцами в конце VIII в.

Ст. 21. Геронты — старейшины, члены совета.

Ст. 75—79 = кн. XIX, ст. 577—581 (см. прим.).

Ст. 81. Стрелы. См. прим. к ст. 3.

Ст. 88. В долгой разлуке с мужем — в подлиннике говорится не о разлуке, а о потере мужа. Женихи считают Одиссея умершим.

Ст. 120. Как было указано в прим. к кн. XIX, ст. 572 и сл., Жуковский неверно представлял себе картину состязания. Телемах «прежде всего расставил топоры, выкопав для всех один длинный ров»; землей он отаптывает основания топоров.

Ст. 127 и сл. Неточность перевода затемняет мысль поэта, который вовсе не желает, чтобы Телемах оказался неспособным согнуть лук своего отца, но в интересах развития действия не может допустить его успеха. Мысль подлинника: Телемах трижды напрасно пытался согнуть лук, хотя и продолжал надеяться на успех; в четвертый раз ему удалось бы нацепить тетиву, но Одиссей кивнул ему и т. д. По условию (ст. 129) — неудачное добавление Жуковского.

Ст. 138. К ручке замочной — ошибка: к крючку лука, — к тому, на который надлежало нацепить тетиву. Та же ошибка в ст. 165.

Ст. 145. На обязанности Леодея было следить за жертвами и возлияниями, не обнаружится ли при этом какого-нибудь дурного знамения. Поэтому место его — у чаши, из которой разливалось вино.

Ст. 156. Сильно модернизованный перевод. В подлиннике: «ради чего мы сюда сходимся в каждодневном ожидании».

Ст. 178. Сала укруг — большой круг вытопленного и застывшего сала.

Ст. 183. Растаявши — растопивши.

Ст. 214 и сл. См. прим. к кн. XIV, ст. 63. Выйдя из рабского состояния, Эвмей и Филотий становятся как бы членами семьи, а стало быть товарищами и братьями Телемаха (но не главы семьи Одиссея, как полагал Жуковский).

Ст. 260. Жердей — топоров. См. прим. к кн. XIX, ст. 572.

Ст. 267. Лука сгибателю. Жуковский видоизменяет, приспособляя к ситуации, сакральный эпитет Аполлона: «славный луком».

Ст. 270—272 = кн. III, ст. 338—340 (см. прим).

Ст. 347. Разумеется группа островов, расположенных вокруг Итаки, по пути из Элиды в Итаку.

Ст. 372—373. В подлиннике другая мысль: если бы я настолько же был сильнее всех женихов, насколько я сильнее тебя, то и т. д.

Ст. 395. Лук изготовлялся из роговых пластинок.

Ст. 428. В речь Одиссея Жуковский ввел момент откровенной угрозы, отсутствующий в подлиннике. У Гомера Одиссей еще

скрывает свои намерения и не позволяет себе намеков, которые могли быть поняты кем-либо, кроме посвященных в тайну. Одиссей говорит: «Теперь пора засветло приготовить ахейцам обед, а потом и позабавиться пением и лирой, ибо это утехи пира». Слова: иное (ст. 428), на новый, теперь им приличнейший лад перестроить (ст. 430) привнесены Жуковским.

Книга двадцать вторая

Ст. 24. Женихи, вооруженные лишь короткими мечами, ищут метательного орудия и щитов для обороны от стрел. Палату (мегарон) в доме Одиссея надо представлять себе залом больших размеров.

Ст. 57 и *сл*л. Эвримах предлагает, помимо возмещения убытков, пеню от каждого из женихов в размере стоимости двадцати быков. Теперь же твой праведен гнев — т. е. Одиссей в праве «гневаться», пока ему не заплачено за ущерб и за бесчестие. Предложение Эвримаха совершенно правильно с точки зрения обычного права гомеровского общества, и то, что Одиссей отклоняет это предложение и убивает женихов, дает право их родичам на мщение (кн. XXIV).

Ст. 78. Расстреляет он скоро ужасные стрелы. В подлиннике: «тогда (т. е. когда на подмогу будут призваны граждане) скоро, пожалуй, окажется, что он в последний раз стрелял из лука», т. е. скоро погибнет. Та же ошибка в ст. 134. Эвримах исходит из предпосылки, что у Одиссея достаточно стрел для того, чтобы перебить всех женихов (ст. 72—73).

Ст. 90—91. Амфином надеется заставить Одиссея отступить от дверей (против него — ошибочное дополнение переводчика). Читатель заметит, что поэт не хочет, чтобы Амфином, единственный из женихов, который был любезен с неузнанным странником, погиб от руки Одиссея.

Ст. 107. От защитных притолок — Жуковский не вполне правильно представляет себе сцену. Одиссей не укрывается в двери, а защищает дверь, для того чтобы женихи не убежали.

Ст. 115. Глубокою полного думой — перевод «стоячего» эпитета, означающего: «изворотливый», «хитроумный».

С. 122. Четверокожный — состоящий из четырех слоев кожи. Имеется в виду длинный щит микенской эпохи, покрывавший все тело и надевавшийся на плечо помощью ремня.

Ст. 126 и *слл*. Расположение дверей и комнат, о которых идет речь, равно как и употребленные в подлиннике термины, не вполне ясны для современных комментаторов. Перевод сделан по догадке, вряд ли правильной. Вернее всего представлять себе, что из залы была дверь в коридор, откуда имелся узкий выход на двор рядом с главной дверью залы.

Ст. 134 в подлиннике тожествен со ст. 78 (см. прим.).

Ст. 222—223. В подлиннике судьба семьи побежденного очерчена яснее: сыновьям грозит смерть, а дочерям и жене — продажа в рабство.

Ст. 225. Гнев Афины на Одиссея не представляется достаточно мотивированным, и непонятно, зачем ей понадобилось еще испытывать мужество Одиссея и Телемаха (ст. 237—238). Возможно, что здесь мы имеем дело с рудиментом рассказа, где сцена убийства женихов излагалась иначе, чем в Одиссее. В Одиссее сцена эта распадается на две части: в первой Одиссей пользуется луком, во второй — копьем. Старинный рассказ об испытании женихов луком заканчивался, разумеется, тем, что победитель разгонял или убивал своих соперников помощью того же лука. При этом число соперников предполагалось, очевидно, таковым, что стрел в колчане на них хватало (см. прим. к ст. 78). В Одиссее сцена изменена и введен бой копьями, в котором Одиссей одолевает лишь благодаря помощи Афины. Такого рода бой Одиссей имел в виду при разговоре с Телемахом в XVI кн., ст. 295—297, когда предлагал ему вынести из зала все оружие, но оставить два копья, два меча и два щита (при выносе оружия в XIX кн. это не выполняется). Рассказ Медонта в XXIV кн., ст. 445—449 наводит также на мысль о более непосредственном участии Афины в убийстве женихов, чем это имеет место в изложении Одиссеи. Это дает основание для гипотезы, что в канонической Одиссее соединены (лучше сказать: переработаны) два рассказа об убийстве женихов — помощью лука и помощью копья. В греческом эпосе наблюдается некоторое презрение к луку, как оружию, не вполне достойному храброго витязя (напр. в Илиаде, кн. XI, ст. 385 и сл). Герои былых времен (Геракл и др.) мыслятся лучниками, но ахейские витязи Илиады, в противоположность троянским, почти никогда не пользуются луком; один только Тевкр — лучник. Вполне естественно поэтому, что в некотором варианте сказания Одиссей пользовался не луком, а копьем, и ему необходима была помощь Афины. В таком рассказе легко себе представить гневное обращение богини к Одиссею, не решающемуся начинать бой.

Ст. 335. В греческом доме, обычно посреди двора, стояло небольшое каменное сооружение, алтарь, посвященный Зевсу — охранителю дома. Алтарь был неприкосновенным местом.

Ст. 347—348. Перевод сильно модернизован. В подлиннике: «я самоучка, и божество возрастило в моей груди различные песни, и мне кажется, что я пою перед тобой, как перед богом».

Ст. 371. Мрачно взглянув исподлобья. Неуместная здесь «стоячая» формула употреблена на этот раз не греческим поэтом, а переводчиком. В подлиннике: «улыбнувшись».

Ст. 429. Фразеология в стиле русского крепостнического уклада: почивает (в устах рабыни о госпоже), на которых ты мне донесла (ст. 432), свою изъявляю им волю (ст. 436) — привнесена Жуковским; она чужда патриархальности греческого эпоса.

Ст. 442. Житною круглою башней. Речь идет о круглой постройке во дворе, близ стены. Назначение этой постройки нам неизвестно, по старинному толкованию она служила кладовой, и Жуковский последовал этому толкованию.

Ст. 444. Осрамивши развратом мой дом — объяснительное добавление Жуковского, по существу вряд ли правильное: с точки зрения гомеровской морали, связь рабынь с женихами может рассматриваться как измена, как нарушение хозяйских прав, но не как разврат.

Ст. 464. Осрамившие. См. предыдущее прим. В подлиннике: «оскорбившие дерзкими речами».

Ст. 476—477. Изрубивши в крохи и т. д. В подлиннике: «оскопили и вырванное отдали в сыром виде на съедение собакам» (ср. кн. XVIII, ст. 86—87 и прим.).

Ст. 481. Пролитая в доме кровь требует искупительного очищения, для которого употребляется сера. В гомеровской религии идея скверны и очищения играет сравнительно небольшую роль, но при описании обрядовых действий поэт обычно держится реальных верований ближе, чем в собственных концепциях.

Книга двадцать третья

Ст. 48. (= кн. XXII, ст. 402) в лучших рукописях отсутствует и является, вероятно, интерполяцией.

Ст. 50. Благовонный. Этот несколько неожиданный в применении к сере эпитет привнесен в текст Жуковским.

Ст. 81—82. Т. е. какое-нибудь божество, приняв образ Одиссея, могло ввести тебя в заблуждение.

Ст. 136. Разыгрывание свадьбы во время сцены узнания настолько удивляло толкователей Одиссеи, что большинство исследователей склонно считать весь отрывок о свадьбе интерполяцией, хотя совершенно не ясно, кому и зачем эта интерполяция могла понадобиться. Однако, для сюжета мужа на свадьбе жены одним из конструктивных моментов является то, что свадьба имеет место, и что узнание вернувшегося мужа происходит именно во время свадьбы. По ходу действия Одиссеи это невозможно: мотив испытания луком требует иного построения развязки. Как уже было указано (прим. к Илиаде, кн. IV, ст. 441; к Одиссее, кн. XIV, ст. 322), античный поэт, меняя некоторый мотив, часто старается сохранить его в форме неосуществленного намерения, вымысла и т. п. Так поступил и творец Одиссеи. Он сохранил свадьбу, но как фиктивную, разыгранную для того, чтобы ввести в заблуждение граждан Итаки (ср. И. Толстой. Возвращение мужа в Одиссее и в русской сказке. Сб. посв. С. Ф. Ольденбургу. Лгр. 1934, стр. 519). Вместе с тем, сцена эта является одной из тех ретардаций, которые поэт любит вводить в самые напряженные моменты своего рассказа.

Ст. 156. Дочь Зевса — Афина. Превращение Одиссея в дряхлого старика давно забыто (см. прим. к кн. XVIII, ст. 68) и обратного превращения не требуется. Афина лишь «проливает красоту» на Одиссея так же, как она это сделала в сцене встречи Одиссея с Навзикаей (ст. 157—161 = кн. VI, ст. 230—234).

Ст. 190 и сл. Устройство кровати Одиссея изложено в подлиннике очень неясно. В основе — старинное сказание, непонятное,

повидимому, и для самого поэта. В мифологическом плане растительность равнозначна плодородию, и идея дерева-ложа восходит к весьма архаическим представлениям.

Ст. 223. Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела. Смысл подлинника иной: но она не предвидела беды.

Ст. 246. Речь идет о колеснице Эос (денницы).

Ст. 267. Предсказание Тирезия: кн. XI, ст. 120 и сл.

Ст. 296. К этому стиху античные комментарии (схолии) делают краткое и загадочное примечание: «Аристарх и Аристофан (знаменитые александрийские филологи и издатели гомеровских поэм) утверждают, что это — конец Одиссеи». По прямому смыслу схолия выходит, что названные ученые считали всю последующую часть канонического текста Одиссеи подложной, и этот решительный вердикт античных филологов, располагавших большим количеством списков Одиссеи, не может не смутить современного исследователя. Возможно, однако, что слово «конец» употреблено в смысле «финал», тогда в суждении александрийцев заключалась бы совершенно правильная мысль, что действие Одиссеи доведено до конца, и что все последующее является уже эпилогом. Эпилог этот, повидимому, впоследствии был расширен (см. след. прим. к кн. XXIV, ст. 1), но подлинность сцены свидания Одиссея с отцом в XXIV кн. вряд ли должна вызывать сомнение.

Ст. 310—343 содержат ненужный для слушателя пересказ странствий Одиссея, применяя при этом необычный в гомеровских поэмах прием — косвенную речь. Вероятно, стихи эти являются позднейшей вставкой.

Книга двадцать четвертая

Ст. 1. Сцена в Гадесе (ст. 1—204) исходит из совершенно несвойственных другим частям эпоса представлений о загробной жизни: души отправляются в преисподнюю в сопровождении Гермеса, обладают полным сознанием и т. п. Это обстоятельство, в соединении с стилистическими критериями, заставляют большинство исследователей считать весь эпизод позднейшей вставкой, дополнением какого-либо рапсода. Эпизод действительно вызывает серьезные подозрения, хотя является недурным заключением для Одиссеи, рассматриваемой как продолжение Илиады, и завершает неоднократно проводимое в Одиссее контрастное сопоставление возвращения Одиссея с возвращением Агамемнона.

Ст. 6. Визг (точнее, стрекот) душ — отголосок старинного представления о душе-птице.

Ст. 10. В бедах покровитель — старинное толкование эпитета Гермеса akaketa; Гнедич передает этот эпитет словом: незлобный (см. прим. к Илиаде, кн. XVI, ст. 185).

Ст. 12—13. Богов сна (т. е. сновидений) греческая религия не знает. Души пролетают мимо селения снов. Ворота Гелиоса — на крайнем Западе, там, где солнце заходит.

Ст. 37. Аргос. Речь идет не об области этого имени в Пелопонесе, а о «Пелазгическом Аргосе» (Илиада, кн. II, ст. 681) в Фессалии, которая была родиной Ахиллеса.

Ст. 46—47. Свои от печали волосы рвавших. В подлиннике ахейцы не рвут на себе волосы, а остригают их. При погребении тело умершего покрывали этими волосами (см. прим. к Илиаде, кн. XXIII, ст. 135).

Ст. 48. Мать Ахиллеса — Фетида, дочь морского старца.

Ст. 78. Далеко от костей Антилоха. Правильнее: отдельно от костей Антилоха, т. е. в другой урне.

Ст. 118—119. Неправильный перевод; в подлиннике: «целый месяц мы переправлялись через широкое море (в Трою), с трудом уговорив Одиссея, сокрушителя городов».

Ст. 167. Предположение это вполне естественно в устах жениха; в контексте Одиссеи Пенелопа советуется с неузнанным еще Одиссеем относительно испытания луком (в конце XIX кн.), и Одиссей одобряет эту мысль. Возможно, однако, что действительно существовала такая форма сказания, в котором узнание предшествовало убийству женихов, задуманному обоими супругами совместно.

Ст. 195—196. Мужу, любящим сердцем избранному — модернизация; в подлиннике: «законному мужу».

Ст. 197. См. в словаре: камены.

Ст. 378. Земля матерая — материк.

Ст. 388. Жуковский оставил без перевода слово мать, из которого видно, что старая сикельская рабыня была женой Долиона и матерью его сыновей.

Ст. 397. К своему господину. Ст. 409: своему поклонясь господину — добавления Жуковского, воспринимающего гомеровский быт на фоне русского крепостничества.

Ст. 413. Осса — молва.

Ст. 447. Рассказ Медонта приписывает Афине более активную роль в убийстве женихов, чем повествование XXII книги, и в нем, вероятно, следует видеть остаток другой версии сказания. См. прим. к кн. XXII, ст. 225.

Ст. 456. См. кн. II, ст. 157 и сл., 224 и сл.

Ст. 463 и сл. Неправильный перевод; в подлиннике согласные с мнением Галиферда вскочили и разошлись, а поддерживавшие предложение Эвпейта остались вместе, с тем чтобы броситься к оружию. Громкий крик одобрения заменен в переводе свирепым воплем.

Ст. 469. Обезумленный горем великим. В подлиннике: «в своем неведении».

Ст. 472. Дочь Зевса — Афина.

Ст. 482—483. Имел он право на то. Дополнение Жуковского, вряд ли соответствующее мысли поэта. Общественный строй, некогда породивший старинное сказание, допускал расправу героя с женихами, но с точки зрения обычаев гомеровского общества правомерность убийства женихов очень сомнительна (ср. прим. к кн. XXII, ст. 57). Именно поэтому конфликт

требует божественного вмешательства для заключения мирного договора между враждующими сторонами.

Ст. 497. Сам-четверт — т. е. сам Одиссей и с ним еще трое — Телемах, Эвмей и Филотий.

Ст. 516. Афина разговаривает с Лаэртом в образе Ментора (ст. 503).

Ст. 539. Громовая стрела Кронниона — перун, молния.

Ст. 547. Договор скрепляется клятвой, которая требует специального жертвенного обряда. См. прим. к Илиаде, кн. III, ст. 269.

Словарь

Сокращения: д.— дочь, Ж.— Жуковский, прав.— правильнее, с. — сын, т.— текст.

Автоликон, прав. Автолик, — хитрый царь в окрестностях горы Парнасса, дед Одиссея, отец его матери Антиклеи. тип сказочного вора, обладавший способностью делать невидимой любую вещь, какая ему попадала в руки. Искусство, с каким он обманывал, воровал и безнаказанно нарушал клятвы, является божественным даром, полученным от Гермеса. Хитрец Одиссей — внук этого мастерского обманщика; в позднейшей мифологической традиции Одиссей — его незаконный сын или происходит от другого мифического плута, Сизифа. см. *Эрмий*.

Автоноя — рабыня Пенелопы.

Агамемнон — сын Атрея, брат спартанского царя Менелая, царь Аргоса, Микен и ряда других городов северного Пелопоннеса, верховный военный вождь ахейской союзной армии, действовавшей под стенами Трои.

Агелай — сын Дамастора, один из женихов Пенелопы.

Адреста — рабыня Елены.

Азоп — река в Беотии.

Аид — по-греч. Аидéс — прозвище бога царства мертвых. Оно значит «невидимый». Скрывать настоящее имя этого страшного бога и обозначать его иносказательно заставлял ужас, внушавшийся людям религиозными представлениями, с ним связывавшимися. «Дом Аида» — обитель мертвых.

Аида — по-греч. Аэдон («соловей») — жена Зетоса (см. *Амфион)*, желавшая из зависти к своей многодетной золовке Гиппомедузе убить ее сыновей, но, вместо них, нечаянно убившая своего собственного сына, Итилоса, и обращенная богами в соловья.

Акаст — царь острова Дулихия.

Актор — отец Эвриномы.

Алектор — спартанец, отец Ифилохи.

Алибанты — вымышленный народ.

Алкиной — царь феакийцев на Схерии.

Алкиппа — рабыня Елены.

Алкмена — жена тиринфского царевича Амфитриона, бежавшего из Тиринфа в Фивы: здесь, в Фивах, у нее родился от Зевса Геракл (Иракл).

Алкмеон — сын Амфиарая и Эрифилы, убивший мать и подпавший затем преследованиям Эринний. См. *Эрифила*.

Алозинда — морская богиня.

Алоэй (первоначально бог гумна) — муж Ифимедеи, отец Отоса и Эфиальта (двух «Алоидов»).

Алфей — река в Пелопоннесе, протекающая по Аркадии и Элиде.

Амврозиальный — 1) бессмертный, божественный; 2) ароматный.

Амврозия — благовонное вещество, которым питаются боги, — употребляемое ими, впрочем, не только в пищу: иногда оно служит им ароматической мазью, поддерживающей их божественную красоту, а в других случаях средством, предохраняющим тело мертвого человека от разложения.

Амнизий — прав. Амниз — гавань на Крите, у города Кноса.

Амифаон — сын Тиро и Крефея, отец Мелампода (Мелампа).

Амфиарай — правнук Мелампода предсказателя и сам предсказатель, царь Аргоса, участник похода семи против Фив. Когда, после поражения войска семи вождей, Амфиарай спасается бегством на своей колеснице, земля под ним неожиданно разверзается и он провалиается вместе с колесницей. Под землей Амфиарай получает бессмертную жизнь и становится божественным героем.

Амфилох — сын Амфиарая и Эрифилы, наследовавший от отца дар пророчества. Культ Амфилоха засвидетельствован для многих мест Греции: в позднейшие времена наибольшей популярностью пользовался оракул Амфилоха в киликийском городе Малле, в Малой Азии.

Амфимедон — сын Меланея (Меланта), один из женихов Пенелопы.

Амфином — богатый дулихиец, сын Низа, внук дулихийского царя Арета, один из женихов Пенелопы, спокойный и рассудительный, умные речи которого нравились Пенелопе.

Амфион — 1) брат-близнец Зетоса, сын Зевса и Антиопы, дивный игрок на лире, под волшебные звуки которой воздвиглись сами собою каменные стены Фив; 2) сын Иасия, царь беотийского города Орхомена, отец Хлориды.

Амфитея — жена Автолика (Автоликона), мать Антиклеи, бабка Одиссея.

Амфитрита — богиня моря: в позднейших мифах жена Посидона.

Амфора — большой глиняный сосуд, служащий обычно для хранения вина.

Антиклес — прав. Антикл — один из ахейцев, находившихся в деревянном коне.

Антиклея — дочь Автолика (Автоликона), жена Лаэрта, мать Одиссея и Ктимены, преждевременно умершая в тоске по сыне, в возвращение которого она перестала верить.

Антилох — старший сын Нестора, один из отважнейших молодых героев Илиады, убитый, согласно мифу, в конце троянской войны вождем эфиопов, Мемноном, под меч которого он в сражении бросился, прикрывая собой отца.

Антиной — сын Эвпейта, итакиец, главный и самый дерзкий из женихов Пенелопы.

Антиопа — д. реки Азопа, мать близнецов Зетоса и Амфиона, которых она тайно родила от Зевса.

Антифат — 1) сын Меламапода, дед Амфиарая; 2) царь лестригонов; 3) прав. Антиф, итакиец, друг Одиссея.

Антифонт — прав. Антиф — итакиец, сын Эгиптия (Эгипция), товарищ Одиссея, съеденный Полифемом.

Апира — (у Жуковского Эпир) — мифическая страна («Беспредельная»), откуда феакийцы вывезли для Алкиноя рабыню Эвримедузу. См. коммент. VII, 9.

Аполлон — бог-стрелок, близнец Артемиды, сын Зевса и богини Лето (Латоны), покровитель музыки и певцов, солнечный бог.

Аргивяне — название, равнозначащее в гомеровских поэмах слову «ахеяне» или «ахейцы».

Арго — название корабля Язона: отсюда и плывшие на этом корабле герои, Язон и его товарищи, получили прозвище «моряков Арго», «аргонавтов».

Аргос — 1) главный город области Арголиды в Пелопоннесе; 2) область царства Агамемнона в северо-восточной части Пелопоннеса; 3) весь Пелопоннес, который носит иногда название Аргоса «ионического» или Аргоса «иаонов» (у Жуковского «Язийский Аргос»); 4) Пелазгический Аргос в Фессалии.

Аргус — 1) по-греч. Аргос, многоглазое чудовище, приставленное Герой неусыпно сторожить обращенную в корову возлюбленную Зевса Ио, к которой Гера ревновала своего мужа. По приказу Зевса, Гермес убил Аргуса и освободил Ио. Согласно старому толкованию, которому следовали и Жуковский и Гнедич, намек на этот миф усматривался в гомеровском прозвище Гермеса «аргеифонтес»: Гнедич передал это прозвище на русский язык эпитетом «аргоубийца», Жуковский словами «убийца Аргуса» или, подобно Гнедичу: «аргусоубийца»; 2) имя охотничьей собаки Одиссея.

Арей — бог войны, сын Зевса и Геры.

Арета — жена и племянница Алкиноя, дочь брата Алкиноя Рексенора.

Аретос — имя одного из сыновей Нестора.

Аретуза — название источника близ утеса Коракса, у луговин на Итаке, где паслись стада свиней Одиссея.

Ариадна — дочь критского царя Миноса, вручившая Тезею клубок, по нити которого Тезей выбрался из лабиринта. См. прим. XI, 325.

Аркезиад — сын Аркезия, Лаэрт.

Аркезий — отец Лаэрта.

Арнеон — прав. Арней — имя нищего, прозванного Иром.

Артакийский ключ — источник у города Телепила, в стране лестригонов.

Артемида — богиня-девственница, дочь Зевса и богини Лето (Латоны), сестра Аполлона, охотница, вооруженная, как и ее брат, луком и стрелами.

Астер — прав. Астерида — «звездный», остров близ берегов Итаки.

Асфалеон — один из слуг Менелая.

Асфодилонский, или Асфоделовый, луг: асфодел — полевой цветок, очень распространенный на юге Европы, имевший в античной Греции ближайшее отношение к культу мертных. Им засаживались, между прочим, могилы: загробный луг, по которому блуждают души умерших, считался усеянным цветами этого растения.

Атлант — один из титанов, поддерживающий на своих плечах небесный свод: «подпирающий его своей головой и неутомимыми руками», как сказано в Теогонии Гезиода (ст. 519). В Одиссее он подпирает столбы, отделяющие землю от неба. Эпитетом «козноде й» Жуковский передал греческое «олоофрон» (хитрый), вложив в него содержание мифа, согласно которому вечный труд Атланта рассматривался как наказание, наложенное на него богами за какие-то против них козни.

Атрей — сын Пелопса, брат Фиеста, отец Агамемнона и Менелая, царь Микен, власть над которыми после его смерти унаследовал его старший сын Агамемнон.

Атрид — сын Атрея: Агамемнон или Менелай.

Афейд — вымышленное имя: «тот, кого не щадили».

Афина — богиня-дева, дочь Зевса, родившаяся из его головы: богиня мудрости и божественная дева войны, постоянная защитница Одиссея; как богиня-воительница она носит иногда прозвище «добычницы», «агелеи», богини военной добычи.

Афинея — иная форма имени Афина.

Афины — главный город Аттики.

Афродита — дочь Зевса и богини Дионы, богиня любви, самая красивая из всех богинь, жена Гефеста.

Ахерон, или Ахеронт, — река загробного мира.

Ахеяне, ахейцы — название одного из древнейших греческих племен, служащее в Одиссее, как и в Илиаде, для обозначения греков вообще, в их противоположении всем не-грекам.

Ахиллес, или Ахилл, — сын мирмидонского царя Пелея и богини Фетиды, царь фтиотийского Мирмидона в южной Фес-

салии, главный герой троянской войны и гомеровской Илиады. Незадолго до взятия Трои убит стрелой Париса, направленной против него рукой Аполлона.

Аэт — царь мифической страны Колхиды, сын Солнца (Гелиоса) и дочери Океана Персы, отец Медеи. В его царстве хранилось золотое руно, т. е. золотая шкура сказочного барана, добывать которую ездил в Колхиду Язон на волшебном корабле Арго.

Аякс, или Эант, — 1) сын Теламона, царя острова Саламина, предводитель саламинского войска под Троей. После смерти Ахиллеса среди вождей ахейского войска поднялся спор о том, кому присудить в почетный дар боевое оружие Ахиллеса: Аяксу, самому могучему из ахейских воинов, или самому из них мудрому, Одиссею. Спор был решен в пользу Одиссея, и Аякс, в отчаяньи, покончил самоубийством. 2) Сын Оилея и Эриопы или Эриопиды, предводитель локрийцев, из Средней Греции, у Евбейского пролива.

Богиня богинь — так переводит Жуковский гомеровский эпитет нимфы Калипсо „dia theáon" («дивная из богинь»).

Борей — северный ветер.

Воот или Боот, т. е. Волопас, — название созвездия близ Большой Медведицы.

Галгант, в подлиннике (IV, 603) kypeiron, — луговое растение, кипер — род ситника.

Галионт — прав. Галий — второй сын Алкиноя.

Галиферд — прав. Галиферс — сын Мастора, итакиец, старик, дружески расположенный к Одиссею, старый его товарищ, искусный птицегадатель и предсказыватель будущего.

Гарпии — духи ветра и смерти, крылатые женские существа, реющие невидимо в воздухе и похищающие людей.

Гебея — прав. Геба — цветущая молодостью, здоровьем и силой богиня, олицетворение юности в пору только что наступивший зрелости, дочь Зевса и Геры, прислуживающая на Олимпе богам во время их пиршества. Геракл, после своего земного существования взятый богами на Олимп, получил ее себе в жены.

Геллеспонт — Дарданелльский пролив, отделяющий берега Малой Азии от берегов Фракийского Пелопоннеса (Галлипольского полуострова).

Гелиос — солнце или, чаще, бог солнца.

Геренейский герой (у Гнедича «конник Геренский») — неясного значения эпитет Нестора, повидимому, образованный от названия города или местечка в Мессении, недалеко от Пилоса.

Герест — возвышенный мыс на южной оконечности острова Евбеи.

Геронты — старейшины.

Гея — земля.

Гиганты — сказочный народ великанов.

Гиперезия — город в Ахайе, в северном Пелопоннесе.

Гипподамия — рабыня Пенелопы.

Гирейские скалы — морские скалы у южных берегов Евбеи или, по другим свидетельствам, у берегов одного из Кикладских островов, близ Микона и Наксоса.

Глашатаи (керики) — герольды, вестники города или отдельного важного лица, например, царя.

Гносс — прав. Кносс — главный город острова Крита.

Горгона — женское чудовище, голова которой всех смотревших на нее повергала в ужас, или, по некоторым мифам, даже обращала в камень.

Гортина — большой город на Крите, в южной части острова.

Дамасторов сын — Агелай.

Данаи — племенное название, служащее в гомеровских поэмах, подобно названиям «ахеяне» и «аргивяне», для обозначения вообще греков, в их противоположении всем не грекам.

Девкалион — сын Миноса, царь критского города Кносса (Гносса), отец Идоменея.

Деифоб (Дейфоб) — сын Приама и Гекубы, один из наиболее стойких защитников Трои.

Делос — один из Кикладских островов Эгейского моря, посвященный культу Аполлона: на ряду с Дельфами, важнейшее святилище этого бога.

Демодок — слепой певец, феакиец на Схерии.

Демон. Этим словом Жуковский передает греч. выражение «даймон» (божество), равно как и другое «теос» (бог) в тех случаях, когда это последнее означает не того или иного определенного бога, а божественную силу вообще, благодетельную или, чаще, грозную. Иногда греческое «даймон» Жуковский передает на русский язык словом «гений» (III, 27).

Демоптолем — один из женихов Пенелопы.

Денница — богиня утренней зари, Эос. «Сын лучезарной Денницы»: Мемнон, с. Титона и Эос, царь эфиопов. См. *Антилох*.

Дий — 1) Зевс. Обычную форму имени этого бога в русской его передаче «Зевс» Жуковский заменяет иногда формой «Дий», образованной не от именительного падежа Deus, а от родительного Dios. 2) Название острова, см. прим. XI, 325.

Димант — феакиец, отец одной из подруг Навзикаи.

Димитра, или Деметра, — божество производительных сил земли, крестьянская богиня земледелия и хлебных злаков. «Дары Деметры» — хлебные зерна, хлеб. У Деметры, богини-матери, есть от Зевса дочь, Персефона, божество оплодотворенных недр земли и расцветающей по весне природы. Другое название Персефоны «Кора», т. е. «девушка», «дочь». Кору похитил у матери бог подземного царства Плутон, или Аид, и унес к себе в преисподнюю: Персефона стала его женой, царицей обители мертвых. Каждую весну выходит Кора из-под земли, и вместе с ней поднимаются над землей первые весенние всходы.

Д и о к л е с — сын Орзилоха, царь города Фер в Пелопоннесе, внук реки Алфея, тот самый, о котором упоминается и в Илиаде (V, 543 сл.). См. *Феры.*

Д и о м е д — один из главных героев Троянской войны.

Д и о н и с — бог зиждительных сил природы, божество виноградной лозы и вина, сын бога и смертной, Зевса и Семелы. Его культ, тесно связанный с обстановкой деревенских весенних обрядов и сельской осенней страдой в период виноградного сбора, отличался пьяным весельем и моментами массового религиозного экстаза, выразительницами которого, в большинстве случаев, были женщины.

Д о д о н а — святилище Зевса в Эпире, одно из древнейших мест культа Зевса в Греции. В святилище росло священное дерево бога, дуб, и с этим дубом был связан знаменитый на всю Грецию Додонский оракул Зевса.

Д о л и о н — прав. Д о л и й — 1) раб, отец рабов Одиссея, Мелантия пастуха и Меланто служанки; 2) раб Лаэрта, садовник, отец шести сыновей, помогающих ему в работе.

Д о р и й ц ы — одно из греческих племен.

Д у л и х и й — остров у берегов Акарнании: острова с таким названием в историческое время в Греции нет, и неизвестно, с каким именем из действительно существующих островов следует его отожествлять. См. прим. IX, 24—25.

Е в б е я — большой остров в Егейском море, близ восточных берегов средней Греции.

Е г и п е т — 1) страна Египет; 2) река Нил.

Е л е н а — дочь Зевса и Леды, жена Менелая, возвращенная им из Трои. См. *Менелай.*

Е л и с е й с к и е п о л я — «Элизий» или «Элисийская равнина», или, еще иначе, «острова блаженных», загробная страна счастья, где протекает беспечальная посмертная жизнь некоторых героев, после их земного существования перенесенных туда богами.

З а к и н ф — остров к югу от Кефаллении, у берегов Элиды.

З а м, З а м а или С а м а, или, по некоторым рукописям Одиссеи, Самос, остров: вероятно, позднейшая Кефаллення.

З е в е с, З е в с — бог неба, грома и молнии, сын Крона и Реи, верховный греческий бог.

З е м л и к о л е б а т е л ь — эпитет Посидона.

З е ф и р — западный ветер.

И д о м е н е й — сын Девкалиона, царь критского города Кноса, предводитель критских войск в Троянскую войну.

И д о ф е я — морская богиня, дочь Протея.

И з м а р — главный город киконов, славившийся виноделием, позднейшая Маронея, на фракийском побережье, недалеко от острова Фазоса, к востоку от него.

И к а р и й — отец Пенелопы и Ифтимы.

Икмалион — прав. Икмалий — имя столяра, сделавшего Пенелопе стул художественной работы.

Ил — сын Мермера, царь города Эфира в Элиде, в Пелопоннесе.

Илион — другое название Трои.

Иолхос — прав. Иолк — город в Фессалии, на берегу Пагасейского залива.

Иперейская страна — по-греч. «Гиперия» — т. е. «далекая», «запредельная» или «верхняя» страна («дальняя сторонушка»): мифическая родина феакийцев, где они жили до своего переселения на Схерию.

Иперион, или Гиперион, — эпитет солнца (Гелиоса); «ходящий высоко в небе» бог.

Ир — прозвище нищего Арнея (Арнеона). Оно сопоставляется с именем посланницы богов, богини Ириды.

Ира, или Гера, — верховная греческая богиня, д. Крона, сестра и вместе с тем жена Зевса.

Иракл, или Геракл, — сын Зевса и Алкмены (см. Алкмена), самый сильный и самый любимый герой греческого народа. С дубиной в руках расхаживал он в львиной шкуре по всей Элладе и далеким сказочным землям, истребляя разных чудовищ, диких зверей, разбойников и других вредителей человечества и выполняя тяжелые поручения, которые заказывал ему, могучему и бесстрашному, трусливый и слабый микенский царь Эврисфей, по воле судьбы имевший право приказывать Гераклу. Одним из них, поручением наиболее страшным, было вывести из царства Аида трехглавого адского пса, Кербера. В иных мифах, в которых Геракл охарактеризован чертами грубого насилия, например в сказании о зверском убийстве Ифита (XXI, 25 сл.), сквозит, быть может, вражда к дорянам, считавшим Геракла специально своим, дорическим, национальным героем.

Итак — эпонимный герой острова Итаки.

Итака — остров у западных берегов средней Греции.

Итилос см. *Аида.*

Ифест, или Гефест, — бог огня вообще и огня, обрабатывающего металл, в частности: бог-кузнец, хромой, но сильный и ловкий, занятый постоянно трудом. Он и кузнец, и зодчий, и ваятель. В Илиаде он женат на Харите, божестве красоты; в Одиссее его женой является сама Афродита.

Ификлес, или Ификл, — см. *Пера.*

Ифит см. *Эврит.*

Ифтима — дочь Икария, сестра Пенелопы, замужем за Эвмелом, в Фессалии.

Кавконы — название одного из древних греческих племен, жившего на западном побережьи Пелопоннеса.

Кадм — сын Феникса (финикийца), брат похищенной Зевсом Европы, отправившийся из Финикии на розыски сестры, встретивший на своем пути корову, которая привела его в Гре-

цию, в Беотийскую землю, и основавший там новый город, Кадмею, позднейшие Фивы.

Калипсо, т. е. «укрывательница», «укрывающая покровом», — нимфа острова Огигии, дочь Атланта, семь лет удерживавшая при себе Одиссея.

Камены — римские богини, отожествлявшиеся впоследствии римлянами с греческими музами: слова «Камены» в греч. т. XXIV, 197, разумеется, нет; там речь идет о «славе», о том, что слава о добродетельной Пенелопе никогда не погибнет, так как будет жить вечно в сложенных о ней песнях.

Кассандра — дочь Приама, пророчица: после взятия Трои — пленница Агамемнона.

Кастор — 1) сын Гилакса, имя вымышленного Одиссеем богатого критянина, от которого он будто бы родился; 2) Кастор и Полидевк — братья близнецы, сыновья Леды. Полидевк обладал бессмертием, Кастор был смертным: первый родился от Зевса, второй от Тиндарея (Тиндара). Кастор был убит на войне, но Полидевк выпросил и для него у Зевса бессмертие, взамен чего пожертвовал, ради брата, половиной собственной жизни. С тех пор братья попеременно умирают на сутки.

Кентавры — обитающие в лесах и горных долинах полулошади, полулюди.

Керы — реющие в воздухе крылатые женские существа, демоны смерти (первоначально души умерших), в момент смерти живого человека (или животного) схватывающие выходящую из умирающего тела душу. Отсюда образное выражение «кера» часто оказывается равнозначащим по смыслу выражению «смерть».

Кетейцы — одно из мизийских племен Малой Азии.

Кефаленская сторона, кефаленские области — область всех смежных с Итакией островов — Замы, Закинфа, Дулихия и других, равно как и береговой полосы на противолежащем материке и самой Итаки, заселенная кефаленами.

Кидоны — одно из критских племен.

Киконы — одно из фракийских племен.

Киллинейский — прозвище бога Гермеса (Эрмия), родившегося на горе Киллене (Киллине), в Аркадии.

Киммеряне, или киммерийцы, — мифический народ на крайнем севере; их страна вечно покрыта мраком, так как до нее не достигают солнечные лучи.

Кипр — остров в восточном углу Средиземного моря, к югу от Малой Азии, близ берегов Сирии и Киликии, богатый металлами, издавна добывавшимися в его земле, одно из древнейших мест культа Афродиты.

Киприда — «кипрянка», прозвище Афродиты, образованное от названия острова Кипра, который в мифе обычно является островом этой богини. Следует, впрочем, заметить, что нигде в Одиссее Афродита прозвищем этим не обозначается, и Жуковский напрасно ввел его в текст своего перевода. Эпитет «Киприда» Афродита носит в одной только V книге Илиады.

Китера, или Кифера, — остров близ Пелопоннеса, у берегов Лаконики, к югу от Малейского мыса.

Китерея — прозвище Афродиты, «китерская» или «киферская», по названию острова Китеры, одного из главных мест культа Афродиты.

Климена — мать Ификла.

Клит — сын Мантия, похищенный влюбившейся в него Эос и получивший по воле богов бессмертие.

Клитемнестра — прав. Клитеместра — д. Леды и Тиндарея (Тиндара), жена Агамемнона, сестра Елены.

Клитий — итакиец, отец Пирея, товарища Телемаха.

Клитонеон — прав. Клитоней — третий сын Алкиноя.

Колесница см. *Медведица.*

Коракса утес (т. е. «утес ворона», «Воронова Скала») — утес на Итаке близ тех луговин, на которых паслись стада свиней Одиссея.

Коцит — «река воплей» в загробном мире, приток другой загробной реки, Стикса.

Кратера (кратер) — глиняный большой сосуд с широким открытым горлом, употреблявшийся греками для смешивания вина с водой: из него черпали смесь и разливали по кубкам.

Кратейя, т. е. «Сила», — мать Скиллы.

Крайчий, или кравчий, — прислужник, на обязанности которого лежит разрезание приготовленного к еде мяса.

Креон, или Креонт, — фиванский царь.

Крефей — сын Эола, муж Тиро, фессалийский царь.

Крит — окруженный густой сетью мифов, некогда центр очень древней, догреческой высокой культуры, большой остров Средиземного моря.

Кронион, т. е. «сын Крона», — прозвище Зевса. Согласно древнему мифу, некогда правил миром не Зевс, а Крон, сын Урана и Геи (Неба и Земли), добрый, любвеобильный бог, время правления которого было для мира «золотым веком»: люди не знали тогда труда, земля сама приносила им плоды круглый год, не требуя никакой обработки. Жена Крона, Рея, родила мужу Зевса, Посидона, Аида, Геру (Иру), Деметру, Гестию (богиню домашнего очага). Но Зевс отнял у отца власть, сверг Крона с престола, победил и остальных детей Урана и Геи, титанов, заступившихся за старого бога, и сбросил и их и самого Крона в подземные бездны, в Тартар.

Круно — прав. Круны — местность в южной Элиде.

Ктезипп — сын Полиферса (Полиферда), с острова Замы, один из самых богатых женихов Пенелопы.

Ктимена — дочь Лаэрта и Антиклеи, сестра Одиссея, выданная замуж на остров Заму. См. *Эврилох.*

Куфа — чан, кадка, бочка; так переводит Жуковский греч. слово «питос», обозначавшее большой круглый глиняный сосуд с сравнительно широким горлом и остроконечной нижней частью, не имевшей поддона. Чтобы питос не падал, его вкапывали в

землю или прислоняли к стене. В хозяйстве питос служил, приблизительно, тем же целям, каким служит в настоящее время бочка: в питосах хранили воду, вино, муку, крупу, овощи и другие припасы.

Лакедемон — область в юго-восточной части Пелопоннеса, позднейшая Лаконика. Иногда словом Лакедемон обозначается в Одиссее и главный город области, Спарта.

Ламос — царь лестригонов, основатель их города Телепила; у Жуковского ошибочно назван Ламосом самый город.

Ламп и Фаэтон — два бессмертных коня богини утренней зари, Эос; Ламп значит «блистающий», Фаэтон — «светящий». Аналогичные имена носят дочери Солнца: Лампетия и Фаэтуса.

Лампетия — нимфа, дочь Гелиоса и Неэры.

Лаодам — прав. Лаодамант — старший сын Алкиноя.

Лапифы — греч. легендарное племя в северной части Фессалии.

Латона — богиня, мать Аполлона и Артемиды.

Лаэркос — прав. Лаэркий — кузнец, покрывший золотом рога жертвенной телки Нестора.

Лаэрт — сын Аркезия или Аркизия, престарелый отец Одиссея.

Лаэртов внук — Телемах.

Левкад — прав. Левкада — т. е. «белая»; мифическая скала у границы загробного мира («Белый утес»).

Левкотея, т. е. «Белая богиня», — божество моря, белых пенистых волн, некогда смертная женщина по имени Ино, дочь фиванского царя Кадма, в припадке безумия, ниспосланного на нее Герой, бросившаяся с утеса в море, с малолетним сыном Меликертом в руках, и по воле богов обратившаяся в богиню: богом стал и Меликерт, и оба получили новые имена — Левкотеи и Палемона.

Леда — жена спартанского царя Тиндарея (Тиндара), мать Клитемнестры, Елены, Кастора и Полидевка.

Лезбос (Лесбос) — остров в Эгейском море.

Лемнос — остров в Эгейском море, одно из главных мест культа бога Гефеста (Ифеста).

Леодей — сын Эйнопа, один из женихов Пенелопы, «жертвогадатель», т. е. человек, умеющий гадать по внутренностям животных и по случайным явлениям, происходящим при жертвоприношениях; он же следит за тем, чтобы сжигаемые части жертвенного животного раскидывались на алтаре в установленном религией порядке, а также заведует возлияниями. За обедом поэтому он сидит около кратера, сосуда, в котором готовится смесь вина и воды.

Леокрит — сын Эйвенора, итакиец, один из женихов Пенелопы.

Лестригоны — сказочный народ великанов людоедов, в стране которого ночи столь коротки, что заря вечерняя встречается там с зарей утренней; давно уже высказано предположе-

ние, что в мифе о лестригонах мы имеем отзвук знакомства древнейших греков с короткими северными ночами.

Ливия — страна в Африке, вдоль южных берегов Средиземного моря к западу от Египта.

Лотос — род клевера.

Лотофаги — мифический народ, питающийся волшебным, притягательной силы, лотосом.

Маин сын — сын богини Майи, Гермес (Эрмий).

Малея — горный мыс, образующий южную оконечность Лаконики, в Пелопоннесе.

Мантий — дословно «Предсказатель», с. Мелампода, дед Феоклимена.

Марафон — город на восточном побережьи Аттики.

Марон — сын Эвантея, кикон, жрец Аполлона в городе Измаре.

Мегапенд — прав. Мегапент — сын Менелая от рабыни.

Мегара — дочь фиванского царя Креонта, жена Геракла (Иракла), мать детей, убитых отцом в припадке безумия: сюжет этого мифа послужил темой трагедии Еврипида «Безумствующий Геракл».

Медведица, по-греч. «Арктос», — созвездие Большой Медведицы, носившее у греков и другое название — «Колесницы», т. к. рисунок этого созвездия древним напоминал очертания их повозок.

Медон, или Медонт, — итакиец, глашатай в доме Одиссея, вынужденный по своей должности прислуживать женихам, устраивая им угощения, но преданный Пенелопе и ее сыну.

Мезавлий — раб-свинопас, купленный у тафийцев Эвмеем.

Меламп — прав. Мелампод: «Черноногий» — сын Амифаона, знаменитый провидец, понимавший язык зверей. Об истории его заключения в темнице см. *Пера*. Решимость пойти на муки долгого заключения, которое он, как пророк, предвидел, была внушена ему свыше: его слепая отвага была делом Эринии, богини, помрачающей ум человека.

Мелантий, т. е. «Черный», «Чернявый», — пастух-козопас, сын Долия (Долиона), брат Меланто, раб Одиссея.

Меланто, т. е. «Чернявка», — рабыня, служанка в доме Одиссея, сестра пастуха Мелантия, дочь Долия (Долиона), находящаяся в тайной связи с одним из женихов Пенелопы, Эвримахом.

Мемнон — сын богини зари, царь эфиопов, герой громадного роста и необычайной силы, пришедший в конце троянской войны на защиту царства Приама. Убит в бою Ахиллесом. См. *Антилох*.

Менелай — сын Атрея, царь Спарты, брат Агамемнона, муж Елены, похищение которой троянским царевичем Парисом послужило причиной троянской войны. После взятия греками Трои Менелай получил Елену обратно и вместе с ней вернулся

в Спарту, претерпев на пути много приключений, занесенный противными ветрами на восток и в Египет.

Ментес — тафийский царь, старинный друг Одиссея.

Ментор — сын Алкима, итакиец, товарищ и однолеток Одиссея: Галитерс (Галиферд), Антиф (Антифонт) и Ментор — три ближайших товарища Одиссея в Итаке.

Мера — 1) пелопоннесская героиня — охотница, спутница Артемиды, ею убитая в наказание за нарушение девства; 2) Судьба (Мойра), см. *Парки*.

Мессинцы, или мессенцы, — жители Мессении, в Пелопоннесе.

Микена — 1) или Микены, город недалеко от Аргоса, принадлежавший Агамемнону; 2) эпонимная героиня города Микен: древние мифы о ней, намеки на которые имеются в Одиссее, до нас не сохранились.

Микины, или Микены, см. *Микена*.

Мимант — гора на западном берегу Малой Азии, напротив северной оконечности о. Хиоса.

Минос — сын Зевса и Европы, могущественный легендарный царь острова Крита, одна из популярнейших фигур древних сказаний, создатель критского либиринта, построенного ему Дедалом. Отличительными чертами Миноса в мифе являются мудрость и справедливость, за которую он, любимец богов, поставлен ими судьей над мертвыми на том свете.

Мирмидоны, или мирмидонцы, — греческое фессалийское племя, в Фтиотиде, родине Ахиллеса; в троянскую войну мирмидонским войском начальствовал Ахиллес, а после его смерти сын его, Неоптолем.

Муза — богиня музыки, пения, пляски и словесного творчества, покровительница певцов. О музах в гомеровских поэмах говорится то в единственном, то во множественном числе. Цифра девять, которая позже становится для муз канонической, встречается в гомеровских поэмах лишь в одном месте, а именно в Одиссее, XXIV, 60. Отцом муз является Зевс, матерью Мнемозина («Память»).

Мулион — прав. Мулий — дулихиец, глашатай Амфинома.

Навзикая — дочь Алкиноя на Схерии. В состав ее имени, как и имени ее деда, Навзитоя, входит слово naus «корабль»: она — царевна острова корабельщиков.

Навзитой — отец Алкиноя, в свое время переселивший феакийцев из Гипереи на Схерию. Его имя значит «бурный (или лихой) корабельщик». Он сын Посидона, бога морей, и Перибеи.

Наяда — водная нимфа, в особенности нимфа источника.

Неера — дочь Океана, родившая Гелиосу двух дочерей, Фаэтусу и Лампетию.

Нектар — напиток богов.

Нелей — царь Пилоса, отец Нестора, сын Тиро и бога Посидона.

Неоптолем — сын Ахиллеса и дочери скиросского царя Ликомеда, Дейдамии, которую Ахиллес полонил или с которой тайно сошелся, когда скрывался на о. Скиросе, в женском платье, среди дочерей Ликомеда. Родившийся после отъезда Ахиллеса на троянскую войну, он воспитан был в доме Ликомеда, а после смерти отца, уже юношей, был приведен Одиссеем и Диомедом под Трою, где вступил в ряды ахейского войска.

Нерикон — город в Акарнании, против северной оконечности острова Левкады.

Нерион — прав. Нeритон или Нерит — 1) лесистая гора на Итаке; 2) ее эпонимный герой.

Нестор — царь Пилоса, старейший из вождей союзной ахейской армии, осаждавшей Трою.

Нейон — один из отрогов горы Нерита (Нериона).

Низ — богатый дулихиец, отец Амфинома, одного из женихов Пенелопы.

Нимфа — греч. слово «нимфа» (nymphe) значит «невеста», а затем, в распространительном смысле, вообще «молодая девушка» или «молодая женщина». Нимфами называются также и низшие женские божества природы, особенно божества источников и озер; но были нимфы рощ, гор, островов и т. д. Нимфой является и Калипсо, богиня Огигии.

Носитель жезла золотого — гомеровский эпитет Гермеса chrysorrapis. Отличительным символом этого бога был его магический жезл. «рабдос», короткая, иногда перевитая двумя змейками, палочка в руках, с которой он обычно и изображался.

Нот — южный ветер.

Ноэмон — сын Фрония, итакиец, предоставивший свой корабль Телемаху для путешествия в Пилос.

Огигия, Огигский остров — мифический остров нифмы Калипсо.

Оиклей — отец Амфиарая.

Океан — обтекающая земной диск мифическая мировая река, отделяющая земной мир от мира потустороннего.

Олимп — отожествленная преданием с высокой горой у Фермейского залива, на границе между Фессалией и Македонией, мифическая гора, на вершине которой живут главные, «олимпийские», боги.

Олимпиец, олимпийский — прозвище Зевса, как верховного бога, обитающего на горе Олимпе.

Опс — отец Эвриклеи (см.).

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры. См. *Эгист*.

Орион — мифический охотник и богатырь, возлюбленный богини Эос. Убит охотницей Артемидой, но продолжает и после смерти охотиться на том свете. Он же звезда на небе (созвездие Ориона): псом охотника Ориона называется одна из звезд созвездия Сириуса.

Орсилох — вымышленное Одиссеем имя сына критского царя Идоменея.

Ортигия — название легендарного острова, связанное с мифами об Артемиде. Позднейшие сказания то неопределенно локализуют Ортигию где-то на крайнем западе, то отожествляют ее с различными реально существующими островами, на которых в историческое время был развит культ Артемиды: с Делосом, островком Ренеей, близ Делоса, с рощей Артемиды в Эфесе и т. д.

Орхомен минийский — богатый город в Беотии, у Копаидского озера, в отличие от другого Орхомена, аркадского, прозванный минийским по названию одного из древних, в историческое время уже исчезнувших, греческих племен, минийцев, некогда населявших, между прочим, и Беотию.

Оры, или Горы — юные богини сменяющихся времен года.

Осса — 1) гора в северной Фессалии, близ Олимпа и Пелиона; 2) греч. слово, которое значит «молва»; Жуковский считал его именем собственным, может быть под влиянием Илиады Гнедича, где Осса (Молва) и в греческом тексте действительно персонифицирована.

Отос и Эфиальт — сыновья Посидона и Ифимедеи, силачи-великаны, засадившие однажды бога Арея в медную темницу (откуда Арею лишь с трудом удалось, с помощью Гермеса, выбраться), взгромоздившие гору Оссу на Пелион и убитые, наконец, Аполлоном.

Паллада — прозвище Афины.

Пандар — прав. Пандарой — отец Аиды (см. *Аида)* и двух других дочерей, Клеотеры и Меропы (или Камиро и Клитии), после преждевременной смерти родителей девочками взятых богами на небо и воспитанных там богинями: когда Клеотера и Меропа стали взрослыми девушками, и Афродита захотела выдать их замуж, Зевс предал их смерти в наказание за грех их отца, похитившего при жизни золотого пса из критского святилища Зевса. За этот грех Пандарей и его жена наказаны были преждевременной смертью; та же кара распространена была и на его дочерей.

Панопей — город в Фокиде, недалеко от Дельф.

Парки — римские богини судьбы, которым в греческой религии соответствует Мойра. В греческом мифе божества судьбы изображались пряхами, сучащими для каждого человека нить его жизни: в эту нить вплеталось пряхой все то, что суждено было испытать человеку в жизни, и жизнь человека кончалась, когда пряха решала оборвать его нить. Образ божественных прях встречается и в Одиссее (VII, 197). Рядом с ним стоит представление о судьбе вообще, «Мойре», — слово, которое значит «участь». Чаще им выражается отвлеченное понятие «судьба», «участь»; реже оно персонифицируется, обозначая «богиню рока». Жуковский римским термином «Парки» пользуется при переводе двух, по существу разнородных, греческих выражений: в иных случаях он передает им выражение «мойра», в других

слово «кера» (смерть), часто по смыслу очень близкое понятию участи.

Патрокл — самый близкий друг и товарищ Ахиллеса, отправившийся вместе с ним на войну под Трою и павший в бою от руки Гектора. Воинский подвиг Патрокла и его геройская смерть подробно описываются в Илиаде.

Пафос — один из главных городов Кипра, на юго-западном побережьи острова, с очень древним святилищем Афродиты.

Пеан — бог-врачеватель, имя которого впоследствии становится сакральным прозвищем других богов-целителей, Аполлона и Асклепия.

Певсенеор, или Певсенор, — прав. Пейсенор — итакийский глашатай.

Певсенорид — сын Певсенора; см. *Опс.*

Пелазги — древнейшие обитатели Греции.

Пелей — царь мирмидонцев в Фессалии, отец Ахиллеса.

Пелиас, или Пелий — сын Посидона и Тиро, впоследствии царь города Иолка (Иолхоса) в Фессалии, у Пагасейского залива, незаконно лишивший власти своего старшего брата Эзона сына Тиро от Крефея, а Язону, своему племяннику, поручивший выполнить трудный подвиг: вывезти из Колхиды золотое руно. См. *Аэт.*

Пелид — сын Пелея, Ахиллес.

Пелион — гора в северной Фессалии, недалеко от Олимпа и Оссы.

Пенелопа — дочь Икария, жена Одиссея.

Пера — прав. Перо — дочь пилосского царя Нелея, красавица, к которой сваталось множество женихов и которую Нелей решил отдать в жены только тому, кто привел бы ему из далекой Филакии стадо быков Ификла. Получил Перу в жены Биант, благодаря помощи хитрого брата, Мелампода, пророка и волшебника, согласившегося добыть брату стадо. Миф рассказывает, как Меламподдобрался до Филакии, как подошел к стаду, как схвачен был стражей Ификла и брошен в тюрьму, где просидел почти год, и как в конце концов царь Ификл добровольно отдал ему свое стадо, когда узнал от Мелампода средство избавиться от бездетности, тайну которого Меламподу, понимающему язык птиц, удалось случайно узнать от коршуна.

Перибея — дочь Эвримедонта, мать Навзитоя.

Перимед — итакиец, один из воинов на корабле Одиссея.

Персей — один из сыновей Нестора.

Персефона — богиня, царица подземного мира мертвых, жена Аида, дочь Деметры. См. *Димитра.*

Пиерия — область Македонии у Фермейского залива, около Олимпа.

Пизандр — родовитейший итакиец, отец которого, Поликтор, производит, очевидно, свой род от одноименного ему древнейшего героя Итаки, один из женихов Пенелопы. См. *Поликтор.*

Пизистрат — младший из сыновей Нестора.

Пилийцы — жители Пилоса.

П и л о с — город в Мессении, в юго-западной части Пелопоннеса, на берегу моря, царство Нестора.

П и р е й — сын Клития, итакиец, товарищ и сверстник Телемаха, оказавший у себя в доме приют изгнаннику Феоклимену.

П и р и т о й, или П и р и ф о й, — царь лапифов, на свадьбе которого с Лаодамией кентавры напились пьяными и бросились на лапифянок, что послужило поводом к жестокой битве лапифов с кентаврами.

П и р и ф л е г е т о н — «огненная» река загробного мира.

П и ф и й — прозвище Аполлона, образованное от слова «Пифо», древнейшего названия Дельфийского святилища.

П и ф и й с к и й х р а м — знаменитое святилище и оракул Аполлона в Дельфах (в Фокиде, в средней Греции).

П л е я д ы — название созвездия.

П л о в у ч и е у т е с ы, или П л а н к т ы, — движущиеся скалы, грозящие гибелью кораблям, в том числе и кораблю Одиссея, на его пути от Сирен к проливу Скиллы и Харибды.

П о л и б — 1) богатый египтянин, в доме которого, в египетских Фивах, гостил Менелай на обратном пути из Трои: имя его греческое, как и имя его жены, Александры; 2) один из женихов Пенелопы.

П о л и б и й — прав. П о л и б — 1) феакиец, искусный мастер, изготовивший мяч для сыновей Алкиноя; 2) итакиец, отец Эвримаха.

П о л и б о с — прав. П о л и б — см. *Полиб 2*.

П о л и д е й к — прав. П о л и д е в к — см. *Кастор*.

П о л и к а с т а — младшая дочь Нестора.

П о л и к т о р — 1) древний герой Итаки, совместно с Итаком и Неритом (Нерионом) устроивший водоем при источнике близ городских ворот; 2) Отец Пизандра (см.).

П о л и п и м о н и д — «сын многострадального» — вымышленное имя.

П о л и ф е м — сын Посидона и нимфы Фоозы, один из циклопов, в пещеру к которому попал Одиссей с товарищами.

П о л и ф е й д — сын Мантия, отец Феоклимена, получивший от Аполлона дар пророчества.

П о н т о н о й — феакиец, глашатай на Схерии.

П о с и д о н — бог моря. Символом его власти над водной стихией служит трезубец, которым он поражает волны, возбуждая или усмиряя бурю. За ослепление Полифема он упорно преследует Одиссея, мешая ему вернуться на родину.

П р и а м — царь Трои.

П р и а м о в г р а д — Троя, царем которой был во время Троянской войны Приам.

П р о к р и д а — дочь первого легендарного афинского царя Эрехфея, жена охотника Кефала и сама страстная охотница. Связанный с нею миф содержит широко распространенный и в новом фольклоре мотив испытания верности жены надолго покинувшим жену мужем: Прокрида не узнает вернувшегося Кефала и, не зная, что это ее муж, увлеченная им, готова ему отдаться.

К этому сюжету примыкает другой: после ссоры и примирения Прокрида случайно убита на охоте Кефалом.

Протей — одаренный провиденьем морской старец, обладающий способностью бесконечно менять свою внешность, принимая формы различных животных, разливаясь водой и превращаясь в огонь.

Псира — небольшой островок в Эгейском море, к западу от острова Хиоса.

Радамант — белокурый сын Зевса и Европы, брат царя Миноса, справедливейший человек, получивший в удел от богов вечное после земной жизни блаженство в Элизии.

Ретр или Рейтр — бухта на Итаке.

Салмоней — фессалийский герой, сперва царь в Фессалии, потом царь в Элиде: у позднейших мифографов — грешник, выдававший себя за Зевса, молнии которого пытался он подражать светом факелов, а раскатам грома — ударами по металлу.

Самос — см. *Зама.*

Светлоокая зевсова дочь — Афина.

Селена — луна.

Сидон — древний финикийский город.

Сидония — другое название Финикии, образованное от названия Сидона.

Сидоняне — финикияне.

Сизиф — лукавый царь Коринфа, или Эфиры, знавший тайны богов и разглашавший их людям, за что и несет вечное наказание на том свете, безостановочно выполняя вечный, тяжелый и невыполнимый «Сизифов» труд.

Сикания — Сицилия.

Сикелы — древнейшее, не-греческое, родственное италийским латинам население западной части Сицилии; сиканы — другое, этнически и лингвистически близкое сикелам племя, жившее в восточной части Сицилии.

Синтийцы, или синтии, — древнейшее, мифическое население острова Лемноса.

Сира — прав. Сирия — сказочный остров, родина свинопаса Эвмея.

Сирены — огромные птицы с человеческими, обычно, как и в Одиссее, женскими, на памятниках материальной культуры иногда и с мужскими, головами. Это души мертвых, реющие птицами в воздухе и пленительным пением зазывающие к себе души живых, смертоносные, пожирающие тела людей, кровожадные существа, которых следует остерегаться и умилостивлять жертвами: в Одиссее остров сирен усеян человеческими костями; сирены подманивают к себе, подобно русалкам, чаруют и губят моряков. На острове, мимо которого плывет корабль Одиссея, поют только две сирены: в греческом тексте стоит форма двойственного числа.

Скилла — дочь Кратейи, т. е. «Силы», страшное морское чудовище. См. *Харибда.*

Скирос — остров в Эгейском море, между Евбеей и Хиосом.

Солимские высоты — горы в стране Солимов, народа, жившего, повидимому, в западной части Малой Азии, близ Ликии.

Спарта — главный город Лаконики, или Лакедемона, столица Менелая.

Стикс — «река ужаса»: Ахерон и Стикс две главные реки загробного мира.

Стратион — прав. Стратий — один из сыновей Нестора.

Сунион, или Суний, — высокий мыс на южной оконечности Аттики.

Схерия — мифический остров феакийцев.

Тантал — один из античных сказочных грешников, богатый и жадный царь фригийского города Сипила в Малой Азии, завистливый и коварный, выкрадывавший у богов, допускавших его к своим трапезам, нектар и амврозию; за свои преступления он и терпит вечную на том свете муку.

Тафийцы — греческое племя, населявшее западные берега Акарнании и мелкие, лежащие у ее берегов, острова.

Тафос — остров у западных берегов Акарнании, царство друга Одиссея Ментеса.

Тайгет — горный хребет в Лаконике, в Пелопоннесе.

Тезей (у Гнедича Фезей) — аттический национальный герой, совершавший труднейшие подвиги, один из древнейших легендарных царей Афин. См. *Ариадна.*

Телем — старик циклоп, предсказатель.

Телемак — прав. Телемах — сын Одиссея и Пенелопы.

Темеза — город в южной Италии.

Тенедос — остров в Эгейском море, у берегов Троады.

Тидей — отец Диомеда.

Тиндар — прав. Тиндарей — спартанский царь, муж Леды.

Тиндарова дочь — Клитемнестра.

Тирезий — слепой фиванский пророк, доживший до глубокой старости и сохранивший после смерти полное сознание даже на том свете.

Тиро — дочь Салмонея, жена фессалийского царя Кефея, мать Эзона, Ферета (Ферита) и Амифаона; от Посидона она родила двух близнецов, Пелия (Пелиаса) и Нелея.

Титий — сын Земли, великан страшной силы, пытавшийся однажды овладеть богиней Латоной и убитый за свою дерзость детьми Латоны, Аполлоном и Артемидой. Согласно мифу, отголосок которого мы находим в XI кн. Одиссеи, он терпит за свой проступок вечное наказание на том свете.

Титон, или Тифон, — сын троянского царя Лаомедона, брат Приама, красавец, возлюбленный богини Эос, ею перенесенный на небо, где Зевс, по ее просьбе, даровал ему бессмертие.

Т р и н а к р и я — прав. Т р и н а к и я — мифический остров Гелиоса, где пасутся его стада. Слово «тринакия» значит «трехвильчатая»: «трехвильчатый остров». В античное время, начиная, примерно, с V века, сказочная «Тринакия» отожествляется греками с «Тринакрией», т. е. с Сицилией.

Т р и т о г е н а — эпитет Афины (смысл неясен).

Т р о я — главный город троянской земли, в Малой Азии, близ Геллеспонта, в долине реки Скамандра, взятый и разрушенный союзным ахейским войском после десятилетней Троянской войны, в которой участвовал и Одиссей, руководивший военными силами итакийцев.

У р а н — небо и как мифологическая персонификация, бог неба, в брачном союзе с Геей, богиней земли, породивший Крона, Рею, Прометея, Япета и других титанов. Следуя старинному толкованию гомеровского выражения «уранионы», прилагаемого к богам в качестве эпитета, Жуковский считает, что оно означает «Дети (или потомки) Урана»; в действительности, слово «уранионы», так же как и «ураниды», значит «небесные» (боги) «небожители».

У р а н и д ы, у р а н и о н ы — см. *Уран*.

Ф а р о с — остров Средиземного моря, близ берегов Египта, против дельты Нила.

Ф а э т о н — см. *Ламп*.

Ф а э т у с а — нимфа, дочь Гелиоса и Нееры.

Ф е а, или Ф е и, — приморский город в южной Элиде.

Ф е а к и й ц ы — любимый богами, счастливый народ сказочных мореходов, населяющий мифический остров Схерию, куда будто бы он переселился из мифической же Иперейской земли, соседящей со страной враждебных феакийцам циклопов. Картина классовых расслоений, культурного быта и политического управления феакийцев по существу является сколком с той, какая характеризует и другие гомеровские государства. Но под реалистической внешностью несомненно скрываются древнейшие представления о какой-то далекой стране, образ которой всецело, быть может, принадлежит мифу, или, что тоже возможно, восходит к отдаленной, забытой уже, но исторической былой реальности. Схерия отожествлялась греками с островом Керкирой (нынешним островом Корфу). В новейшее время ее отожествляли с Критом.

Ф е б — прозвище Аполлона.

Ф е д и м — финикийский (сидонский) царь.

Ф е д о н — царь феспротов.

Ф е д р а — жена Тезея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита и покончившая самоубийством, когда в ответ на ее признание Ипполит отверг ее любовь.

Ф е м и д а (у Гнедича Фемиса, по-греч. Themis) — богиня правосудия.

Ф е м и й — сын Терпия, итакиец, профессиональный певец, аэд. Имя его отца образовано от слова «терпсис» (услада): он

«сын услады», а его собственное имя содержит в своем составе представление о «добром предзнаменовании» (по-греч. — фэмэ).

Феоклимен — сын Полифейда, молодой ахеец, наследственный провидец; его отец, дед и прадед были пророками. Бежал из отечества, спасаясь от кровной мести родственников убитого им человека. Телемах встретился с ним близ Пилоса и привез на корабле в Итаку. В Итаке он проживает в доме Клития, сын которого Пирей — товарищ и сверстник Телемаха.

Фера — прав. Феры — 1) город недалеко от моря, на побережьи Мессенского залива, в Пелопоннесе, на реке Недоне, приблизительно на полпути по суше между Пилосом и Спартой; 2) город в Фессалии.

Ферит, или Ферет, — основатель фессалийского города Фер, отец Адмета.

Феспроты — греческое племя на юге Эпира, состоящее в дружеских отношениях с итакийцами.

Фест — город на юго-западном побережьи Крита, недалеко от Гортины.

Фетида — морская богиня, одна из Нереид, дочь морского старца Нерея, жена Пелея, мать Ахиллеса.

Фивы — 1) город в Беотии («Семивратные» Фивы); 2) город в Египте («Стовратные» Фивы).

Фиест — брат Атрея, отец Эгиста.

Филак — царь города Филаки, его эпонимный герой, отец Ификла (Ификлеса). См. *Пера*.

Филакия — область города Филака, в Фессалии.

Фило — рабыня Елены.

Филоктет — знаменитый стрелок, обладатель лука Геракла, отправившийся на троянскую войну во главе фессалийских войск из города Мелибеи. По пути в Трою он на острове Хризе был укушен в ногу ядовитой змеей, от укуса которой у него на ноге образовалась неизлечимая язва. Зловоние, исходившее от этой язвы, заставило греков бросить Филоктета на острове Лемносе. Впоследствии ахейцы, в виду пророчества, гласившего, что Троя взята может быть лишь с помощью стрел Геракла, привезли Филоктета в свой стан; на Лемнос ездил за ним Одиссей; его язву излечил врач ахейского войска, сын Асклепия, Махаон.

Филомилед, или Филомилид — царь острова Лесбоса, принуждавший всех приплывавших к Лесбосу чужеземцев вступать с ним в кулачный бой и убивавший их в единоборстве.

Филотий — прав. Филойтий — раб Одиссея, надзиравший за стадом его коров.

Фоас — сын Андремона, царь Плеврона и Калидона в Этолии, предводительствовавший под Троей этолийскими войсками.

Фооза, т. е. «быстрая», — нимфа, д. Форкина (Форка), мать циклопа Полифема.

Фоон — египтянин, у которого гостили Менелай и Елена.

Форк — прав. Форкин — морской бог, отец нимфы Фоозы.

Форкинская пристань — гавань на Итаке, посвященная морскому божеству Форкину (Форку).

Фразимед — старший из живых сыновей Нестора, бывший вместе с отцом на войне под Троей и благополучно вернувшийся, по окончании войны, обратно в Пилос.

Фракия — обширная, раскинувшаяся по берегам Геллеспонта и Пропонтиды, населенная воинственными племенами страна, к востоку от Македонии.

Фронтис — сын Онетора, рулевой на корабле Одиссея.

Фтия, или Ффия, — главный город Мирмидонского царства Пелея в Фессалии, родина Ахиллеса.

Халкис — местечко в южной Элиде.

Харибда — персонификация морского водоворота: сидящее глубоко в безднах моря чудовище женского пола, изрыгающее и вновь поглощающее морские воды. Харибда и Скилла, два фантастических образа, принадлежащих оба сказкам, сложенным моряками о чудесах и ужасах моря, впоследствии получают у греков географическую локализацию: начиная с V века до нашего летоисчисления, имена того и другого чудовища уже тесно связаны с Мессинским проливом, отделяющим Сицилию от Италии.

Хариты — богини радости, красоты и пленительности.

Хиос — остров Эгейского моря, к югу от Лесбоса.

Хитон — нательная, безрукавная или с очень короткими, кончающимися у плеч рукавами, рубашка.

Хламида — короткий мужской плащ.

Хлорида — жена Нелея, дочь орхоменского царя Амфиона, мать Нестора, Хромия, Периклимена и Перо (Перы). См. *Амфион* 2.

Цетос — прав. Зетос — брат-близнец Амфиона. См. *Амфион* 1, *Аида* и *Антиопа*.

Циклопы, или киклопы. — В Одиссее это особый народ одноглазых полудиких великанов людоедов. Иная мифологическая традиция представлена Гезиодом («Теогония», ст. 139 сл.): у Гезиода киклопами называются три одноглазых гиганта, сыновья Неба и Земли, три титанических кузнеца, выковавших для Зевса молнию, громоносный его перун.

Цирцея, по-греч. «Кирка», — злая волшебница, властительница мифического острова Ээи (Эи), дочь Солнца (Гелиоса) и Персы, одной из Океанид, сестра Аэта, или Ээта, сказочного царя Колхиды.

Эак — сын Зевса и Эгины, эпонимной героини острова Эгины, лежащего в Сароническом заливе, к югу от Саламина, отец Пелея и Теламона. Ахиллес — внук Эака.

Эвбея — большой остров в Эгейском море, близ восточных берегов Средней Греции.

Эвмел — сын Адмета, царя фессалийского города Фер, и Алкестиды, добровольно пожертвовавшей своей жизнью за жизнь любимого мужа: миф, послуживший позже сюжетом драмы Еврипида «Алкестида».

Эвмей — свинопас Одиссея, раб, сын Ктесия, царя одного из двух городов сказочного острова Сирии (Сиры), ребенком проданный финикийскими купцами Лаэрту в рабство: рос в доме Лаэрта под надзором Антиклеи товарищем детских игр сестры Одиссея, Ктимены.

Эвпейт — знатный итакиец, отец Антиноя.

Эвр — восточный ветер.

Эвриад — один из женихов Пенелопы.

Эврибат — итакиец, глашатай Одиссея, взятый им с собой на троянскую войну. Имя Эврибата носит и один из двух глашатаев Агамемнона в Илиаде.

Эвридам, Эвридамант (последняя форма более правильная) — итакиец, один из женихов Пенелопы.

Эвридика — д. Климена, жена Нестора.

Эвриклея — д. Опса, внучка Певсенора, престарелая рабыня гречанка, исполняющая в доме Одиссея обязанности главной ключницы, доверенная прислужница Пенелопы, бывшая нянька Одиссея, а потом и Телемаха, в молодых годах проданная за высокую цену в двадцать быков Лаэрту в рабство.

Эврилох — товарищ, близкий друг и родственник Одиссея: женат, согласно позднейшей легенде, на сестре Одиссея, Ктимене.

Эвримах — с. Полибия, итакиец, на ряду с Антиноем один из главных женихов Пенелопы.

Эвримедон — прав. Эвримедонт — царь гигантов.

Эвримедуза — престарелая рабыня в доме Алкиноя на Схерии, молодой девушкой вывезена из мифической страны Апиры. У Жуковского ошибочно названа «эпирской» рабыней. См. *Апира*, и коммент. к VII, 9.

Эвриноm — итакиец, сын Эгиптия (Эгипция), брат съеденного Полифемом Антифа, один из женихов Пенелопы.

Эвринома — дочь Актора, ключница в доме Одиссея, доверенная рабыня Пенелопы, ухаживающая за ее спальней; дана ей отцом в приданое при выходе замуж.

Эврипил — сын Телефа, последний союзник троянцев, пришедший на помощь Приаму, во главе кетейских войск, в конце троянской войны. Его мать, Астиоха, сестра Приама, была подкуплена братом, подарившим ей драгоценную золотую вещь с тем условием, чтобы она позволила Эврипилу отправиться на войну. Астиоха приняла подарок и отпустила сына, хотя знала, что по решению богов Эврипил не мог вернуться с войны живым.

Эврит — царь фессалийского города Эхалии, знаменитый стрелок, получивший лук в дар от самого Аполлона и наказанный Аполлоном преждевременной смертью за дерзость, когда он однажды вызвал Аполлона на состязание. Умирая, Эврит завещал божественный лук Ифиту, своему сыну, а Ифит впоследствии подарил его Одиссею, и этим-то заветным луком и расстреливает потом женихов вернувшийся Одиссей.

Эвритион — один из кентавров на свадьбе Пиритоя и Лаодамии. См. *Пиритой*.

Эгида — косматая козья шкура, украшенная головой Горгоны. Наброшенная на плечи, она покрывает спину и грудь: в эгиде часто изображается Зевс, а также Афина, когда она одевается в убор воительницы. Эгида заключает в себе магическую силу, повергающую людей в неистовый ужас. Когда грозное божество снимает с себя эгиду и потрясает ею перед лицом врагов, сознание людей помрачается, мысли их путаются, их охватывает безотчетный страх.

Эгидодержавец, т. е. «носитель эгиды», — один из гомеровских эпитетов Зевса.

Эгист — сын Фиеста, двоюродный брат Агамемнона, сошедшийся с его женой Клитемнестрой в то время, когда Агамемнон находился на войне под Троей, и завладевший властью в Микенах. При возвращении Агамемнона он приготовил ему пышную встречу и коварно убил его (один или с помощью Клитемнестры, в зависимости от различных вариантов мифа). Семь лет правил он после того в Микенах: на восьмой год пришел к нему мститель, сын Агамемнона, молодой Орест, выросший на чужбине, и убил обоих — и Эгиста и свою мать.

Эгия — прав. Эги — город на севере Пелопоннеса, с знаменитым святилищем Посидона, одним из главных мест культа этого бога.

Эдип — сын Лая и Эпикасты (или Иокасты), при рождении брошен родителями, страшащимися пророчества о будущей судьбе ребенка, подобран чужими и вырос далеко от родины. Юношей идет искать своего отца, по дороге встречается с ним и, не зная его, случайно убивает его; затем попадает в Фивы, становится их царем и, не зная опять-таки, что ему Эпикаста мать, женится на ней и родит от нее детей. Наконец, тайна его рождения раскрывается, Эпикаста кончает самоубийством, а над Эдипом тяготеет скверна отцеубийства и кровосмесительства. Этот миф послужил сюжетом трагедии Софокла «Эдип-царь»; но у Гомера Эдип не уходит в изгнание, как у Софокла, а умирает стариком в Фивах.

Эзон — с. Тиро и Крефея, отец героя похода аргонавтов, Язона.

Экатомба, или Гекатомба, — дословно жертва в «сто быков»; распространительно, большая, вообще, жертва богам-небожителям.

Элатон — прав. Элат — один из женихов Пенелопы.

Электрон — янтарь, древними ценившийся наравне с драгоценными металлами.

Элефийская скала — скала Илифии, богини родовспомогательницы.

Элида — область в западной части Пелопоннеса.

Эллада, или Геллада. — Словом этим обозначается: 1) Греция вообще; 2) Пелопоннес; 3) небольшая область в южной Фессалии, недалеко от Фтии.

Эльпенор — самый молодой из воинов на корабле Одиссея, гибнущий в доме Кирки (Цирцеи) перед отъездом Одиссея

с острова Эи: спросонья, в хмельном состоянии, он падает с крыши и разбивается насмерть.

Энипей — река в Фессалии, приток Пенея.

Эол — демонический повелитель ветров, вместе с женой шестью сыновьями и шестью дочерьми обитающий на Эолии, пловучем острове.

Эолия — окруженный по берегам высокой медной стеной пловучий остров Эола.

Эос — богиня утренней зари (у римлян Аврора), одним из характерных эпитетов которой является прозвище «розоперстая», «с пальцами цвета розы», изображающее момент утренних красных зорь; у Жуковского «с перстами пурпурными», «с перстами багряными Эос».

Эпеос, или Эпей, — сын Панопея, ахейский воин. В мифе о взятии Трои он строит огромного деревянного коня, во внутренность которого залезают лучшие ахейские воины, в их числе и Одиссей, в то время как остальное ахейское войско садится на корабли и отплывает в море, делая вид, будто совсем покидает троянские берега. Троянцы ввозят загадочного коня к себе в город, а ночью воины выходят из его внутренности, застают граждан врасплох и овладевают Троей.

Эпеяне, эпейцы — древнейшие обитатели северной части Элиды в Пелопоннесе.

Эпикаста — мать и жена Эдипа. См. *Эдип.*

Эпир — см. *Апира.*

Эпирит — сочиненное имя, этимология неясна: его смысл, вероятно, близок русскому выражению «гонимый».

Эрев — покрытая мраком загробная область мертвых.

Эрембы — исторически неизвестный, быть может мифический, народ, локализуемый Одиссеей в передней Азии, близ Финикии.

Эрехтей — древнейший, рожденный Землей, легендарный афинский царь.

Эримант — горный кряж в Аркадии, в Пелопоннесе.

Эриннии — прав. Эринии — богини пролитой крови, кровной мести, карающие убийцу, преследуя его по пятам и помрачая его рассудок; в римской религии им соответствуют фурии.

Эрифила — жена Амфиарая: подкупленная сыном Эдипа, Полиником, подарившим ей золотое ожерелье, она уговорила мужа выступить вместе с Полиником, стремившимся отнять фиванский престол у своего брата Этеокла, в поход против Фив и тем погубила Амфиарая, которому предречена была в этом походе смерть. Алкмеон, сын Амфиарая и Эрифилы, отомстил матери за смерть отца, убил Эрифилу и подвергся потом, подобно Оресту, преследованиям Эриний, каравших его за грех матереубийства. См. *Алкмеон* и *Амфиарай.*

Эрмейский холм, — т. е. «холм Гермеса (Эрмия)».

Эрмиона, или Гермиона, — единственная дочь Елены и Менелая, выданная замуж за сына Ахиллеса, Неоптолема.

Эрмий, или Гермес, — сын Зевса и богини Майи, юный бог, родившийся на горе Киллене, в Аркадии, посланник Зевса к богам и к людям, обычно изображавшийся в крылатой обуви, широкополой дорожной шляпе (петасос) и с магическим жезлом в руке. См. *Носитель жезла золотого*. Гермес является, в частности, пастушеским богом; пастухи, в том числе и Эвмей, считают его своим покровителем. Гермес зорко оберегает стадо, но чужое стадо, когда надо, ловко умеет выкрасть: он искусный вор, и воры считают его своим патроном. Вот почему Автолик (Автоликон) пользуется его расположением (см. *Автоликон*). Связь Гермеса с загробным миром, наблюдаемая ясно в религиозном культе, проступает отчетливо лишь в заключительной книге Одиссеи, где Гермес ведет в царство Аида души убитых женихов Пенелопы.

Этеон — прав. Этеоней — сын Воэтоя, слуга Менелая, не раб, а свободный. Перевод Жуковского «спальник» (IV, 23) лишен основания.

Этолия — область в западной части средней Греции, к югу от Эпира.

Эфиальт — см. *Отос*.

Эфиопы — мифический народ, живущий близ Океана, у последних пределов земли, на крайнем востоке или на крайнем западе.

Эфир — греч. слово: «воздух».

Эфира — город в Элиде, в Пелопоннесе.

Эхеней — один из стариков феакийцев.

Эхет — жестокий царь, царство которого находится на материке, противолежащем острову Итаке. Его имя по-греч. звучит «Эхетос», т. е. «цепкий», «хваткий», никого не выпускающий из своих рук. Это не имя, а описательного характера прозвище типа эпитетов божества смерти. Таким, вероятно, оно и было первоначально.

Эхефрон — один из сыновей Нестора.

Эя — прав. Ээя — мифический остров Кирки (Цирцеи).

Язион — смертный юноша, возлюбленный богини Деметры, с которым она сочеталась на лежащем под паром, трижды вспаханном поле; типично аграрный миф, магически символизующий плодородную мощь обработанной силами человека культурной земли. См. *Димитра*.

Язийский Аргос — см. *Аргос 3*.

Язон — герой похода аргонавтов. См. *Пелиас* и *Аэт*.

Ярдан — название одной из рек на острове Крите.

Список иллюстраций

Содержание

Редактор Д. А. Горбов. Художественная редакция М. П. Сокольников. Техн. ред. Н. Н. Филиппов. Наблюден. на производстве А. М. Гайденков.

⁂

Сдано в набор 15. IV. 1935. Подп. к печати 15. XI. 1935. Вышла в свет XII. 1935. Тираж 10.300. Уполномоч. Главлита № Б-11995. Индекс А-1. Изд. № 171. Уч.-авторских листов 28. Бум. 82×110 в 1/32. Бумажных листов 8.4. Заказ № 2792.

⁂

Отпечатано в типографии „Ленинградск. Правда" Ленинград. Социалистическая, 14.

Цена 5 р.
Переплет 2 р. 50 к.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
9	11 св.	одряхление	одряхления
10	17 сн.	впечатления	впечатление
14	13 "	Одиссея	Одиссеи
35	3 "	XXII	XIII
40	12 св.	ничего	нечего
41	6 сн.	запаса	эпоса
43	16 "	IV	VI
44	2 св.	XXI	XV
44	3 "	появляются	появляется
50	7 сн.	длинногромных	длинноогромных
83	19 "	пришел	пришед
127	14 св.	насладилсь	насладились
131	6 сн.	истребившем	истребившим
139	1 "	Эримант	Эвримант
208	2 св.	пещер	пещере
268	10 "	крикнул	крикнув
279	7 "	на	за
296	12 "	страшаться	страшатся
388	7 "	насдество	наследство
458	7 сн.	Мудрые	Умные
459	22 св.	заключает	заключают
470	8 "	89	98
472	19 "	307	301
486	5 сн.	173	137